ДРЕВНІЯ
РОССІЙСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ,

СОБРАННЫЯ

КИРШЕЮ ДАНИЛОВЫМЪ,

И

ВТОРИЧНО ИЗДАННЫЯ,

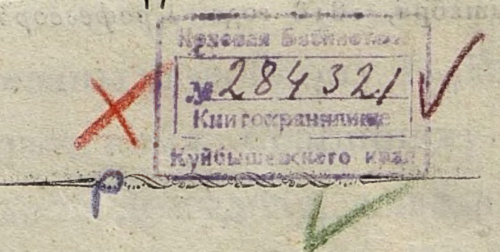
СЪ ПРИБАВЛЕНІЕМЪ

35

ПѢСЕНЪ И СКАЗОКЪ, ДОСЕЛѢ НЕИЗВѢСТНЫХЪ,

И

НОТЪ ДЛЯ НАПѢВА.



МОСКВА.
Въ Типографіи Семена Селивановскаго.
1818.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Москва, 23 Октября, 1818 года. *Профессоръ Снѣгиревъ.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Древнія, или лучше сказать старинныя, Россійскія Стихотворенія, вторично теперь издаваемыя, принадлежатъ къ числу любопытныхъ произведеній нашей словесности. Присоединеніе къ нимъ доселѣ еще неизвѣстныхъ 35 стихотвореній, приложеніе нотъ и вѣрность изданія, даютъ имъ совершенное превосходство надъ первымъ тисненіемъ. За открытіе и сохраненіе сихъ старыхъ памятниковъ Русской словесности мы обязаны покойному Г. Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Прокофію Акинфіевичу Демидову, для коего они, предъ симъ лѣтъ за 70, были списаны; по смерти его рукопись сія перешла къ Н. М. Хозикову, а имъ уже подарена въ 1802 году

Его Превосходительству Өедору Петровичу Ключареву. По разсмотрѣніи оригинала, онъ нашелъ ихъ довольно любопытными для просвѣщенной Публики и поручилъ издать, служившему подъ начальствомъ его, воспитаннику Московскаго Университета (нынѣ Калужскому Губернскому Почтмейстеру), А. Ѳ. Якубовичу. Г. Якубовичь, выбравъ лучщія, по его мнѣнію, изъ сихъ стихотвореній, напечаталъ сей памятникъ Поэзіи протекшихъ вѣковъ, въ Москвѣ, въ типографіи С. Селивановскаго, 1804 года, въ 8 долю листа, на 324 страницахъ, подъ названіемъ: *Древнія Рускія Стихотворенія*. По напечатаніи, рукопись осталась собственностію Издателя; въ ней сохранялось еще много не менѣе любопытныхъ піэсъ, которыя, въ томъ же 1804 году, Г. Якубовичь приготовлялъ ко второй части, но обстоятельства не дозволили появиться полному изда-

нію. Въ 1816 году, знаменитый саномъ, а еще болѣе любовію своею къ Русскимъ Древностямъ, Государственный Канцлеръ Графъ Николай Петровичь Румянцовъ, получивъ сію рукопись въ собственность, приказалъ мнѣ оную напечатать. — Она писана въ листъ, на 202 страницахъ, скорописью, безъ наблюденія Орѳографіи и безъ раздѣленія стиховъ; надъ каждою статьею, для игры на скрипкѣ, приложены ноты. Рукопись оканчивается началомъ пѣсни *о Стенькѣ Разинѣ* (1).

(1) „А и по край было моря синяго 2ж,
А на усть Дону тихаго,
На крутомъ красномъ берегу
А стоитъ тутъ славной Азовъ городъ 2ж
Со стѣной бѣлокаменной 2ж,
И со башнями наугольными 2ж,
И со рвами глубокими 2ж,
Съ земляными роскатами 2ж
И съ рогатками желѣзными.
Середи Азова города
Тутъ стоитъ темна темница.“ ....

Сочинитель, или вѣрнѣе собиратель, Древнихъ Стихотвореній, ибо многія изъ нихъ принадлежатъ временамъ отдаленнымъ, былъ нѣкто *Кирша* (безъ сомнѣнія, по Малороссійскому выговору, Кириллъ, такъ какъ *Павша*—Павелъ) *Даниловъ*, вѣроятно Козакъ; ибо онъ нерѣдко воспѣваетъ подвиги сего храбраго войска съ особеннымъ восторгомъ. Имя его было поставлено на первомъ, теперь уже потерянномъ, листѣ Древнихъ Стихотвореній (2) и въ 36 піэсѣ: *да не жаль добра молодца битаго—жаль похмѣльнаго*, гдѣ онъ самъ себя именуетъ *Кирилломъ Даниловичемъ*, посвящая сіе произведеніе вину и дружбѣ. Мѣсто его рожденія или пребыванія означить трудно; ибо въ піэсѣ: *три года Добрынюшка стольничалъ*, на страницѣ 67, говоритъ сочинитель:

---

(2) За справедливость сего ручается Г. Якубовичь.

„А и не было Добрыни шесть мѣсяцовъ,
По *нашему-то Сибирскому* словетъ полгода (3).“

Въ статьѣ: *Василій Буслаевъ*, на стран. 73:

„А и нѣтъ *у насъ* такого пѣвца,
Во славномъ Новѣгородѣ,
Сопротивъ Василья Буслаева.“

И наконецъ, въ *Чурильѣ Игуменьѣ*, на стран. 383, представляетъ себя жителемъ Кіевскимъ:

(3) По сему, и ниже приведеннымъ доказательствамъ, не безъ вѣроятія, заключить можно, что нѣкоторыя изъ стихотвореній сочинены въ Сибири. Это видно: 1. изъ многихъ піэсъ, въ коихъ единственно воспѣваются произшествія Сибирскія; 2. изъ преимущественнаго употребленія имени существительнаго въ единственномъ числѣ и падежѣ именительномъ и 3. изъ сходства нѣкоторыхъ словъ стихотвореній съ простонародными, употребляемыми въ Иркутскѣ. Присоединимъ примѣръ ко второму доказательству. Въ нашихъ стихотвореніяхъ нерѣдко встрѣчаются выраженія: *стѣна* пройти, *нога* изломить, *зима* зимовать (стр. 51, 52. и 114); а въ Екатеринбургѣ тамошніе жители и нынѣ говорятъ: *труба* закрыть, *квашня* замѣсить, *шуба* зашить, *вода*

„Да много было въ Кіевѣ Божьихъ церквей,
А больше того почестныхъ монастырей;
А и не было чуднѣе Благовѣщенія Христова.
А *у нашего* Христова Благовѣщенья честнаго
А былъ *у насъ-де* Иванъ пономарь.“ и т. д.

Ни по языку, въ которомъ не видно печати древности, ни по нотѣ, ни по содержанію статей, въ коихъ встрѣчаются описанія подвиговъ Владиміра и могучихъ богатырей его, не можно относить сочинителя къ

налить и проч. Въ удостовѣреніе же сходства нѣкоторыхъ словъ, приведемъ объясненіе изъ *примѣчаній*, присоединенныхъ къ *новѣйшимъ, любопытнымъ и достовѣрнымъ повѣствованіямъ о Восточной Сибири* Г. Семивскаго (Спб. 1817. 8). Въ стихотвореніяхъ (стр. 302) сказано:

„Они (Мунгалы) ѣздили за звѣрями *обловами*.“ — *Аблава* (по Монгольски и Маньджурски *аба* и *абаламой*), дѣйствіе при звѣриной охотѣ или травлѣ, которая производится наиболѣе кочующими народами и людми, во множествѣ для того собранными, какъ пѣшими, такъ и конными, дѣлающими изъ себя иногда верстъ на 30 и болѣе кругъ, и потомъ къ одному мѣсту или пункту соединяющимися съ крикомъ и со звуками различныхъ, употребляемыхъ у нихъ, инструментовъ, а между тѣмъ разные дикіе звѣри, въ сей

тѣмъ вѣкамъ, которые онъ изображаетъ. А кажется, и не безъ вѣроятія, судя по 30 піэсѣ: *свѣтелъ, радошенъ Царь Алексѣй Михайловичь*, гдѣ Стихотворецъ воспѣваетъ рожденіе Петра I; а еще болѣе по повѣсти: *о Атаманѣ Флорѣ Минаевичѣ*, въ которой сей Начальникъ Донскаго войска съ Козаками, изъявляя прискорбіе о возбраненіи имъ плаванія на Дону, подаетъ въ Москвѣ Государю Петру I просьбу на сіе притѣсненіе, — что собиратель Древнихъ Стихотвореній долженъ прина-

---

кругъ загоняемые, убиваемы ими бываютъ стрѣлами изъ луковъ и пулями изъ ружей или винтовокъ. Стран. 16.

„А бьетъ онъ звѣри *сохатые*.“ Стран. 48. Такъ говорится о богатырѣ *Волхѣ Всеславьевичѣ* въ нашихъ стихотвореніяхъ. — *Сохаты*, или *сохатые*, лоси (cervus Alces). Стран. 24.

„Они (Усы) *щепетко* по городу похаживаютъ.“ Стран. 409. — *Щепетко*, хорошо и славно. — *Щепеткой*, хорошій и пригожій. Стран. 26.

На 170 стран. Стихотворецъ употребилъ слово: *сопка*, преимущественно Сибирякамъ принадлежащее.

длежать къ первымъ десятилѣтіямъ XVIII вѣка. Однако, не льзя не согласиться, что начало сихъ стихотвореній скрывается во временахъ отдаленныхъ. Повсемѣстная извѣстность нѣкоторыхъ изъ піэсъ, помѣщенныхъ Даниловымъ, каковы: *Никитѣ Романовичу дано село Преображенское; Князь Романъ жену терялъ; Усы, удалы молодцы; о станишникахъ или разбойникахъ* (4) и т. д., которыя изстари поются съ бо́льшимъ или ме́ньшимъ различіемъ, убѣждаютъ въ той мысли, что Даниловъ не первый сложилъ оныя. Можетъ

---

(4) Въ изящномъ *карманномъ пѣсенникѣ, или собраніи лучшихъ свѣтскихъ и простонародныхъ пѣсенъ*, изданномъ И. И. Дмитріевымъ, въ 3 частяхъ, въ Москвѣ, 1796 года, въ 8, въ числѣ *былевыхъ*, подъ № 1, помѣщена пѣсня, безъ заглавія, одинакая съ піэсою: *Никитѣ Романовичу дано село Преображенское;* произшествіе тоже, съ небольшими отличіями въ расказѣ и поправками въ слогѣ. Въ семъ же собраніи пѣсенъ, въ числѣ былевыхъ, подъ № 7, описаніе корабля *сокола* согласно съ

быть, онъ имѣлъ древнѣйшія остатки народныхъ пѣсенъ, но, къ сожалѣнію, ихъ передѣлалъ. Татищевъ свидѣтельствуетъ (5), что въ пѣсняхъ о пирахъ Владиміра, еще въ его время пѣвали:

„Противъ двора Путятина,
Противъ терема Зыбатина,
Стараго Путяти темной лѣсъ."

Вѣримъ. Но теперь, сколько мнѣ извѣстно, не осталось ни малѣйшихъ слѣдовъ сей пѣсни, и о самомъ *Путятѣ* нѣтъ извѣстій въ жизни Владиміра: имя его встрѣчается въ лѣтописяхъ гораздо позже.

находящимся въ *Соловьѣ Будиміровичѣ.* — *Усы, удалы молодцы* помѣщены, подъ No 23, въ *собраніи разныхъ Каиновыхъ пѣсенъ*, присоединенныхъ къ его *Исторіи* (М. 1792. 8). Я самъ слышалъ и живо впечатлѣлъ въ памяти заунывной тонъ пѣсни: *Князь Романъ жену терялъ* и протяжной: *о станишникахъ или разбойникахъ.*

(5) Въ 45 примѣчаніи къ *Исторіи* (Лже) *Іоакима Новогородскаго Епископа.* См. Исторіи Россійской (М. 1768. 4) Ч. 1. кн. 1. стран. 50.

Народныя сказки сохранили память о великолѣпіи Владиміровыхъ пировъ и о могучихъ богатыряхъ его, которыхъ онъ, подобно Карлу Великому, дарами и почестію привлекалъ ко Двору своему. Большая часть пѣсенъ и сказокъ Данилова посвящены славѣ сего Князя и подвигамъ храбрыхъ его Витязей. Случалось ли какое знаменитое происшествіе: побѣда, бракосочетаніе, прибытіе посла, или пріѣздъ желаннаго гостя; тогда

„Въ стольномъ въ городѣ во Кіевѣ,
Что у ласкова, сударь, Князя Владиміра,
А и было пированье, почестной пиръ,
Было столованье, почестной столъ;
Много на пиру было Князей и бояръ,
И Рускихъ могучихъ богатырей.“ Стр. 85.

Тутъ собирались: *Добрыня Никитичь, Илья Муромецъ Ивановичь, Алёша Поповичь, Чурила Пленковичь, Соловей Будиміровичь, Дюкъ Степановичь, Иванъ*

гостиной сынъ (Дунай Ивановичь), Акимъ Ивановичь, Ставръ Годиновичь, Касьянъ Михайловичь, Потокъ Михайло Ивановичь, Василїй Игнатьевъ льяница, Тугаринъ Змѣевичь и другїе, не менѣе славные Витязи. Пиръ начинался; богатырямъ подносили *чару зелена вина — мѣрой въ полтора ведра, и турїй рогъ меду сладкаго — въ полтретья ведра:*

„А и будетъ день въ половину дня,
Княженецкой столъ во полу столѣ,
Владимїръ Князь разпотѣшился,
По свѣтлой гриднѣ похаживаетъ,
Черныя кудри разчесываетъ“;

и, среди ликованїй дружины, мечтаетъ о новыхъ завоеванїяхъ, бесѣдуетъ съ мудрѣйшими о нуждахъ, пользѣ, законахъ и благосостоянїи Государства. Такъ пиршествовалъ *каждую недѣлю* Князь Владимїръ Святославичь, отвергшїй вѣру Моггамеданъ сими словами: *Руси есть веселье*

литье, не можемъ безъ того быти. Если не повѣримъ въ семъ случаѣ Данилову, то послушаемъ справедливаго Лѣтописца Нестора. „Се же пакы творяше людемъ своимъ *по вся недѣля*: устави на дворѣ въ гридьницѣ пиръ творити, и приходити боляромъ, и гридемъ, и сѣцьскымъ, и десяцьскымъ, и нарочитымъ мужемъ, при Князи и безъ Князя: бываше множьство отъ мясъ, отъ скота и отъ звѣрины, бяше по изобилью отъ всего. Егда же подъпьяхуться, начьняхуть роптати на Князь, глаголюще: зло есть нашимъ головамъ! да намъ ясти деревяными лѣжицами, а не сребряными. Се слышавъ Володимеръ, повелѣ исковати лжицѣ сребрены, ясти дружинѣ, рекъ сице: яко сребромь и златомь не имамъ налѣсти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато, якоже дѣдъ мой и отець мой доискася дружиною злата и сребра. Бѣ бо Володимеръ любя

дружину и съ ними думая о строи землeнѣмь, и о ратехъ, и уставѣ земленѣмь (6).“ Довольно для доказательства.

Теперь посмотримъ, кто таковы временъ Владиміровыхъ герои, которыхъ военнымъ подвигамъ и славѣ Даниловъ посвятилъ свои струны. Большая часть именъ ихъ и дѣяній суть вымыслы Стихотворца; другіе принадлежатъ вѣкамъ послѣдующимъ. *Добрыня Никитичь,* братъ Малуши ключницы Ольгиной, Посадникъ Новгородскій, котораго лѣтопись сохранила одно только Славянское (языческое) имя, былъ дядя Владиміровъ, преданный славѣ племянника своего и благу отечества. — *Александръ* (у Данилова *Алёша*) *Половичь*, если вѣрить одному Татищеву, въ 1000 году, внезапно, ночью, напавъ на измѣнника Володаря, приведшаго Печенѣ-

(6) Несторъ, *по Лаврентьевскому списку,* изд. Профессоромъ Тимковскимъ, стран. 89 и 90.

говъ къ Кіеву, поразилъ и прогналъ непріятеля; за что Владиміръ, возложивъ на него златую гривну, возвелъ на степень Вельможи Двора своего. — *Илья Муромецъ*, извѣстный въ народныхъ сказкахъ своею побѣдою надъ *Соловьемъ Разбойникомъ*, оглушавшимъ свистомъ своимъ и конныхъ и пѣшихъ, еще болѣе славенъ святостію жизни и нетлѣніемъ мощей, въ Кіевѣ почивающихъ (7). Даниловъ, согласно съ преданіемъ, повѣствуетъ, будто Витязь нашъ, въ проѣздъ свой въ Кіевъ изъ Муромскаго села *Корочаева*, встрѣтивъ Соловья на девяти дубахъ, въ темныхъ лѣсахъ Брынскихъ, сшибъ его съ дерева стрѣлою, попавшею ему въ правой глазъ и, привязавъ *къ лукѣ сѣдельной*, примчалъ въ Кіевъ на дворъ Княжескій; гдѣ Разбойникъ сей едва не уморилъ

(7) Память по немъ совершается Декабря 19 дня. *Истор. Рос. Іер.* Част. 1. стран. 313.

свистомъ, шипомъ змѣинымъ и ревомъ звѣринымъ Владиміра съ Княгинею и храбрыхъ богатырей ихъ. Муромецъ, если вѣрить Іоакимовой лѣтописи, у Татищева помѣщенной, принадлежитъ къ рыцарямъ Владиміровымъ; ибо высшій жрецъ *Богомилъ,* по сладкорѣчію названный *Соловьемъ,* возмущая народъ, сильно возставалъ противъ принятія крещенія. Покойный Г. Елагинъ взялъ на себя трудъ разкрасить своею догадкою басню Татищева, полезную не для Исторіи, а для нашихъ только сказокъ и пѣсенъ. — О Сотскомъ *Ставрѣ* лѣтопись Княженія Владимірова не говоритъ ни слова; но Новгородская, гораздо позже, въ 1118 году, упоминаетъ о ссылкѣ его за грабежъ, Князьями Мстиславомъ и Владиміромъ. Сравните *Ставра боярина* у Данилова, и вы найдете одно и тоже. — О смерти *Василія Буслаева* записано въ одной лѣ-

тописи (8), подъ 1171 годомъ, гдѣ онъ названъ *Посадникомъ Васкою Буславичемъ.* Изъ сихъ примѣровъ видно, что нашъ Стихотворецъ кое-что зналъ, но другимъ расказывалъ по своему; онъ забылъ только почтить память извѣстнаго юнаго кожевника, побѣдителя Печенѣжскаго Голіаѳа.

Герои послѣдующихъ временъ, воспѣтые нашимъ Стихотворцемъ, не менѣе примѣчательны. Тутъ являются: *Садко богатой гость, Щелканъ Дудентьевичь, Ермакъ Тимоѳѣевичь, Царь Иванъ Васильевичь, Мастрюкъ Темрюковичь, Гришка разстрига, Михайло Сколинъ, Царь Алексѣй Михайловичь* съ безсмертнымъ сыномъ своимъ *Петромъ Великимъ,* и другіе.— *Садко* скупаетъ всѣ товары въ Новгородѣ и отъ избытка своего строитъ церкви Архидіакона Стефана, Софіи и Николы Мо-

(8) *По списку Никонову.* Спб. Ч. 2. 1768, стран. 215.

жайскаго; потомъ совершаетъ какое-то неслыханное путешествіе на дно моря: игрою *на звончатыхъ гусляхъ* утѣшаетъ Царя морскаго, женится и дѣйствіемъ непостижимаго чуда опять является въ Новгородѣ. — *Щелканъ Дудентьевичь*, въ отбытіе свое за данью въ Литву, не получивъ удѣла отъ Царя *Азвяка (Узбека)*, возвратившись проситъ въ свою очередь, за услуги его, наградить городомъ Тверью. Царь соглашается съ условіемъ, чтобы шуринъ его, Щелканъ, заколовъ своего любимаго сына, выпилъ чашу горячей его крови; послѣдній повинуется безчеловѣчному желанію, и отправясь на Тверской удѣлъ свой, скоро насильственными поступками вооружаетъ противъ себя жителей, которые его убиваютъ. — Далѣе, шуринъ Царя Ивана Васильевича, *Мастрюкъ Темрюковичь*, борется съ Московскимъ силачемъ *Потанькою*,

которой, *согнувъ его корчагою* и ударивъ о сырую землю, посрамляетъ, къ радости Царя Русскаго, похвальбу Мастрюкову.— Чародѣйка *Марина*, жена похитителя престола Отрепьева, при народномъ возмущеніи, обертывается сорокою и вылетаетъ изъ палатъ Царскихъ. — Воевода Московскій, Князь *Михайло Васильевичъ Сколинъ*, очищаетъ Столицу отъ окружившихъ ее непріятелей: *Литвы, долгополой Сорочины, Пятигорскихъ Черкесъ, Калмыковъ, Татаръ, Башкирцевъ, Чукшей* и *Люторовъ* (Лютеранъ) — И когда же? Въ 1619 году, когда уже отечество наше успокоилось отъ бурь военныхъ и внутреннихъ смятеній, подъ скипетромъ мудраго единодержавія Михаилова. — Мимоходомъ замѣтимъ, что Садко жилъ въ XII вѣкѣ; лѣтописи (9) упоминаютъ о построеніи

(9) Въ печатномъ изданіи *Новгородской* харатейной имя его раздѣлено слѣдующимъ образомъ: *Сѣдъ* (*Содъ*) *Косы-*

имЪ, вЪ 1167 году, вЪ НовгородѢ, каменной церкви Св. МученикЪ Бориса и ГлѢба. — ЩелканЪ, слѢдуя Воскресенской лѢтописи, по Новгородской харатейной *Шевкалъ*, сынЪ ДюденевЪ, двоюродной братЪ Хана Узбека, вЪ правленіе Александра Михайловича, вЪ 1327 году, прибылЪ ПосломЪ вЪ городЪ Тверь; но скоро наглостію своею раздражилЪ Великаго Князя. Сей, вооруживЪ гражданЪ противЪ Шевкала, вЪ жестокомЪ, отчаянномЪ сраженіи, истреблялЪ ТатарЪ отЪ утра до самаго вечера. ПосолЪ, сЪ остаткомЪ Ханской дружины, искалЪ во дворцѢ себѢ спасенія; Князь зажегЪ его и ШевкалЪ сгорѢлЪ тамЪ сЪ оставшимися Татарами. — Достойно замѢчанія, что содержаніе одной піэсы: *сорокъ каликъ со кали-*

тиницъ. М. 1781. стран. 35. Г. КарамзинЪ, вЪ *Исторіи Государства Россійскаго*, называетЪ его *Соткою*. Т. 2. прим. 45. стран. 332.

кою взято изъ Исторіи прекраснаго Іосифа. Здѣсь небывалая супруга Владиміра, Княгиня *Апраксѣевна*, влюбляется въ Атамана *Касьяна Михайловича*, которой, сохраняя святость обѣта своего, отвергаетъ постыдное предложеніе. Раздраженная Княгиня приказываетъ запрятать въ суму Атамана серебряную любимую чарку Владиміра: дѣло сдѣлано — Атаманъ объявленъ похитителемъ и товарищи, въ силу заключеннаго между ними условія, закопываютъ его по плеча въ землю. Княгиня слегла въ постель тяжкимъ недугомъ, и только по возвращеніи каликъ изъ Іерусалима, когда открывается невинность Атамана, получаетъ изцѣленіе. Въ Касьянѣ узнаемъ мы Іосифа и Веніамина, смѣшанныхъ въ одно лице; въ супругѣ Владиміровой — сластолюбивую жену Пентефрія.

Если Даниловъ находилъ источники для своихъ пѣсенъ въ Исторіи, то несравнен-

но болѣе матеріаловъ доставляли ему народныя сказки, на которыя, въ семъ отношеніи, обратимъ теперь вниманіе. Повѣсти: *о Князѣ Владимірѣ Кіевскомъ и о могучемъ богатырѣ его Добрынѣ Никитичѣ — о Чурилѣ Пленковичѣ — объ Алёшѣ Половичѣ — о Старославенскомъ Князѣ Васильѣ Богуслаевичѣ — о Дворянинѣ Заолѣшанинѣ, богатырѣ, служившемъ Князю Владиміру*, и другія, помѣщенныя Г. Левшинымъ въ его *Рускихъ сказкахъ* (10), представляютъ согласныя произшествія, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, одинакимъ языкомъ описанныя. У Г. Левшина, точно какъ и у Данилова, представлены подвиги юнаго Василья Богуслаевича. „Жилъ

---

(10) *Рускія сказки, содержащія древнѣйшія повѣствованія о славныхъ богатыряхъ, сказки народныя и прочія, оставшіяся чрезъ пересказываніе въ памяти, приключенія;* изданы въ Москвѣ, въ 8, въ 10 частяхъ, четыре первыя вторымъ тисненіемъ 1807, а шесть послѣднія первымъ 1783 года.

Богуслай девяносто лѣтъ; живучи Богуслай переставился. Оставалось у него милое дѣтище, Василій Богуславвичь; когда онъ достигнетъ пятнадцати лѣтъ, выходитъ онъ на улицу на Рогатицу, играетъ онъ не съ малыми ребятами, съ усатыми и бородатыми: котораго изъ нихъ схватитъ за руку, у того рука прочь; а кого за голову, головы нѣтъ." Г. Левшинъ помѣщаетъ сказку о *богатырѣ Заолѣшанинѣ*, а у Данилова, въ двухъ мѣстахъ, упоминаются *мужики Залѣшана* (стр. 75 и 358). Посему, не безъ вѣроятія, заключить можно, что Издатель Русскихъ сказокъ имѣлъ у себя стихотворенія Данилова; онъ самъ говоритъ, что пожаръ похитилъ у него *собраніе древнихъ богатырскихъ пѣсенъ*, изъ коихъ сохранено имъ въ памяти нѣсколько слѣдующихъ стиховъ о *Добрынѣ Никитичѣ* (ч. I. стр. 138 и 139 въ примѣч.):

„Издалеча, издалеча во чистомъ полѣ,
Какъ далѣе того на Украйнѣ,
Какъ ѣдетъ, поѣдетъ добрый молодецъ,
Сильный могучь богатырь Добрыня,
А Добрыня вѣдь-то, братцы, Никитьевичь.
И съ нимъ вѣдь ѣдетъ Таропъ слуга."

Послѣ сего описывается пріѣздъ его ко Князю Владиміру и сраженіе съ Тугариномъ; но Г. Левшинъ сихъ подробностей не могъ упомнить:

„У Тугарина собаки крылья бумажныя,
И летаетъ онъ собака по поднебесью."

Сравните Алёшу Поповича у Данилова. Стран. 180 — 194. Въ стихотвореніяхъ, принадлежавшихъ Левшину, пѣсня сія оканчивается слѣдующими стихами:

„Упалъ онъ собака на сыру землю,
А Добрыня ему голову свернулъ,
Голову свернулъ, на копье взоткнулъ."

Примѣчательно, что и почтенные Издатели *Слова о полку Игоревѣ* (11), еще

(11) Ихъ Превосходительства: А. Ѳ. Малиновскій, Н. Н. Бантышъ-Каменскій и Графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ.

4*

до появленія въ свѣтъ Древнихъ Стихотвореній, помѣстили изъ оныхъ начало одной пѣсни, хотя не означили откуда оное ими почерпнуто.

Теперь посмотримъ, каковы у Данилова описанія? — Просты, обильны повтореніями и большею частію наполнены анахронизмами. Здѣсь, при *Владимірѣ*, неслыханный Царь *Золотой Орды* и какой-то *богатой Могозеи — Калинъ* подступаетъ подъ столичный городъ Кіевъ! *Добрыня* побѣждаетъ *Сарацинъ*, *Пятигорскихъ Черкесъ*, *Калмыковъ*, *Татаръ* и *Люторовъ!* Князь *Владиміръ* забавляется игрою въ *шахматы* съ женою боярина *Ставра!* На кораблѣ *Соловья Будиміровича*, зятя Князя *Владиміра*, для украшеній, былъ повѣшенъ *черной соболь Якутскій*, *и Якутскій вѣдь Сибирскій!* — *Дюкъ Степановичь* выѣзжаетъ *изъ славнаго Волынца*, *красна Галичья*, *изъ тоя Карелы*

богатыя! Василїй Буслаевъ плыветъ въ Іерусалимъ изъ озера Ильменя *по Каспїйскому морю! Турецкїй Султанъ* заключаетъ въ Азовѣ въ темницу Донскаго Козака *Ермака Тимофѣевича!* Царь *Иванъ Васильевичь Грозный,* въ гнѣвѣ, повелѣваетъ казнить сына своего *Ѳедора Ивановича;* жизнь его спасаетъ дядя его *Никита Романовичь! Марѳа Матвѣевна,* мать Царевича Димитрія, жила въ какомъ-то монастырѣ *Боголюбовѣ! Михайло Сколинъ* пишетъ ярлыки къ *Королю Карлу въ Свицкую* (Шведскую) *землю, Саксонскую!* и проч. и проч.

Каковъ языкъ его? — народной, сказочной, съ частыми повтореніями однихъ и тѣхъ же выраженій, съ многосоюзіями. Въ немъ встрѣчаются кое-гдѣ слова, вышедшія изъ употребленія (12).

---

(12) Приведемъ нѣсколько изъ нихъ для примѣра. *Вражба,* стран. 48, тоже что вражда. Отсюда *ворожбитъ*—

Права Данилова на красоты слога самыя ограниченныя. Однако, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и у него встрѣчаются піитическіе вымыслы:

„Сидитъ Афросинья въ высокомъ терему,
За тридесять замками булатными,
А и буйные вѣтры не вихнуть на ее,
А красное солнце не печетъ лице:
А то-то, сударь, дѣвушка, станомъ статна,
Станомъ статна и умомъ свершна,
Бѣлое лице какъ бы бѣлой снѣгъ,
А ягодицы какъ маковъ цвѣтъ,
Черныя брови какъ бы соболи,
Ясныя очи какъ у сокола.“ Стран. 87.

врагъ. — *Залѣзаю*, 84, нахожу, отъ *лѣзу* — иду. — *Изголова*, 106 и 116, должно думать, верховье рѣки. — *Настъ*, 49, поверхность снѣга, замерзшая послѣ оттепели. Отсюда *ненастье*. — *Полоть*, *полтеи*, 83, разсѣченныя по поламъ трупы. — *Повалешное*, 83, какая-то дань съ дѣвицъ. — *Повалуша*, 61, какое-то деревенское строеніе. — *Уразъ*, 84, здѣсь взято за драку, кровопролитіе. — *Хоботъ*, 262 и 388, земля. Отсюда, вѣроятно, произошло теперешнее простонародное слово *ухоботье* или *хвостецъ*, обивки, съ земли собираемые,

Послушайте жалобы Русской дѣвицы, плѣненной Татарами:

„На бесѣдѣ сидятъ три Татарина,
Три собаки наѣздники,
Передъ ними ходитъ красна дѣвица,
Руская дѣвица полоняночка,
Молода Мароа Петровична,
Во слезахъ не можетъ слово молвити,
Добрѣ жалобно причитаючи:
„О злочастная, моя буйна голова!
Горе горькое, моя руса коса!
А вечоръ тебя матушка разчесывала;
Разчесала матушка, заплетала;
Я сама, дѣвица, знаю, вѣдаю,
Расплетать будетъ мою русу косу
Тремъ Татарамъ наѣздникамъ." Стран. 209.

послѣ яроваго хлѣба. Въ пѣсни о войнѣ съ Половцами Игоря, стран. 37, слово *хоботъ* взято въ одномъ значеніи съ стихотвореніями: „сего бо (стараго Владиміра) нынѣ стата стязи Рюриковы, а друзіи Давидовы; нъ рози нося имъ *хоботы* пашутъ." — Хочетъ (Индійскій Царь) Кіевъ градъ *за щитомъ* весь взять. Выраженія: *за щитомъ взять*, *взять на щитъ* значатъ плѣнить; *вдать на щитъ* — сдаться военноплѣнными.

52 піэса: *охъ! въ горѣ жить — некручинну быть*, и по слогу и по мыслямЪ, заслуживаетЪ первое мѣсто вЪ нашихЪ стихотвореніяхЪ.

ДаниловЪ писалЪ болѣе для людей необразованныхЪ — потому у него много фарсовЪ; пѣлЪ не для безсмертія, а для удовольствія своихЪ слишкомЪ веселыхЪ слушателей — по сему-то онЪ пренебрегалЪ умѣренностію и правилами благопристойности. Мѣста, вЪ нашемЪ изданіи, означенныя точками (13) показываютЪ, что тутЪ ПѣвецЪ нашЪ, пресыщенный дарами Бахуса и мечтаніями о сладострастныхЪ ВакханкахЪ, терялЪ совершенно

(13) ИзЪ нихЪ исключаются, также точками означенныя, мѣста: на страницѣ 60, гдѣ выпущенЪ ненужный стихЪ: *по подполью наползалися*, вЪ скобкахЪ помѣщенный вЪ подлинникѣ; два слова на стран. 422 и 423, означающія извѣстную фамилію, несправедливо поносимую Козаками и, на страницѣ же 423, слинявшія отЪ времени строки.

уваженіе къ стыдливости..... Онъ даже цѣлыя *семь* пѣсенъ (14) пустилъ по тому пути, на коемъ въ послѣдствіи прославился Барковъ, хорошій Поэтъ, къ сожалѣнію, талантъ свой во зло употребившій.

Какова его мѣра стиховъ? — Большею частію неопредѣленная, тоническая, съ окончаніемъ каждаго стиха дактилемъ или трибрахіемъ. Въ нашемъ стопосложеніи, даже до временъ *Кантемира*, упо-

(14) Они помѣщены въ подлинникѣ:

Сергѣй хорошъ.	Послѣ № 6.
Агаѳонушка.	— — — 25.
Во зеленомъ садочкѣ.	— — — 52.
Охъ горюна! охъ горю хмѣлина!	— — — 56.
Теща, ты теща моя.	— — — 57.
Свиньи хрю, поросята хрю.	— — — } 59.
Стать почитать, стать сказывать.	— — — } 59.

Кромѣ сихъ піэсъ, оставлены мною въ рукописи еще двѣ: *изъ монастыря Боголюбова Старецъ Игримище* (слѣдуетъ послѣ № 43), въ насмѣшливомъ тонѣ написанная и *голубина книга сорока пядень* (послѣ № 55), неприличная по смѣшенію духовныхъ вещей съ простонароднымъ расказомъ.

треблявшаго стихи силлабическіе, не знали другой мѣры; ибо правильныя стопы появились гораздо позже. Сею мѣрою писали, съ бо́льшимъ или ме́ньшимъ различіемъ: *Подскарбій Герасимъ Даниловичъ* (15), сочинившій *Предсловіе и двострочное съгласіе* къ извѣстной *Острожской Библіи;* издатель *Славянскаго Букваря* (М. 1637. 8.) *Василій Ѳедоровъ Бурцовъ;* неутомимый въ трудахъ, Учитель Царевича Ѳеодора Алексѣевича, *Симеонъ Ситіановичъ Полоцкій;* плодовитый Митрополитъ Тобольскій *Іоаннъ Максимовичъ* (16);

(15) *Апостолъ*, напечатанный, въ листъ, въ XVI вѣкѣ. Въ знаменитой библіотекѣ Графа Ѳ. А. Толстова, подъ № 44, хранится экземпляръ онаго, при коемъ Королевская привилегія о запрещеніи печатанія и продажи сей книги гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, кромѣ Львова, подписана въ семъ городѣ Княземъ Острожскимъ *Василіемъ* и скрѣплена *Подскарбіемъ Даниловичемъ* 1576 года.

(16) *Симеонъ Петровскій, Ситіановичъ, Полотскій* и *Іоаннъ Максимовичъ*, рожденные съ страстію писать стихи, къ сожалѣнію, вялые и утомительные, извѣстны сдѣлались

Карїонъ Истоминъ, изобразившій въ лицахъ Славянскія буквы, и многіе другіе.

Три піэсы: *Дурень, тамъ на горахъ поѣхали Бухары* и *у Спаса къ обѣдни звонятъ*, написаны строфами.

между соотечественниками, первый во второй половинѣ XVII, а другій въ самомъ началѣ XVIII вѣка. Ко всѣмъ своимъ твореніямъ, кстати и не кстати, въ началѣ и концѣ, они приклеивали Польско-Русскіе несносные вирши. Первый переложилъ всю *Псалтирь* стихами (М. въ типографіи верхней 1680, въ листъ), воспламенившую талантъ Ломоносова и, что всего забавнѣе, присоединилъ къ оной въ стихахъ *Мѣсяцословъ* цѣлаго года. Вотъ примѣръ, почерпнутый изъ первыхъ чиселъ мѣсяца Сентября:

,,Мѣсяцословъ весь въ стисѣхъ полагаю,
Бога и рабы Его прославляю.
Въ Ново лѣто, Столпника должно почитати — 1.
Сѵмеона, и Мареа чтится его мати.
Маманта мученика нынѣ ублажаемъ, — — — 2.
Постника Іоанна купно прославляемъ.
Анеіма Епіскопа за Христа страдавша — — — 3.
Поемъ: и Ѳеоктіста въ постѣ пребывавша.
Епіскопа Вавѵлу свята мученика — — — — 4.
Празднуемъ, и Моѵсіа Пророка велика.
Захаріи Пророка память почитаемъ, — — — 5.
Егоже чадо быти Предитечю знаемъ.

Роды Поэзіи, употребленные Пѣвцомъ нашимъ, суть: Эпическій, такъ на примѣръ: *Соловей Будимїровичь;* Лирическій: *охъ! въ горѣ жить — некручинну быть!* и преимущественно тотъ и дру-

---

Міхаилъ Архістратигъ чюдо сотворилъ есть, — 6.
Водъ стремленіе на храмъ, во камень пустилъ есть."

Максимовичь, сверхъ многихъ сочиненій, въ огромномъ фоліантѣ, воспѣлъ толкованіе молитвы: *Богородице Дѣво радуйся* (Черниговъ, 1707) и также стихами съ Латинскаго языка перевелъ и расположилъ азбучнымъ порядкомъ житія нѣкоторыхъ Святыхъ (*Алфавитъ*, Черниговъ, 1705, въ листъ). Надъ симъ-то послѣднимъ трудомъ подшучиваетъ Кантемиръ въ 4 сатирѣ, стих. 137—143.

„Я знаю, что когда хвалы принимаюсь
Писать, когда, Муза, твой нравъ сломить стараюсь,
Сколько ногти ни грызу, и тру лобъ вспотѣлый,
Съ трудомъ стишка два сплету, да и тѣ не спѣлы,
Жостки, досадны ушамъ, и на тѣ походятъ,
Что по цѣлой азбукѣ Святыхъ житья водятъ."

Языкъ боговъ — Поэзія не одушевляетъ такихъ стихотворцевъ; они не поютъ, но по словамъ Данилова (въ піэсѣ: *стать почитать, стать сказывать*):

„Стихъ по стиху
На дровняхъ волокутъ."

гой, соединенные вмѣстѣ. Изрѣдка встрѣчаются пѣсни Сатирическія: *Чурилья Игуменья* и смѣшанныя: *да не жаль добра молодца битаго, жаль лохмѣльнаго.* Вѣ *Агаѳонушкѣ* видѣнѣ примѣрѣ пародіи Данилова собственнаго его произведенія, *Соловья Будимїровича* (17).

Нота стихотвореній скрипичная. Азбучныя ошибки ея исправлены Г. Шпревичемѣ

---

(17) *Соловей Будимїровичь*:

„Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота океанѣ море;
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты Днѣпровскіе."

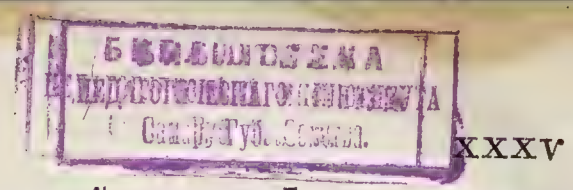
Агаѳонушка:

„Высока ли, высота
Потолочная,
Глубока, глубота
Подпольная;
А и широко раздолье —
Передѣ печью шестокѣ,
Чистое поле —
По подлавечью.
А и синее море —
Вѣ лохани вода."

(отцемъ), бывшимъ учителемъ музыки при Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ. Знатоки находятъ въ ней пріятные тоны. Г. Востоковъ (18) замѣчаетъ, что мѣра пѣнія въ нашихъ сказкахъ соотвѣтствуетъ содержанію: приключенія богатырей Владиміровыхъ поются allegro vivace, *Мастрюкъ Темрюковичь* и *гость Терентьище* moderato, *Гришка разстрига* andante, и т. д.

Выше замѣчано, что оригиналъ Древнихъ Русскихъ Стихотвореній писанъ новымъ почеркомъ, безъ Орѳографіи и безъ раздѣленія стиховъ; посему въ изданіи нашемъ исправлена первая и раздѣлены послѣднія. Вѣроятно, въ обоихъ случаяхъ, вкрались и ошибки, коихъ избѣжать было трудно; ибо въ стихотвореніяхъ не вездѣ соблюдено правильное удареніе

(18) Въ *Опытѣ о Рускомъ стихосложеніи*, изданіе второе, Спб. 1817. 8. стран. 155 и 156.



(кадансъ) и самый списокъ, во многихъ мѣстахъ, обезображенъ невѣждою переписчикомъ. Нѣкоторыя погрѣшности въ языкѣ, свойственныя времени, къ коему стихотворенія принадлежатъ, остались неприкосновенными; въ другомъ случаѣ, при явныхъ ошибкахъ писца, осмѣлились мы сдѣлать небольшія поправки: такъ въ 5 мѣстахъ, въ 1 піэсѣ, предлогъ *въ* прибавленъ къ слову: *вишенье; пошелъ,* къ стиху: *съ Великимъ Княземъ на широкой дворъ* (стран. 358, стих. 6); вмѣсто: *не ловѣрила,* напечатано: *ловѣрила* (стран. 70, ст. 7); вмѣсто: *начается — качается* (стран. 81, ст. 17) и вмѣсто: *во Черниговъ градъ — во Кіевъ градъ* (стран. 141, ст. 19).

Порядокъ въ отпечатаніи піэсъ удержанъ тотъ самой, какой слѣдуетъ въ оригиналѣ. Отличенныхъ же, въ оглавленіи, звѣздочкою не находится въ пер-

вомъ издачіи *Древнихъ Рускихъ Стихотвореній* Гна Якубовича. — Правописаніе собственныхъ именъ напечатано сообразно съ подлинникомъ.

Въ заключеніе можемъ увѣрить Читателей, что сверхъ означенныхъ выше поправокъ, ничего нами не прибавлено и не опущено, какъ у перваго Издателя, дѣлавшаго произвольныя въ стихахъ прибавленія и сокращенія.

Москва, Ноября 22, 1818 года.

К. Калайдовичъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДРЕВНИХЪ РОССІЙСКИХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ.

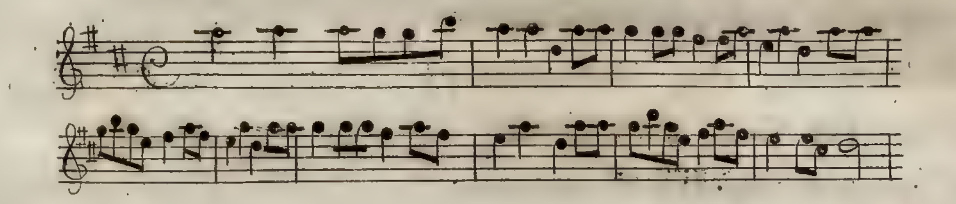
То старина, то и дѣянье:
Синему морю на утѣшенье,
Быстрымъ рѣкамъ слава до моря;
А добрымъ молодцамъ на послушанье,
Веселымъ молодцамъ на потѣшенье.

Древн. Росс. Стих. стран. 30.

ДРЕВНІЯ
РОССІЙСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

СОЛОВЕЙ БУДИМІРОВИЧЪ.



Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота океанъ море;
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты Днѣпровскіе.

Изъ-за моря, моря синяго,
Изъ глухоморья зеленаго,
Отъ славнаго города Леденца,
Отъ того-де Царя, вѣдь заморскаго
Выбѣгали, выгребали тридцать кораблей,
Тридцать кораблей — единъ корабль

Славнаго гостя, богатаго,
Молода Соловья, сына Будимiровича.
Хорошо корабли изукрашены;
Одинъ корабль получше всѣхъ:
У того было сокола у корабля
Вмѣсто очей было вставлено
По дорогу каменю, по яхонту;
Вмѣсто бровей было прибивано
По черному соболю Якутскому,
И Якутскому, вѣдь Сибирскому;
Вмѣсто уса было воткнуто
Два острые ножика булатные;
Вмѣсто ушей было воткнуто
Два остра копья Мурзамецкiя;
И два горностая повѣшены,
И два горностая, два зимнiе;
У того было сокола у корабля
Вмѣсто гривы прибивано
Двѣ лисицы бурнастыя;
Вмѣсто хвоста повѣшено,
На томъ было соколѣ кораблѣ,
Два мѣдвѣдя бѣлые заморскiе;
Носъ, корма по туриному,
Бока взведены по звѣриному. —

Бѣгутъ ко городу Кіеву,
Къ ласкову Князю Владиміру.
На томъ соколѣ караблѣ
Сдѣланъ муравленъ чердакъ,
Въ чердакѣ была бесѣда — дорогъ рыбій зубъ,
Подернута бесѣда рытымъ бархатомъ;
На бесѣдѣ-то сидѣлъ Купавъ молодецъ,
Молодой Соловей, сынъ Будимировичь;
Говорилъ Соловей таково слово:
„Гой еси вы, гости корабельщики,
И всѣ цѣловальники любимые!
Какъ буду я въ городѣ Кіевѣ,
У ласкова Князя Владиміра,
Чѣмъ мнѣ-ко будешъ Князя дарить,
Чѣмъ свѣта жаловати?“
Отвѣчаютъ гости корабельщики,
И всѣ цѣловальники любимые:
„Ты славной, богатой гость,
Молодой Соловей, сынъ Будимировичь!
Есть, сударь, у васъ золота казна,
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Вторые сорокъ бурнастыхъ лисицъ;
Есть, сударь, дорога камка,
Что недорога камочка—узоръ хитеръ:

Хитрости были Царя-града,
А и мудрости Іерусалима,
Замыслы Соловья Будиміровича;
На злате, на серебре—не погневаться."
Прибежали корабли подъ славной Кіевъ градъ,
Якори метали въ Днепръ реку,
Сходни бросали на крутъ бережокъ,
Товарную пошлину въ таможне платили
Со всехъ кораблей семь тысячей,
Со всехъ кораблей, со всего живота.—
Бралъ Соловей свою золоту казну:
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Вторые сорокъ бурнастыхъ лисицъ.
Пошелъ онъ ко ласкову Князю Владиміру,
Идетъ во гридню, во светлую;
Какъ бы на пяту двери отворялися,
Идетъ во гридню Купавъ молодецъ,
Молодой Соловей, сынъ Будиміровичь,
Спасову образу молится,
Владиміру Князю кланяется,
Княгине Апраксеевной наособицу,
И подноситъ Князю свои дороги подарочки:
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Вторые сорокъ бурнастыхъ лисицъ;

Княгинѣ поднесъ камку бѣло-хрущатую,
Недорога камочка — узоръ хитеръ:
Хитрости Царя-града,
Мудрости Іерусалима,
Замыслы Соловья, сына Будиміровича;
На златѣ и серебрѣ — не погнѣваться.
Князю дары полюбилися,
А Княгинѣ наипаче того;
Говорилъ ласковой Владиміръ Князь:
„Гой еси ты, богатой гость,
Соловей, сынъ Будиміровичь!
Занмуй дворы Княженецкіе,
Заимуй ты боярскіе,
Заимуй дворы и дворянскіе.“
Отвѣчаетъ Соловей, сынъ Будиміровичь:
„Ненадо мнѣ дворы Княженецкіе,
И ненадо дворы боярскіе,
И ненадо дворы дворянскіе;
Только ты дай мнѣ загонъ земли,
Непаханыя и неораныя,
У своей, осударь, Княженецкой племянницы,
У молоды Запавы Путятишной,
Въ ея, осударь, зеленомъ саду,
Въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ,

Построить мнѣ Соловью снаряденъ дворъ.“
Говорилъ, сударь, ласковой Владимiръ Князь:
„На то тебѣ съ Княгинею подумаю;“
А подумавши, отдавалъ Соловью загонъ земли,
Непаханыя и неораныя.
Походилъ Соловей на свой червленъ корабль,
Говорилъ Соловей, сынъ Будимiровичь:
„Гой еси вы, мои люди работные!
Берите вы топорики булатные,
Подите къ Запавѣ въ зеленой садъ,
Постройте мнѣ снаряденъ дворъ,
Въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ.„
Съ вечера, позднимъ поздно,
Будто дятлы въ дерево пощолкивали,
Работала его дружина хорабрая,
Ко полуночи и дворъ поспѣлъ:
Три терема златоверховаты,
Да трои сѣни косящатыя,
Да трои сѣни рѣшетчатыя.
Хорошо въ теремахъ изукрашено:
На небѣ солнце, въ теремѣ солнце;
На небѣ мѣсяцъ, въ теремѣ мѣсяцъ;
На небѣ звѣзды, въ теремѣ звѣзды;
На небѣ заря, въ теремѣ заря—

И вся красота поднебесная.
Рано зазвонили къ заутрени, —
Ото сна-то Запава пробужалася,
Посмотрѣла сама въ окошечко косящатое,
Въ вишенье, въ орѣшенье,
Во свой, вѣдь хорошій, во зеленой садъ;
Чудо Запавѣ показалося
Въ ея хорошемъ, зеленомъ саду,
Что стоятъ три терема златоверховаты.
Говорила Запава Путятишна:
„Гой еси, нянюшки и мамушки,
Красныя сѣнныя дѣвушки!
Подите-ко, посмотрите-ко,
Что мнѣ за чудо показалося,
Въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ?“
Отвѣчают нянюшки, мамушки,
И сѣнныя красныя дѣвушки:
„Матушка, Запава Путятишна!
Изволь-ко сама посмотрѣть:
Счастье твое на дворъ къ тебѣ пришло.“
Скоро-де Запава наряжается,
Надѣвала шубу соболиную,
Цѣна-то шубѣ три тысячи,
А пуговки въ семь тысячей, —

Пошла она въ вишенье, въ орѣшенье,
Во свой во хорошъ, во зеленой садъ;
У перваго терема послушала:
Тутъ въ теремѣ щелчитъ, молчитъ —
Лежитъ Соловьева золота казна.
Во второмъ теремѣ послушала:
Тутъ въ теремѣ потихоньку говорятъ,
Помаленьку говорятъ, все молитву творятъ —
Молится Соловьева матушка
Со вдовы честны, многоразумными.
У третьяго терема послушала:
Тутъ въ теремѣ музыка гремитъ.
Входила Запава въ сѣни косящатыя,
Отворяла двери на пяту, —
Больно Запава испугалася,
Рѣзвы ноги подломилися,
Чудо въ теремѣ показалося:
На небѣ солнце, въ теремѣ солнце;
На небѣ мѣсяцъ, въ теремѣ мѣсяцъ;
На небѣ звѣзды, въ теремѣ звѣзды;
На небѣ заря, въ теремѣ заря —
И вся красота поднебесная.
Подломились ея ноженьки рѣзвыя; —
Втапоры Соловей, онъ догадливъ былъ,

Бросилъ свои звончашы гусли,
Подхвашывалъ дѣвицу за бѣлы ручки,
Клалъ на кровашь слоновыхъ косшей,
Да на шѣ ли перины пуховыя;
„Чего-де шы, Запава, испужалася?
Мы-де оба на возрасшѣ.“
„А и я-де дѣвица на выданьѣ,
Пришла-де сама за шебя свашашься.“
Тушъ они и помолвили.
Цѣловалися они, миловалися,
Золошыми персшнями помѣнялися;
Провѣдала его Соловьева машушка,
Чесшна вдова Амелѳа Тимоѳеевна,
Свадьбу кончиши посрочила:
„Съѣзди-де за моря синія,
И когда-де шамъ расшоргуешься,
Тогда и на Запавѣ женишься.“
Отъѣзжалъ Соловей за моря синія;
Вшапоры поѣхалъ и голой Шапъ Давидъ Поповъ, —
Скоро за морями исшоргуешся,
А скорѣй шого назадъ въ Кіевъ прибѣжалъ;
Приходилъ ко ласкову Князю съ подарками,
Принесъ сукно смурое,
Да крашенину печашную. —

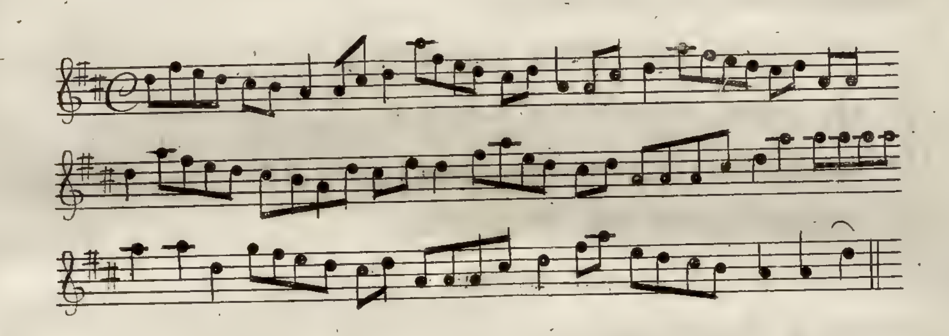
Втапоры Князь сталъ спрашивати:
„Гой еси ты, голой Шапъ Давидъ Поповъ!
Гдѣ ты слыхалъ, гдѣ видывалъ,
Про гостя богатаго, про молода
Соловья, сына Будимировича?"
Отвѣчалъ ему голой Шапъ:
„Я-де объ немъ слышалъ,
Да и самъ подлинно видѣлъ въ городѣ Леденцѣ,
У того Царя заморскаго;
Соловей у Царя въ протаможье попалъ,
И за то посаженъ въ тюрьму,
А корабли его отобраны
На егожъ Царское Величество."
Тутъ ласковой Владимiръ Князь закручинился, —
Скоро вздумалъ о свадьбѣ,
Что отдать Запаву за голаго Шапа Давида Попова.
Тысяцкой — ласковой Владимiръ Князь, —
Свашела — Княгиня Апраксѣевна, —
Въ поѣзду Князи и бояра,
Поѣзжали ко церкви Божiи.
Втапорыжъ въ Кiевъ флотъ пришелъ
Богатаго гостя, молода
Соловья, сына Будимiровича,
Ко городу ко Кiеву,

Якори метали во быстрой Днѣпръ,
Сходни бросали на крутъ, красенъ бережокъ;
Выходилъ Соловей со дружиною,
Изъ сокола корабля съ каликами:
Во бѣломъ платьи сорокъ каликъ со каликою —
Походили они ко честной вдовѣ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ,
Правятъ челобитье отъ сына ея, гостя богатаго,
Отъ молода Соловья Будимiровича,
Что прибылъ флотъ въ девяностѣ корабляхъ,
И стоитъ на быстромъ Днѣпрѣ, подъ городомъ Кiевомъ;
А оттуда пошли ко ласкову Князю Владимiру
На Княженецкой дворъ,
И стали во единой кругъ.
Втапоры слѣдовалъ со свадьбою
Владимiръ Князь въ домъ свой, —
И пошли во гридни свѣтлыя,
Садилися за столы бѣлодубовые,
За яства сахарныя,
И позвали на свадьбу сорокъ каликъ со каликою.
Тогда ласковой Владимiръ Князь
Велѣлъ подносить вина имъ заморскiя
И меда сладкiе.
Тотчасъ по поступкамъ Соловья опознывали,
Приводили его ко Княженецкому столу,

Сперва говорила Запава Путяпишна:
,,Гой еси мой, сударь, дядюшка,
Ласковой, сударь, Владимiръ Князь!
Тотъ-то мой прежнiй обрученной женихъ
Молодой Соловей, сынъ Будимiровичь, —
Прямо, сударь, скачу — обезчещу столы."
Говорилъ ей ласковой Владимiръ Князь:
,,А ты, гой еси, Запава Путяпишна!
А ты прямо не скачи — не безчести столы;"
Выпускали ее изъ-за дубовыхъ столовъ —
Пришла она къ Соловью, поздоровалась,
Взяла его за рученьку бѣлую,
И пошла за столы бѣлодубовы,
И сѣли они за яства сахарныя, на большо мѣсто.
Говорила Запава таково слово
Голому Шапу Давиду Попову:
,,Здравствуй! женимши, да не съ кѣмъ спать."
Впапоры ласковой Владимiръ Князь веселъ сталъ,
А Княгиня наипаче того;
Поднимали пирушку великую.

II.

ГОСТЬ ТЕРЕНТЬИЩЕ.



Въ стольномъ Новѣгородѣ,
Было въ улицѣ во Юрьевской,
Въ слободѣ было Терентьевской;
А и жилъ былъ богатой гость,
А по имени Терентьище:
У него дворъ на цѣлой верстѣ,
А кругомъ двора желѣзной тынъ,
На тынинкѣ по маковкѣ,
А и есть по жемчужинкѣ;
Ворота были вальящатыя,
Вереи хрустальныя,
Подворотина рыбій зубъ.

Середи двора гридня споитъ —
Покрыша сѣдыхъ бобровъ,
Потолокъ черныхъ соболей,
А и машица-то валженая,
Была печка муравленая;
Середа была кирпичная;
А на середи кроватка споитъ,
Да кровать слоновыхъ костей,
На кровати перина лежитъ,
На перинѣ зголовье лежитъ,
На зголовьѣ молодая жена
Авдотья Ивановна.
Она съ вечера трудна, больна,
Со полуночи недужна вся, —
Разходился недугъ въ головѣ,
Разыгрался утинъ въ хребтѣ,
Пустился недугъ къ сердцу,
. . . .
. . . .
. . . .
Говорила молодая жена Авдотья Ивановна:
„А и гой еси, богатой гость,
И по имени Терентьище!
Возми мои золотые ключи,

Отмыкай окован сундук,
Вынимай денег сто рублев;
Ты поди, дохтуров добывай,
Волхи-то спрашивати.“
А втапоры Терентьище
Он жены своей слушался,
И жену-то во любви держал;
Он взял золоты ея ключи,
Отмыкал окован сундук,
Вынимал денег сто рублев,
И пошел дохтуров добывать.
Он будет Терентьище
У честна креста Вздвиженья,
У жива моста Калинова;
Встрѣчу Терентьищу веселые скоморохи,
Скоморохи люди вѣжливые,
Скоморохи очестливые,
Об ручку Терентью челом:
„Ты здравствуй, богатой гость,
И по имени Терентьище!
Доселева-те слыхом не слыхать,
И доселева видом не видать,
А и нонѣ ты, Терентьище,
А и бродиш по чисту полю,

Что корова заблудящая,
Что ворона залетящая."
А и на то-то онъ не сердится;
Говоритъ имъ Терентьище:
„А и вы гой, скоморохи молодцы!
Что не самъ я Терентій зашелъ,
И не конь-то богатаго завезъ,
Завела нужда, бѣдность;
. . . . . у меня есть молодая жена
Авдотья Ивановна.
Она съ вечера трудна, больна,
Со полуночи недужна вся, —
Разходился недугъ въ головѣ,
Разыгрался утинъ въ хребтѣ,
Пустился недугъ къ сердцу,
. . . .
. . . .
. . . .
А кто бы-де недугамъ пособилъ,
Кто недуги бы прочь отгонилъ
Отъ моей молодой жены,
Отъ Авдотьи Ивановны,
Тому дамъ денегъ сто рублевъ —
Безъ единыя денежки."

Веселые молодцы догадалися,
Другъ на друга оглянулися,
А сами усмѣхнулися:
„А и ты гой еси, Терентьище,
Ты намъ что за труды заплатишь?“
„Вотъ вамъ даю сто рублевъ.“
Повели его Терентьища
По славному Новугороду,
Завели его Терентьища
Во тотъ во темной рядъ,
А купили шелковой мѣхъ:
Дали два гроша мѣшокъ;
Пошли они во червленой рядъ,
Да купили червленой вязъ,
А и дубину ременчатую,
Половина свинцу налиту:
Дали за нее десять алтынъ.
Посадили Терентьища
Во тотъ шелковой мѣхъ —
Мѣхоноша за плеча взялъ,
Пошли они скоморохи
Ко Терентьеву ко двору.
Молода жена опасливая
Въ окошечко выглянула:

„А и вы гой еси, веселые молодцы!
Вы къ чему на дворъ идете,
Что хозяина въ дому нѣтъ.“
Говорятъ веселые молодцы:
„А и гой еси, молодая жена
Авдотья Ивановна!
А и мы тебѣ челобитье несемъ
Отъ гостя богатаго,
И по имени Терентьища—“
И она спохватилася за то:
„А и вы гой еси, веселые молодцы!
Гдѣ его видѣли,
А гдѣ про него слышали?“
Отвѣчаютъ веселые молодцы:
„Мы его слышали,
Сами доподлинно видѣли
У честна креста Вздвиженья,
У жива моста Калинова,
Голова по себѣ его лежитъ
И вороны въ . . . . клюютъ.“
Говорила молодая жена
Авдотья Ивановна:
„Веселые скоморохи!
Вы подите во свѣтлую гридню,

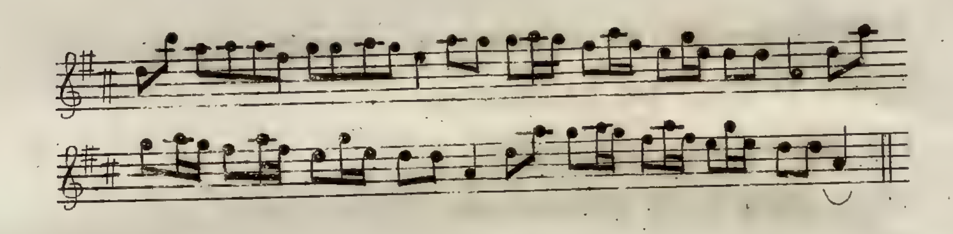
Садитесь на лавочки,
Поиграйте во гусельцы,
И пропойте-ко пѣсенку,
Про гостя богатаго,
Про стараго .... сына,
И по имени Терентьища:
Во дому бы его вѣкъ не видать.“
Веселые скоморохи
Садилися на лавочки,
Заиграли во гусельцы,
Запѣли они пѣсенку:
„Слушай шелковой мѣхъ,
Мѣхоноша за плечами,
А слушай Терентій гость,
Что про тебя говорятъ,
Говоритъ молодая жена
Авдотья Ивановна,
Про стара мужа Терентьища
Про стараго .... сына:
Во дому бы тебя вѣкъ не видать;
Шевелись шелковой мѣхъ,
Мѣхоноша за плечами,
Вставай-ко Терентьище
Лѣчить молодую жену,

Бери червленой вязъ,
Ты дубину ременчатую,
Походи-ко Терентьище
По своей свѣтлой гридни
И по середи кирпищатой
Ко занавѣсу бѣлому,
Ко кровати слоновыхъ костей,
Ко перинѣ, ко пуховыя,
А лѣчи-ко ты, Терентьище,
А лѣчи-ко ты молоду жену
Авдотью Ивановну.“
Вставалъ же Терентьище
Ухватилъ червленой вязъ,
А дубину ременчатую,
Половина свинцу налиту,
Походилъ онъ Терентьище
По своей свѣтлой гриднѣ,
За занавѣсу бѣлую,
Ко кровати слоновыхъ костей,
Онъ сталъ молоду жену лѣчить
Авдотью Ивановну:
Шлыкъ съ головы у нея сшибъ,
Посмотритъ Терентьище
На кровать слоновыхъ костей,

На перину, на пуховую, —
А недугъ-отъ пошевеливается
Подъ одѣяломъ соболинымъ; —
Онъ-то, Терентьище,
Недуга-то вонъ погналъ,
Что дубиною ременчатою;
А недугъ-отъ не путемъ въ окошко скочилъ,
Чуть головы не сломилъ —
На корачкахъ ползаетъ,
Одва отъ окна отполозъ.
Онъ оставилъ недужище:
Кафтанъ хрущатой камки,
Камзолъ бабереховой,
А и денегъ пятьсотъ рублевъ;
Втапоры Терентьище
Далъ еще веселымъ другое сто рублевъ,
За правду великую.

III.

ДЮКЪ СТЕПАНОВИЧЪ.



Изъ-за моря, моря синяго,
Изъ славна Волынца, красна Галичья,
Изъ тоя Карелы богатыя,
Какъ ясенъ соколъ вонъ вылетывалъ,
Какъ бы бѣлой кречетъ вонъ выпархивалъ,—
Выѣзжалъ удача, доброй молодецъ,
Молодой Дюкъ, сынъ Степановичъ,
По прозванью Дюкъ былъ Боярской сынъ:
А и конь подъ нимъ, какъ бы лютой звѣрь,
Лютой звѣрь конь — и буръ, космать,
У коня грива на лѣву сторону, до сырой земли;
Онъ самъ на конѣ, какъ ясенъ соколъ,
Крѣпки доспѣхи на могучихъ плечахъ;

Немного съ Дюкомъ живота пошло,
Что куякъ и панцырь чиста серебра,
А кольчуга на немъ красна золота,
А куяку и панцырю цѣна лежитъ три тысячи,
А кольчугѣ на немъ красна золота
Цѣна сорокъ тысячей,
А и конь подъ нимъ въ пять тысячей,
Почему коню цѣна пять тысячей?
За рѣку онъ броду не спрашиваетъ,
Котора рѣка цѣла верста пятисотная,
Онъ скачетъ съ берегу на берегъ:
Потому цѣна коню пять тысячей.
Еще съ Дюкомъ не много живота пошло:
Пошелъ тугой лукъ разрывчатой,
А цѣна тому луку три тысячи,
Потому цѣна луку три тысячи:
Полосы были серебряны,
А рога красна золота,
А и тетивочка была шелковая,
А бѣлаго шелку Шимаханскаго;
И колчанъ пошелъ съ нимъ каленыхъ стрѣлъ,
А въ колчанѣ было за триста стрѣлъ,
Всякая стрѣла по десяти рублевъ,
А и еще есть во колчанѣ три стрѣлы,

А и тѣмъ стрѣламъ цѣны нѣтъ,
Цѣны не было и несвѣдомо;
Потому тѣмъ стрѣламъ цѣны не было:
Колоты онѣ были изъ трость древа,
Строганы тѣ стрѣлки во Новѣгородѣ,
Клееныя онѣ клеемъ осетра рыбы,
Перены онѣ перьицемъ сиза орла,
А сиза орла, орла орловича,
А того орла, птицы Камскія, —
Не тоя-то Камы, коя въ Волгу пала,
А тоя-то Камы за синимъ моремъ —
Своимъ устьемъ впала въ сине море; —
А леталъ орелъ надъ синимъ моремъ,
А ронилъ онъ перьица во сине море,
А бѣжали гости корабельщики,
Собирали перья на синемъ морѣ,
Вывозили перья на святую Русь,
Продавали душамъ краснымъ дѣвицамъ:
Покупала Дюкова матушка
Перо во сто рублевъ, во тысячу. —
Почему тѣ стрѣлки дороги?
Потому они дороги,
Что въ ушахъ поставлено по тирону,
По каменю, по дорогу самоцвѣтному;

А и еще у тѣхъ стрѣлокъ
Подлѣ ушей перевивано
Аравитскимъ золотомъ.
Ѣздитъ Дюкъ подлѣ синя моря
И стрѣляетъ гусей, бѣлыхъ лебедей,
Перелетныхъ, сѣрыхъ малыхъ уточекъ;
Онъ днемъ стрѣляетъ
Въ ночи тѣ стрѣлки сбираетъ,
Какъ днемъ-то стрѣлочекъ не видѣти,
А въ ночи тѣ стрѣлки что свѣчи горятъ —
Свѣчи теплются воску яраго:
Потому онѣ стрѣлки дороги.
Настрѣлялъ онъ Дюкъ гусей, бѣлыхъ лебедей,
Перелетныхъ, сѣрыхъ малыхъ уточекъ,
Поѣхалъ ко городу Кіеву,
Ко ласкову Князю Владиміру;
Онъ будетъ въ городѣ Кіевѣ,
Что у ласкова Князя Владиміра,
Середи двора Княженецкаго, —
А сскочилъ онъ со добра коня,
Привязалъ коня къ дубову столбу,
Къ кольцу булатному,
Походилъ во гридню, во свѣтлую,
Ко Великому Князю Владиміру;

Онъ молился Спасу со Пречистою,
Поклонился Князю со Княгинею,
На всѣ четыре стороны.
Тутъ сидятъ Князи, Бояра,
Скочили всѣ на рѣзвы ноги,
А глядятъ на молодца, дивуются; —
И Владимiръ Князь, стольной Кiевской
Приказалъ наливать чару зелена вина въ полтора ведра,
Подавали Дюку Степанову,
Принимаетъ онъ, не чванится,
А принялъ чару единой рукой,
А выпилъ чару единымъ духомъ; —
И Владимiръ Князь стольной Кiевской
Посадилъ его за единой столъ хлѣба кушати,
А и повары были догадливые,
Носили яства сахарныя
И носили питья медвяныя,
И клали калачики крупичаты
Передъ того Дюка Степанова.
А сидитъ Дюкъ за единымъ столомъ
Со тѣми Князи и Бояры,
Откушалъ калачики крупичаты —
Онъ верхню корочку отламываетъ,
А нижнюю корочку прочь откладываетъ.

А во Кіевѣ былъ щасшливъ добрѣ
Какъ бы молодой Чюрила, сынъ Пленковичь —
Оговорилъ онъ Дюка Сшепанова:
„Чшо шы Дюкъ, чѣмъ чванишся? —
Верхню корочку ошламываешъ,
А нижню прочь ошкладываешъ.
Говорилъ Дюкъ Сшепановичь:
„Ой шы ой еси, Владиміръ Князь!
Въ шомъ шы на меня не прогнѣвайся —
Печки у шебя бишы глиняны,
А подики кирпичные,
А помѣлечко мочальное
Въ лохань обмакиваюшъ;
А у меня Дюка Сшепанова,
А у моей сударыни машушки,
Печки были муравлены,
А подики мѣдные,
Помѣлечко шелковое
Въ сышу медвяную обмакиваюшъ;
Калачикъ съѣшъ — больше хочешся.“
Вшапоры Князю Владиміру
Захошѣлось къ Дюку ѣхаши,
Зовешъ съ собой Князей, Бояръ,
И взялъ Чюрила Пленковича —

И пріѣхали они на пашню къ нему,
Ко тѣмъ крестьянскимъ дворамъ;
И тутъ у Дюка стряпчій былъ
Припасъ про Князя Владиміра почестной столъ,
И садился ласковой Владиміръ Князь
Со своими Князи, Бояры
За тѣ столы бѣлодубовы;
И втѣпоры повары были догадливы,
Носили яства сахарныя
И питья медвяныя. —
И будетъ день въ половину дни
И будетъ столъ во полу столѣ —
Владиміръ Князь полсыта наѣдается,
Полпьяна напивается,
Говорилъ онъ тутъ Дюку Степанову:
„Каково про тебя сказывали,
Таковъ ты и есть.“
Покушавши, ласковой Владиміръ Князь
Велѣлъ домъ его переписывать,
И былъ въ томъ дому сутки четверо;
А и домъ его крестьянской переписывали
Бумаги не стало. То отшеля Дюкъ Степановичь
Повелъ Князя Владиміра
Со всѣми гостьми и со всѣми людьми

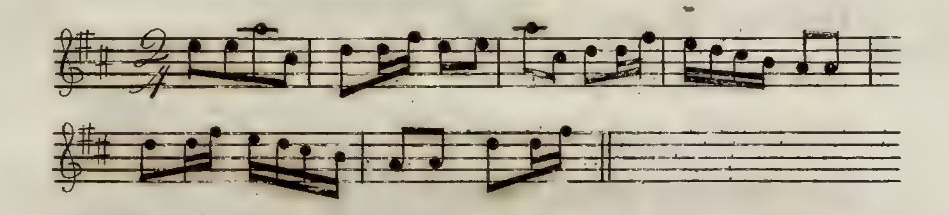
Ко своей сударынѣ матушкѣ —
Честной вдовѣ многоразумныя;
И будутъ онѣ въ высокихъ теремахъ,
И ужасается Владимiръ Князь,
Что въ теремахъ хорошо изукрашено.
И втапоры честна вдова, Дюкова матушка,
Обѣдъ чинила про Князя Владимiра
И про всѣхъ гостей, про всѣхъ людей;
И садился Владимiръ Князь
За столы убраные, за яства сахарныя
Со всѣми гостьми, со всѣми людьми.
Втапоры повары были догадливы,
Носили яства сахарныя, питья медвяныя. —
И будетъ день въ половину дни,
Будетъ столъ во полу столѣ,
Говорилъ онъ, ласковой Владимiръ Князь:
„Исполать тебѣ, честна вдова многоразумная
Со своимъ сыномъ, Дюкомъ Степановымъ!
Употчивала меня со всѣми гостьми, со всѣми людьми;
Хотѣлъ было вашъ и этотъ домъ описывать,
Да отложилъ всѣ печали на радости.“
И втапоры честна вдова многоразумная
Дарила Князя Владимiра
Своими честными подарками:

Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Вторые сорокъ бурнастыхъ лисицъ;
Еще сверхъ того каменьи самоцвѣтными.

То старина, то и дѣянье:
Синему морю на утѣшенье,
Быстрымъ рѣкамъ слава до моря;
А добрымъ людямъ на послушанье,
Веселымъ молодцамъ на потѣшенье.

IV.

ЩЕЛКАНЪ ДУДЕНТЬЕВИЧЪ.



А и дѣялося въ Ордѣ,
Передѣялось въ Большой, —
На стулѣ золотѣ,
На рытомъ бархатѣ,
На червчатой камкѣ
Сидитъ тутъ Царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичь; —
Суды разсуживаетъ
И ряды разряживаетъ,
Костылемъ размахиваетъ
По бритымъ тѣмъ усамъ,
По Татарскимъ тѣмъ головамъ,
По синимъ плѣшамъ.
Шурьевъ Царь дарилъ,

Азвякъ Тавруловичь,
Городами стольными:
Василья на Плесу,
Гордѣя къ Вологдѣ,
Ахрамея къ Костромѣ;
Одного не пожаловалъ
Любимаго шурина
Щелкана Дюдентьевича.
За что не пожаловалъ?
И за то онъ не пожаловалъ,
Его дома не случилося,
Уѣзжалъ-то младъ Щелканъ
Въ дальную землю Литовскую,
За моря синія,
Бралъ онъ, младъ Щелканъ
Дани, невыходы,
Царски невыплаты;
Съ Князей бралъ по сту рублевъ,
Съ Бояръ по пятидесять,
Съ крестьянъ по пяти рублевъ, —
У котораго денегъ нѣтъ,
У того дитя возметъ;
У котораго дитя нѣтъ,
У того жену возметъ;

У котораго жены-то нѣтъ,
Того самаго головой возметъ.
Вывезъ младъ Щелканъ
Дани выходы,
Царскія невыплаты;
Вывелъ младъ Щелканъ
Коня во сто рублевъ,
Сѣдло во тысячу,
Уздѣ цѣны ей нѣтъ.
Не тѣмъ узда дорога,
Что вся узда золота,
Она тѣмъ узда дорога,
Царское жалованье
Государево Величество;
А не льзя дескать,
Тое узды ни продать, ни промѣнять
И друга дарить,
Щелкана Дудентьевича.
Проговоритъ младъ Щелканъ,
Младъ Дудентьевичъ:
„Гой еси, Царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичь!
Пожаловалъ ты молодцовъ
Любимыхъ шуриновъ,

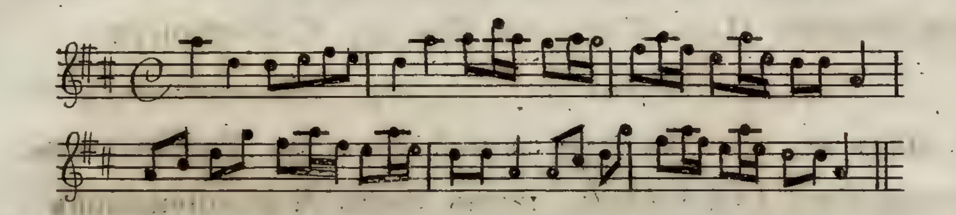
Двухъ удалыхъ Борисовичевъ:
Василья на Плесу,
Гордѣя къ Вологдѣ,
Ахрамея къ Костромѣ;
Пожалуй ты, Царь Азвякъ,
Пожалуй ты меня
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двумя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи."
Проговоритъ Царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичь:
„Гой еси, шуринъ мой
Щелканъ Дудентьевичь!
Заколит-ко ты сына своего,
Сына любимаго,
Крови ты чашу нацѣди,
Выпей ты крови тоя,
Крови горячія;
И тогда я тебя пожалую
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двумя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи."

Втапоры младъ Щелканъ
Сына своего закололъ,
Чашу крови нацѣдилъ,
Крови горячія,
Выпилъ чашу тоя крови горячія;
А втапоры Царь Азвякъ
За то его пожаловалъ
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двумя братцами родимыми,
Двумя удалыми Борисовичи.
И втѣпоры младъ Щелканъ
Онъ судьею насѣлъ
Въ Тверь ту старую,
Въ Тверь ту богатую;
А немного онъ судьею сидѣлъ:
И вдовы-то безчестити,
Красны дѣвицы позорити,
Надо всѣми наругатися,
Надъ домами насмѣхатися.
Мужики-то старые,
Мужики-то богатые,
Мужики посадскіе,
Они жалобу приносили

Двумъ братцамъ родимыимъ,
Двумъ удалымъ Борисовичамъ;
Отъ народа они съ поклономъ
Пошли, съ честными подарками —
И понесли они честные подарки
Злата, серебра и скатнаго жемчугу.
Изошли его въ домѣ у себя
Щелкана Дудентьевича;
Подарки принялъ отъ нихъ,
Чести не воздалъ имъ.
Втапоры младъ Щелканъ
Зачванился онъ, загординился,
И они съ нимъ раздорили —
Одинъ ухватилъ за волосы,
А другой за ноги,
И тутъ его разорвали.
Тутъ смерть ему случилася,
Ни на комъ не сыскалося.

V.

МАСТРЮКЪ ТЕМРЮКОВИЧЬ.



Въ годы прежніе, времена первоначальныя,
При бывшемъ вольномъ Царѣ, при Иванѣ Васильевичѣ,
Когда холостъ былъ Государь Царь Иванъ Васильевичь,
Поизволилъ онъ женитися:
Беретъ онъ Царь Государь не у себя въ каменной Москвѣ,
А беретъ онъ Царь Государь въ той Золотой Ордѣ,
У того Темрюка Царя, у Темрюка Степановича,
Онъ Марью Темрюкову, сестру Мастрюковну,
Купаву Крымскую, Царицу благовѣрную.
А и Царскаго поѣзду полторы было тысячи, —
Князи, Бояра, могучіе богатыри,
Пятьсотъ Донскихъ козаковъ,
Что ни лучшихъ добрыхъ молодцовъ.

Здравствуетъ Царь Государь черезъ рѣки быстрыя,
Черезъ грязи Смоленскія, черезъ лѣса Брынскіе,
Онъ здравствуетъ Царь Государь въ той Золотой Ордѣ,
У того Темрюка Царя, у Темрюка Степановича;
Онъ понялъ Царь Государь Царицу благовѣрную
Марью Темрюковну, сестру Мастрюкову,
И взялъ въ провожатые за ней триста Татариновъ,
Четыреста Бухариновъ, пять сотъ Черкашениновъ
И любимаго шурина Мастрюка Темрюковича,
Молодаго Черкашенина.
Ужъ Царскаго поѣзду безъ малаго три тысячи, —
Везутъ золоту казну ко Царю въ каменну Москву,
Переѣхалъ Царь Государь онъ рѣки быстрыя,
Грязи Смоленскія и лѣса Брынскіе
Онъ здравствуетъ Царь Государь у себя въ каменной Москвѣ,
Во палатахъ бѣлокаменныхъ,
Въ возлюбленной Крестовой своей, —
Пиръ на веселѣ, повелъ столы на радостяхъ.
И всѣ ли Князи, Бояра, могучіе богатыри
И гости званые пятьсотъ Донскихъ козаковъ
Пьютъ, ѣдятъ, потѣшаются,
Зелено вино кушаютъ,

Бѣлу лебедь рушаютъ;
А единъ не пьетъ, да не ѣстъ Царской гость дорогой,
Мастрюкъ Темрюковичъ, молодой Черкашенинъ.
И за чѣмъ хлѣба соли не ѣстъ, зелена вина не кушаетъ,
Бѣлу лебедь не рушаетъ? у себя на умѣ держитъ:
Изошелъ онъ семь городовъ, поборолъ онъ семдесятъ борцовъ —
И по себѣ борца не нашелъ, —
И только онъ думаетъ — ему вѣра поборотися есть
У Царя въ каменной Москвѣ,
Хочетъ Царя потѣшити
Со Царицею благовѣрною, Марьею Темрюковною;
Онъ хочетъ Москву загонять, сильно Царство Московское.
Никита Романовичъ объ томъ Царю доложилъ,
Царю Ивану Васильевичу:
„А и гой еси, Царь Государь, Царь Иванъ Васильевичь!
Всѣ Князи, Бояра, могучіе богатыри
Пьютъ, ѣдятъ, потѣшаются
На великихъ на радостяхъ;
Одинъ не пьетъ, не ѣстъ твой Царской гость дорогой,
Мастрюкъ Темрюковичъ, молодой Черкашенинъ,

У себя онъ на умѣ держитъ, вѣра побороптися есть,
Твое Царское Величество потѣшити со Царицею
благовѣрною."
Говоритъ тутъ Царь Государь, Царь Иванъ Васильевичь:
„Ты садися, Никита Романовичь, на добра коня,
Побѣги по всей Москвѣ,
По широкимъ улицамъ и по частымъ переулочкамъ."
Онъ будетъ, дядюшка, Никита Романовичь
Середь Юрья Повольскаго, слободы Александровы;
Два братца родимые по базару похаживаютъ,
А и бороды бритыя, усы торженые,
А платье Саксонское, сапоги съ разтрубами,
Объ ручку-то дядюшкѣ челомъ:
„А и гой еси ты, дядюшка, Никита Романовичь!
Кого ты спрашиваешь? мы борцы въ Москвѣ по-
хваленые,
Молодцы поученые, славные."
Никита Романовичь привелъ борцовъ ко дворцу.
Говорили тутъ борцы молодцы: „ты, Никита Рома-
новичь,
Ты изволь объ томъ Царю доложить,
Смѣть ли нога ступить съ Царскимъ шуриномъ,
И смѣть ли его побороть."
Пошелъ онъ Никита Романовичь

Объ томъ Царю доложилъ, что привелъ борцовъ ко
дворцу.
Злата труба протрубила во полатѣ бѣлокаменной,
Говорилъ тутъ Царь Государь, Царь Иванъ Васильевичь:
„Ты, Никита Романовичь, веди борцовъ на дворъ, на
на дворецъ Государевой,
Борцовъ ученыихъ, молодцовъ похваленыихъ —
И въ томъ имъ приказъ отдавай;
Кто бы Мастрюка поборолъ, Царскаго шурина,
Платье бы съ плечь снялъ, да нагаго съ круга спустилъ,
А нагаго, какъ мать родила, а и мать на свѣтъ
пустила?"
Послышалъ Мастрюкъ борцовъ, скачетъ прямо Мастрюкъ
Изъ мѣста большаго, изъ угла передняго,
Черезъ столы бѣлодубовы, черезъ яства сахарныя,
черезъ питья медвяныя;
Лѣвой ногой задѣлъ за столы бѣлодубовы,
Повалилъ онъ тридцать столовъ,
Да прибилъ триста гостей:
Живы — да негодны, на корачкахъ ползаютъ по палатѣ бѣлокоменной:
То похвальба Мастрюку, Мастрюку Темрюковичу.

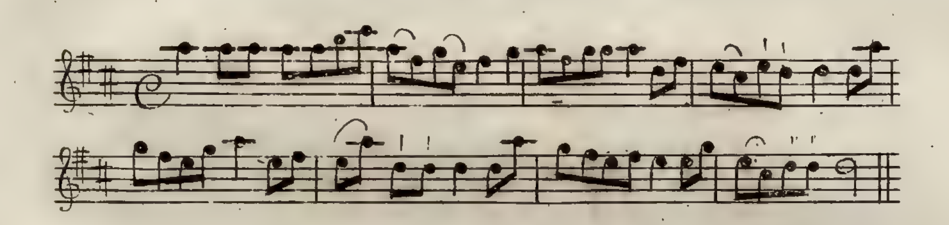
Выбѣжалъ тутъ Мастрюкъ на крылечко красное,
Кричитъ во всю голову, чтобы слышалъ Царь Государь:
„А свѣтъ ты, вольной Царь, Царь Иванъ Васильевичь!
Что у тебя въ Москвѣ за похвальные молодцы, поученые, славные?
На ладонь ихъ посажу, другой рукою раздавлю.“
Съ борцами сходится Мастрюкъ Темрюковичь:
Борьба его ученая, борьба Черкесская;
Колесомъ онъ боротся пошелъ, —
А и малой выступается, Мишка Борисовичь,
Смотритъ Царь Государь, что кому будетъ Божья помочь,
И смотрятъ ихъ борьбу Князи, бояра и могучіе богатыри,
Пятьсотъ Донскихъ козаковъ.
А и Мишка Борисовичь съ носка бросилъ о землю,
Онъ Царскаго шурина,
Похвалилъ его Царь Государь:
„Исполать тебѣ молодцу, что чисто борешься.“ —
А и Мишка къ сторонѣ пошелъ, ему полно боротися.
А Потанька боротся пошелъ, костылемъ подпирается,
Самъ впередъ подвигается, къ Мастрюку приближается,

Смотритъ Царь Государь, что кому будетъ Божья помочь,
Потанька справился, за плеча сграбился,
Согнетъ корчагою, воздымалъ выше головы своей,
Опустилъ о сыру землю — Мастрюкъ безъ памяти лежитъ;
Не слыхалъ какъ платье сняли, —
Былъ Мастрюкъ во всемъ, сталъ Мастрюкъ ни въ чемъ:
Ожерелье въ пять сотъ рублевъ—безъ единыя денежки,
А платья Саксонскаго снялъ на три тысячи,
Со стыда и сорома окорачкахъ подъ крылецъ ползетъ.
Какъ бы бѣла лебедушка по зарѣ она прокликала,
Говорила Царица Царю, Марья Темрюковна:
„Свѣтъ ты, вольной Царь Иванъ Васильевичь!
Такова у тебя честь добра до любимаго шурина,
А дѣтина наругается, что дѣтина деревенской, —
Почто онъ платье снимаетъ?“
Говорилъ тутъ Царь Государь: „гой еси ты, Царица во Москвѣ,
Да ты Марья Темрюковна!
А не то у меня честь во Москвѣ, что Татары-те борются;

То-то честь въ Москвѣ, что Русакъ тѣшится, —
Хотя бы ему голову сломилъ долюбилъ бы я, пожаловалъ
Двухъ братцовъ родимыихъ, двухъ удалыхъ Борисо-совичевъ.

VI.

ВОЛХЪ ВСЕСЛАВЬЕВИЧЪ.



По саду, саду по зеленому, ходила, гуляла
Молода Княжна Мареа Всеславьевна,
Она съ камени скочила на лютаго на змѣя —
Обвивается лютой змѣй около чебота зеленъ сафьянъ,
Около чулочика шелкова, хоботомъ бьетъ по бѣлу стегну.
А втапоры Княгиня поносъ понесла,
А поносъ понесла и дитя родила;
А и на небѣ просвѣтя свѣтелъ мѣсяцъ,
А въ Кіевѣ родился могучь богатырь,
Какъ бы молодой Волхъ Всеславьевичь:
Подрожала сыра земля,
Стряслося славно Царство Индѣйское,
А и синее море сколебалося
Для ради рожденья богатырскаго

Молода Волха Всеславьевича:
Рыба пошла въ морскую глубину,
Птица полетѣла высоко въ небеса,
Туры, да олени за горы пошли,
Зайцы, лисицы по чащицамъ,
А волки, медвѣди по ельникамъ,
Соболи, куницы по островамъ.
А и будетъ Волхъ въ полтора часа,
Волхъ говоритъ, какъ громъ гремитъ:
„А и гой еси, сударыня матушка,
Молода Марѳа Всеславьевна!
А не пеленай во пелену червчатую,
А не поясй въ поясья шелковыя, —
Пеленай меня матушка
Въ крѣпки латы булатные,
А на буйну голову клади златъ шеломъ,
По праву руку палицу,
А и тяжку палицу свинцовую,
А вѣсомъ та палица въ триста пудъ.“
А и будетъ Волхъ семи годовъ,
Отдавала его матушка грамотѣ учиться,
А грамота Волху въ наукъ пошла, —
Посадила его ужъ перомъ писать,
Письмо ему въ наукъ пошло.

А и будетъ Волхъ десяти годовъ,
Втапоры поучился Волхъ ко премудростямъ:
А и первой мудрости учился
Обертываться яснымъ соколомъ;
Ко другой-то мудрости учился онъ Волхъ
Обертываться сѣрымъ волкомъ;
Ко третей-то мудрости учился Волхъ
Обертыватся гнѣдымъ туромъ — золотые рога.
А и будетъ Волхъ во двѣнадцать лѣтъ,
Сталъ себѣ Волхъ онъ дружину прибирать,
Дружину прибиралъ въ три годы,
Онъ набралъ дружины себѣ семь тысячей;
Самъ онъ Волхъ въ пятнадцать лѣтъ,
И вся его дружина по пятнадцати лѣтъ.
Прошла та слава великая
Ко стольному городу Кіеву,
Индѣйской Царь наряжается,
А хвалится похваляется,
Хочетъ Кіевъ градъ за щитомъ весь взять,
А Божьи церкви на дымъ спустить
И почестны монастыри разорить.
А втапоры Волхъ онъ догадливъ былъ,
Со всею дружиною хороброю
Ко славному Царству Индѣйскому

Тутъ же съ ними во походъ пошелъ;
Дружина спитъ, такъ Волхъ не спитъ:
Онъ обернется сѣрымъ волкомъ,
Бѣгалъ, скакалъ по темнымъ по лѣсамъ и по раменью,
А бьетъ онъ звѣри сохатые,
А и волку, медвѣдю спуску нѣтъ,
А и соболи, барсы любимой кусъ,
Онъ зайцамъ, лисицамъ не брезгивалъ;
Волхъ поилъ, кормилъ дружину хорабрую,
Обувалъ, одѣвалъ добрыхъ молодцовъ —
Носили они шубы соболиныя,
Перемѣнныя шубы-то, барсовыя.
Дружина спитъ, такъ Волхъ не спитъ:
Онъ обернется яснымъ соколомъ,
Полетѣлъ онъ далече на сине море,
А бьетъ онъ гусей, бѣлыхъ лебедей,
А и сѣрымъ, малымъ уткамъ спуску нѣтъ;
А поилъ, кормилъ дружинушку хорабрую,
А всѣ у него были яства перемѣнныя,
Перемѣнныя яства сахарныя.
А сталъ онъ Волхъ вражбу чинить:
„А и гой еси вы, удалы добры молодцы!
Не много не мало васъ семь тысячей,
А и если, братцы, у васъ таковъ человѣкъ,

Кшо бы обернулся гнѣдымъ шуромъ,
А сбѣгалъ бы ко Царсшву Индѣйскому,
Провѣдалъ бы про Царсшво Индѣйское,
Про Царя Салшыка Сшаврульевича,
Про его буйну голову Башыевичу.“
Какъ бы лисшъ со шравою присшилаешся,
А вся его дружина приклоняешся,
Ошвѣчаюшъ ему удалы добры молодцы:
„Нѣшу у насъ шакого молодца,
Опричь шебя Волха Всеславьевича.“
А шушъ шаковой Всеславьевичь
Онъ обернулся гнѣдымъ шуромъ-золошые рога,
Побѣжалъ онъ ко Царсшву Индѣйскому,
Онъ первой скокъ за цѣлу версшу скочилъ,
А другой скокъ не могли найши;
Онъ обернешся яснымъ соколомъ,
Полешѣлъ онъ ко Царсшву Индѣйскому —
И будешъ онъ во Царсшвѣ Индѣйскомъ,
И сѣлъ на палашы бѣлокаменны,
На шѣ на палашы Царскія,
Ко шому Царю Индѣйскому
И на шо окошечко косящашое. —
А и буйные вѣшры по насшу шянушъ,
Царь со Царицею въ разговоры говоришъ,

Говорила Царица Азвяковна,
Молода Елена Александровна:
„А и гой еси ты, славной Индѣйской Царь!
Изволишь ты, наряжаться на Русь воевать,
Про то не знаешъ, не вѣдаешъ,
А и на небѣ просвѣтя свѣтелъ мѣсяцъ,
А въ Кіевѣ родился могучь богатырь,
Тебѣ Царю сопротивничикъ."
А втапоры Волхъ онъ догадливъ былъ
Сидючи на окошкѣ косящатомъ,
Онъ тѣ то-де рѣчи повыслушалъ,
Онъ обернулся горностаемъ,
Бѣгалъ по подваламъ, по погребамъ,
По тѣмъ по высокимъ теремамъ,
У тугихъ луковъ тетивки накусывалъ,
У каленыхъ стрѣлъ желѣзцы повынималъ,
У того ружья вѣдь у огненнаго
Кременья и шомполы повыдергалъ,
А все онъ въ землю закапывалъ.
Обернется Волхъ яснымъ соколомъ,
Звился онъ высоко по поднебесью,
Полетѣлъ онъ далече во чисто поле,
Полетѣлъ ко своей ко дружинѣ хорабрыя;
Дружина спитъ, такъ Волхъ не спитъ,

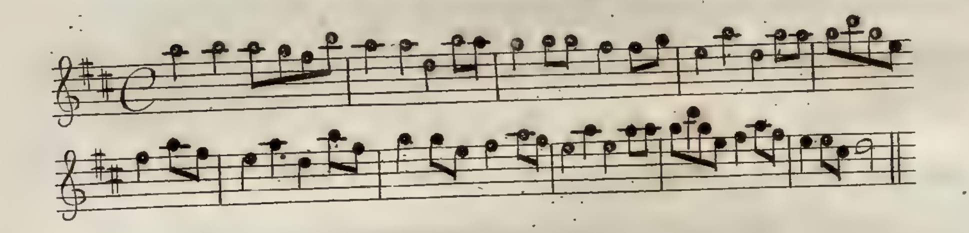
Разбудилъ онъ удалыхъ добрыхъ молодцовъ:
„Гой еси вы, дружина хорабрая!
Не время спать, пора вставать,
Пойдемъ мы ко Царству Индѣйскому.“
И пришли они ко стѣнѣ бѣлокаменной,
Крѣпка стѣна бѣлокаменна,
Вороты у города желѣзные,
Крюки, засовы всѣ мѣдные,
Стоятъ караулы денны, нощны,
Стоитъ подворотня дорогъ рыбій зубъ,
Мудрены вырѣзы вырѣзано,
А и только въ вырѣзу мурашу пройти; —
И всѣ молодцы закручинилися,
Закручинилися и запечалилися,
Говорятъ таково слово:
„Потерять будетъ головки напрасныя,
А и какъ намъ будетъ стѣна пройти.“
Молодой Волхъ онъ догадливъ былъ,
Самъ обернулся мурашикомъ
И всѣхъ добрыхъ молодцовъ мурашками,
Прошли они стѣну бѣлокаменну
И стали молодцы ужъ на другой сторонѣ
Въ славномъ Царствѣ Индѣйскіимъ;
Всѣхъ обернулъ добрыми молодцами,

Со своею стали сбруею со ратною,
А всѣмъ молодцамъ онъ приказъ отдаетъ:
„Гой еси вы, дружина хорабрая!
Ходите по Царству Индѣйскому,
Рубите стараго, малаго,
Не оставьте въ Царствѣ на сѣмена;
Оставьте только вы по выбору,
Не много не мало семь тысячей,
Душечки красны дѣвицы.“
А и ходитъ его дружина по Царству Индѣйскому,
А и рубитъ стараго, малаго,
А и только оставляютъ по выбору
Душечки красны дѣвицы;
А самъ онъ Волхъ во палаты пошелъ,
Во тѣ во палаты Царскія,
Ко тому Царю ко Индѣйскому,
Двери были у палатъ желѣзныя,
Крюки, пробои по булату злачены,
Говоритъ тутъ Волхъ Всеславьевичь:
„Хотя нога изломить, а двери выставить;“
Пнетъ ногой во двери желѣзныя,
Изломалъ всѣ пробои булатные,
Онъ беретъ Царя за бѣлы руки,
А славнаго Царя Индѣйскаго

Салтыка Ставрульевича,
Говоритъ тутъ Волхъ таково слово:
„А и васъ-то Царей не бьютъ, не казнятъ."
Ухватя его ударилъ о кирпищатой полъ,
Разшибъ его въ крохи ....
И тутъ Волхъ самъ Царемъ насѣлъ,
Взявши Царицу Азвяковну,
А и молоду Елену Александровну;
А и та его дружина хорабрая
И на тѣхъ на дѣвицахъ переженилася.
А и молодой Волхъ тутъ Царемъ насѣлъ,
А что стали люди посадскіе;
Онъ злата, серебра выкатилъ,
А и коней, коровъ табуномъ дѣлилъ,
А на всякаго брата по сту тысячей.

VII.

ИВАНЪ ГОСТИНОЙ СЫНЪ.



Въ стольномъ въ городѣ во Кіевѣ,
У славнаго Князя Владиміра
Было пированье, почестной пиръ,
Было столованье, почестной столъ
На многи Князи, бояра
И на Рускіе могучіе богатыри
И гости богатые.
Будетъ день въ половину дня,
Будетъ пиръ во полу пирѣ;
Владиміръ Князь разпотѣшился,
По свѣтлой гриднѣ похаживаетъ,
Таковы слова поговариваетъ:
„Гой еси, Князи и бояра
И всѣ Рускіе могучіе богатыри!

Есть ли въ Кіевѣ таковъ человѣкъ,
Ктобъ похвалился на триста жеребцовъ,
На триста жеребцовъ и на три жеребца похваленые:
Сивъ жеребецъ, да кологривъ жеребецъ,
И которой полоненъ воронко во Большой Ордѣ,
Полонилъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь,
Какъ у молода Тугарина Змѣевича;
Изъ Кіева бѣжать до Чернигова
Два девяноста-то мѣрныхъ верстъ,
Промежъ обѣдней и заутренею?"
Какъ бы меньшой за большаго хоронится,
Отъ меньшаго ему тутъ Князю отвѣту нѣту.
Изъ того стола Княженецкаго,
Изъ той скамьи богатырскія,
Выступается Иванъ гостиной сынъ
И скочилъ на свое мѣсто богатырское,
Да кричитъ онъ, Иванъ, зычнымъ голосомъ:
„Гой еси ты, сударь, ласковой Владиміръ Князь!
Нѣтъ у тебя въ Кіевѣ охотниковъ,
А и быть передъ Княземъ невольникомъ;
Я похвалюсь на триста жеребцовъ,
И на три жеребца похваленые:
А сивъ жеребецъ, да кологривъ жеребецъ,
Да третій жеребецъ полоненъ воронко,

Да которой полоненъ во Большой Ордѣ,
Полонилъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь,
Какъ у молода Тугарина Змѣевича;
Ѣхать дорога не ближняя,
И скакать изъ Кіева до Чернигова,
Два девяноста-то мѣрныхъ верстъ,
Промежу обѣдни и заутрени,
Ускоки давать конины,
Что вымѣтывать раздолья широкія:
А бьюсъ я, Иванъ, о великъ закладъ,
Не о стѣ рубляхъ, не о тысячѣ —
О своей буйной головѣ."
За Князя Владиміра держатъ поруки крѣпкія
Всѣ тутъ Князи и бояра, тутто-де гости корабельщики,
Закладу они за Князя кладутъ на сто тысячей;
А никто-де тутъ за Ивана поруки не держитъ, —
Пригодился тутъ Владыка Черниговской,
А и онъ-то за Ивана поруку держитъ,
Тѣ онъ поруки крѣпкія, крѣпкія на сто тысячей —
Подписалися. Молодой Иванъ гостиной сынъ
Онъ выпилъ чару зелена вина въ полтора ведра,
Походилъ онъ на конюшню бѣлодубову
Ко своему доброму коню къ бурочкѣ,
Космапочкѣ, проелѣпочкѣ,

Падалъ ему въ правое копытечко,
Плачетъ Иванъ, что рѣка течетъ:
„Гой еси ты, мой доброй конь
Бурочко, косматочко, троелѣточко!
Про то ты вѣдь не знаешъ, не вѣдаешъ,
А пробилъ я, Иванъ, буйну голову свою
Со тобою добрымъ конемъ;
Бился съ Княземъ о великъ закладъ,
А не о стѣ рубляхъ, не о тысячѣ,
Бился съ нимъ о стѣ тысячей,
Захвастался на триста жеребцовъ,
А на три жеребца похваленые:
Сивъ жеребецъ, да кологривъ жеребецъ,
И третій жеребецъ полоненъ воронко,
Бѣгати, скакать на добрыхъ на коняхъ
Изъ Кіева скакать до Чернигова,
Промежу обѣдни, заутрени,
Ускоки давать конины,
Что вымѣтывать раздолья широкія.“
Провѣщится ему доброй конь бурочко,
Косматочко, троелѣточко,
Человѣческимъ Рускимъ языкомъ:
„Гой еси, хозяинъ ласковой мой!
Ни о чемъ ты, Иванъ, не печалуйся:

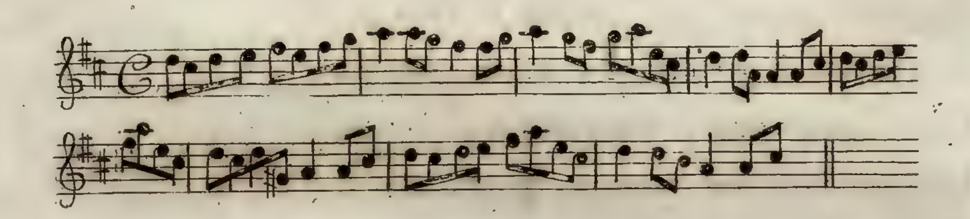
Сива жеребца того не боюсь,
Cологрива жеребца того не блюдусь,
Въ задоръ войду — у воронка уйду,
Только меня води по три зари,
Медвяною сытою пои
И сорочинскимъ пшеномъ корми.
И пройдутъ тѣ дни срочные,
И тѣ часы урочные,
Придетъ отъ Князя грозенъ посолъ
По тебя то Ивана гостинаго,
Чтобы бѣгати, скакати на добрыхъ на коняхъ,
Не сѣдлай ты меня, Иванъ, добра коня,
Только берись за шелковъ поводокъ,
Поведешъ по двору Княженецкому,
Вздѣнь на себя шубу соболиную,
Да котора шуба въ три тысячи,
Пуговки въ пять тысячей,
Поведешъ по двору Княженецкому;
А стану-де я, бурка, передомъ ходить,
Копытами за шубу посапывати,
И по черному соболю выхватывати,
На всѣ стороны побрасывати, —
Князи, бояра подивуются,
И ты будешъ живъ — шубу наживешъ,

А не будешъ живъ, будто нашивалъ.“
По сказанному и по писанному:
Отъ Великаго Князя посолъ пришелъ,
А зоветъ-то Ивана на Княженецкой дворъ, —
Скоро-де Иванъ наряжается,
И вздѣвалъ на себя шубу соболиную,
Которой шубѣ цѣна три тысячи,
А пуговки вальяцатыя въ пять тысячей;
И повелъ онъ коня за шелковъ поводокъ.
Онъ будетъ-де, Иванъ, середи двора Княженецкаго,
Спалъ его бурко передомъ ходить
И копытами онъ за шубу посапывати,
И по черному соболю выхватывати,
Онъ на всѣ стороны побрасывати;
Князи и бояра дивуются,
Купецкіе люди засмотрѣлися, —
Зрявкаетъ бурко по туриному,
Онъ шипъ пустилъ по змѣиному,
Триста жеребцовъ испугалися,
Съ Княженецкаго двора разбѣжалися:
Сивъ жеребецъ двѣ ноги изломилъ,
Кологривъ жеребецъ топъ и голову сломилъ,
Полоненъ воронко въ Золоту Орду бѣжитъ,
Онъ хвостъ поднявъ, самъ всхрапываетъ, —

А Князи-то и бояра испужалися,
Всѣ тутъ люди купецкіе,
Окарачь они по двору наползалися;
А Владиміръ Князь со Княгинею печаленъ спалъ,
. . . .
Кричитъ самъ въ окошечко косящатое:
„Гой еси ты, Иванъ, гостиной сынъ!
Уведи ты уродья со двора долой;
Просты поруки крѣпкія, записи всѣ изодраныя."
Втапоры Владыка Черниговской,
У Великаго Князя на почестномъ пиру,
Велѣлъ захватить три корабля на быстромъ Днѣпрѣ,
Велѣлъ похватить корабли
Съ тѣми товары заморскими, —
А Князи-де и бояра никуда отъ насъ не уйдутъ.

VIII.

ТРИ ГОДА ДОБРЫНЮШКА СТОЛЬНИЧАЛЪ.



Въ стольномъ въ городѣ во Кіевѣ,
У славнаго, сударь, Князя у Владиміра
Три года Добрынюшка стольничалъ,
А три года Никитичь приворотничалъ,
Онъ стольничалъ, чашничалъ девять лѣтъ,
На десятой годъ погулять захотѣлъ
По стольному городу по Кіеву;
Взявши Добрынюшка тугой лукъ,
А и колчанъ себѣ каленыхъ стрѣлъ,
Идетъ онъ по широкимъ по улицамъ,
По частымъ мѣлкимъ переулочкамъ, —
По горницамъ стрѣляетъ воробушковъ,
По повалушамъ стрѣляетъ онъ сизыхъ голубей; —
Зайдетъ въ улицу Игнатьевску,

И во тотъ переулокъ Маринин,
Взглянетъ ко Маринѣ на широкой дворъ,
На ея высокіе терема,
А у молодой Марины Игнатьевны,
У ея на хорошемъ высокомъ терему,
Сидятъ тутъ два сизые голубя,
Надъ тѣмъ окошкомъ косящатымъ,
Цѣлуются они, милуются,
Желты носами обнимаются, —
Тутъ Добрынѣ за бѣду стало,
Будто надъ нимъ насмѣхаются;
Стрѣляетъ въ сизыхъ голубей;
А спѣла вѣдь тетивка у туга лука,
Звыла, да пошла калена стрѣла,
По грѣхамъ надъ Добрынею учинилося,
Лѣвая нога его поскользнула,
Права рука удрогнула,
Не попалъ онъ въ сизыхъ голубей,
Что попалъ онъ въ окошечко косящатое;
Проломилъ онъ оконницу стекольчатую, —
Отшибъ всѣ причалины серебряныя,
Разшибъ онъ зеркало стекольчатое,
Бѣлодубовы столы пошатались,
Что питья медвяныя возплеснулися.

А впапоры Маринѣ безвременье было,
Умывалася Марина, снаряжалася,
И бросилася на свой широкой дворъ:
„А кто это невѣжа на дворъ заходилъ?
А кто это невѣжа въ окошко стрѣляетъ?
Проломилъ оконницу мою стекольчатую,
Отшибъ всѣ причалины серебряныя,
Разшибъ зеркало стекольчатое?"
И втѣпоры Маринѣ за бѣду стало,
Брала она слѣды горячіе молодецкіе,
Набирала Марина беремя дровъ,
А беремя дровъ бѣлодубовыхъ,
Клала дровца въ печку муравленую
Со тѣми слѣды горячими,
Разжигаетъ дрова палящатымъ огнемъ,
И сама она дровамъ приговариваетъ:
„Сколь жарко дрова разгораются
Со тѣми слѣды молодецкими,
Разгоралось бы сердце молодецкое
Какъ у молода Добрынюшки Никитьевича."
А и Божье крѣпко, вражье-то лепко.
Взяло Добрыню пуще остраго ножа,
По его по сердцу богатырскому,
Онъ съ вечера, Добрыня, хлѣба не ѣстъ,

Со полуночи Никитичу не уснется,
Онъ бѣлаго свѣту дожидается; —
По его-то щаски великія,
Рано зазвонили ко заутренямъ, —
Встаетъ Добрыня ранешенько,
Подпоясалъ себѣ сабельку острую,
Пошелъ Добрыня къ заутрени, —
Прошелъ онъ церкву соборную,
Зайдетъ ко Маринѣ на широкой дворъ,
У высокаго терема послушаетъ,
А у молодой Марины вечеринка была,
А и собраны были душечки красны дѣвицы,
Сидятъ и молоденьки молодушки,
Всѣ были дочери отецкія,
Всѣ тутъ были жены молодецкія.
Вшелъ онъ Добрыня во высокъ теремъ, —
Которыя дѣвицы приговариваютъ,
Она молода Марина отказываетъ и прибраниваетъ.
Втапоры Добрыня ни во что положилъ,
И къ нимъ бы Добрыня въ теремъ не пошелъ.
А стала его Марина въ окошко бранитъ, ему больно пѣнятъ;
Завидѣлъ Добрыня онъ Змѣя Горынчата,
Тутъ ему за бѣду стало,

За великую досаду показалося,
Сбѣжалъ на крылечко на красное,
А двери у терема желѣзныя,
Заперлася Марина Игнатьевна,
А и молодой Добрыня Никитичь младъ
Ухватилъ бревно онъ въ охватъ толщины,
А ударилъ онъ во двери желѣзныя,
Не доладомъ изъ пяты онъ вышибъ вонъ,
И сбѣжалъ онъ на сѣни косящаты,
Бросилась Марина Игнатьевна
Бранитъ Добрыню Никитича:
„Деревенщина ты дѣтина, зашельщина!
Вчерась ты, Добрыня, на дворъ заходилъ,
Проломилъ мою оконницу стеколчатую,
Ты разшибъ у меня зеркало стекольчатое.“
А бросится Змѣища Горынчища,
Чуть его, Добрыню, огнемъ не спалилъ,
А и чуть молодца хоботомъ не ушибъ,
А и самъ тутъ Змѣй почалъ бранити его,
Больно пѣняти: „не хочю я звати Добрынею,
Не хощу величать Никитичемъ,
Называю-те дѣтиною деревенщиною и зашельщиною;
Почто ты, Добрыня, въ окошко стрѣлялъ?
Проломилъ ты оконницу стекольчатую,

Разшибъ зеркало стекольчатое?"
Ему тутоти-ко Добрынѣ за бѣду стало,
И за великую досаду показалося,
Вынималъ саблю острую,
Воздымалъ выше буйны головы своей:
„А и хощешъ ли тебя Змѣя изрублю я
Въ мѣлкія части пирожныя,
Разбросаю далече по чистому полю?"
А и тутъ Змѣй Горыничь хвостъ поджавъ
Да и вонъ побѣжалъ;
Взяла его страсть такъ зачалъ .....
Околышки металъ, по три пуда .....
Бѣгучи онъ, Змѣй, заклинается:
„Не дай Богъ бывать ко Маринѣ въ домъ,
Есть у нее не одинъ я другъ,
Есть лучше меня и повѣжливѣе."
А молода Марина Игнатьевна
Она высунулась по поясъ въ окно,
Въ одной рубашкѣ безъ пояса;
А сама она Змѣя уговариваетъ:
„Воротись милъ надежа, воротись другъ!
Хошъ я Добрыню оберну клячею водовозною?
Станетъ-де Добрыня на меня и на тебя воду возить;
А еще хошъ я Добрыню оберну гнѣдымъ туромъ?"

Обернула его Добрыню гнѣдымъ туромъ,
Пустила его далече во чисто поле,
А гдѣ-то ходятъ девять туровъ,
А девять туровъ, девять братаниковъ,
Что Добрыня имъ будетъ десятой туръ,
Всѣмъ атаманъ — золотые рога.
Безвѣстно нестало богатыря молода
Добрыни Никитьевича
Во стольномъ въ городѣ во Кіевѣ.
А много-де прошло поры, много времени,
А и не было Добрыни шесть мѣсяцовъ,
По нашему-то Сибирскому словетъ полгода,
У Великаго Князя вечеринка была,
А сидѣли на пиру честныя вдовы,
И сидѣла тутъ Добрынина матушка,
Честна вдова Аѳимья Александровна,
А другая честна вдова, молода Анна Ивановна,
Что Добрынина матушка крестовая,
Промежу собою разговоры говорятъ,
Все были рѣчи прохладныя; —
Неотколь взялась тутъ Марина Игнатьевна,
Водилася съ дитятами Княженецкими,
Она больно Марина упивалася,
Голова на плечахъ не держится,

Она больно Марина похваляется:
„Гой еси вы, Княгини, боярыни!
Во стольномъ во городѣ во Кіевѣ
А и нѣтъ меня хитрѣя, мудрѣя,
А и я-де обернула девять молодцовъ,
Сильныхъ могучихъ богатырей, гнѣдыми турами;
А и нынѣ я-де отпустила десятаго молодца,
Добрыню Никитьевича,
Онъ всѣмъ атаманъ — золотые рога."
За то-то слово изымается
Добрынина матушка родимая,
Честна вдова Аѳимья Александровна,
Наливала она чару зеленаго вина,
Подносила любимой своей кумушкѣ,
А сама она за чарою заплакала:
„Гой еси ты, любимая кумушка,
Молода Анна Ивановна!
А и выпей чару зелена вина,
Поминай ты любимаго крестника
А и молода Добрыню Никитьевича,
Извѣла его Марина Игнатьевна, —
А и нынѣ на пиру похваляется."
Проговоритъ Анна Ивановна:
„Я-де сама эти рѣчи слышала,

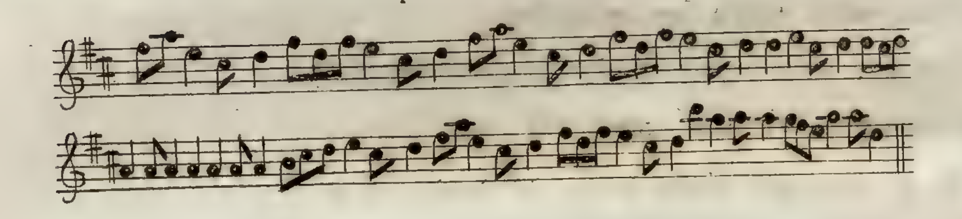
А слышала рѣчи ея похваленыя.“
А и молода Анна Ивановна
Выпила чару зелена вина,
А Марину она по щекѣ ударила,
Сшибла она съ рѣзвыхъ ногъ,
А и топчетъ ее по бѣлымъ грудямъ,
Сама она Марину больно бранитъ:
„А и сука ты, ..., ерепница .....!
Я-де тебя хитрѣя и мудренѣя,
Сижу я на пиру, не хвастаю;
А и хошъ ли я тебя сукой оберну?
А станешъ ты, сука, по городу ходить,
А станешъ ты, Марина, много за собой псовъ водить.“
А и женское дѣло прелестивое,
Прелестивое, перепадчивое;—
Обернулася Маринка косаточкой,
Полетѣла далече во чисто поле,
А гдѣ-то ходятъ девять туровъ,
Девять братаниковъ,—
Добрыня-то ходитъ десятой туръ;
А сѣла она на Добрыню, на правой рогъ,
Сама она Добрыню уговариваетъ:
„Нагулялся ты, Добрыня, во чистомъ полѣ,
Тебѣ чистое поле наскучило,

И зыбучія болоты напрокучили,
А и хошъ ли, Добрыня, женипися?
Возмешъ ли, Никипичь, меня за себя?“
„А право возму, ей Богу возму!
А и дамъ-пе, Марина, поученьеце,
Какъ мужья женъ своихъ учапъ.“
Тому она, Марина, повѣрила,
Обернула его добрымъ молодцомъ,
По спарому, по прежнему,
Какъ бы сильнымъ могучимъ богапыремъ, —
Сама она обернулася дѣвицею;
Они въ чиспомъ полѣ женилися,
Кругъ ракипова куспа вѣнчалися.
Пошелъ онъ ко городу ко Кіеву,
А идепъ за нимъ Марина ....
Пришли они ко Маринѣ на высокъ перемъ,
Говорилъ Добрынюшка Никипичь младъ:
„А и гой еси пы, моя молодая жена,
Молода Марина Игнапьевна!
У пебя въ высокихъ хорошихъ перемахъ
Нѣпу Спасова образа,
Не кому у пя помолипися,
Не за что спѣнамъ поклонипися, —
А и чай моя оспрая сабля заржавѣла?“

А и сталъ Добрыня жену свою учить,
Онъ молоду Марину Игнатьевну,
Еретницу, ..., безбожницу;
Онъ первое ученье ей руку отсѣкъ,
Самъ приговариваетъ:
„Эта мнѣ рука не надобна,
Трепала она рука Змѣя Горынчища.“
А второе ученье ноги ей отсѣкъ:
„А и эта-де нога мнѣ не надобна,
Оплѣталася со Змѣемъ Горынчищемъ.“
А третье ученье губы ей обрѣзалъ и съ носомъ прочь:
„А эти-де губы не надобны мнѣ,
Цѣловали они Змѣя Горынчища?“
Четвертое ученье голову ей отсѣкъ и съ языкомъ прочь:
„А и эта голова не надобна мнѣ,
И этотъ языкъ не надобенъ,
Зналъ онъ дѣла еретическія.“

IX.

ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВЪ.



Въ славномъ Великомъ Новѣградѣ,
А и жилъ Буслай до девяноста лѣтъ;
Съ Новымъ-городомъ жилъ, не перечился,
Со мужики Новогородскими
Поперегъ словечка не говаривалъ.
Живучи Буслай состарѣлся,
Состарѣлся и преставился —
Послѣ его вѣку долгаго
Оставалося его житье бытье
И все имѣніе дворянское;
Осталася матера вдова,
Матера Амелѳа Тимофеевна,
И оставалося чадо милое
Молодой сынъ Василій Буслаевичь.

Будетъ Васинька семи годовъ,
Отдавала матушка родимая,
Матера вдова Амелѳа Тимоѳеевна,
Учить его во грамотѣ,—
А грамота ему въ наукъ пошла;
Присадила перомъ его писать,—
Письмо Василью въ наукъ пошло;
Отдавала пѣтью учить церковному,—
Пѣтье Василью въ наукъ пошло.
А и нѣтъ у насъ такова пѣвца,
Во славномъ Новѣгородѣ,
Сопротивъ Василья Буслаева.
Поводился вѣдь Васька Буслаевичь
Со пьяницы съ безумницы,
Съ веселыми удалыми добрыми молодцы,
До пьяна ужъ сталъ напивашися,—
А и ходя въ городѣ уродуетъ:
Котораго возметъ онъ за руку,
Изъ плеча тому руку выдернетъ;
Котораго заденетъ за ногу,
То изъ ..... ногу выломитъ;
Котораго хватитъ поперегъ хребта,
Тотъ кричитъ, реветъ, окарачь ползетъ.
Пошла-то жалоба великая;—

А и мужики Новогородскіе,
Посадскіе, богатые
Приносили жалобу они великую
Матерой вдовѣ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ
На того на Василья Буслаева;
А и мать-то стала его журить бранить,
Журить бранить, его на умъ учить, —
Журьба Васькѣ не взлюбилася,
Пошелъ онъ Васька во высокъ теремъ,
Садился Васька на ременчатой стулъ,
Писалъ ярлыки скорописчаты,
Отъ мудрости слово поставлено:
„Кто хощетъ пить и ѣсть изъ готоваго,
Валися къ Васькѣ на широкой дворъ, —
Тотъ пей и ѣшъ готовое
И носи платье разноцвѣтное.“
Разсылалъ тѣ ярлыки со слугой своимъ
На тѣ улицы широкія
И на тѣ частые переулочки;
Въ тоже время поставилъ Васька чанъ середи двора,
Наливалъ чанъ полонъ зелена вина,
Опущалъ онъ чару въ полтора ведра.
Во славномъ было во Новѣградѣ
Грамотны люди шли,

Прочитали тѣ ярлыки скорописчаты,
Пошли ко Васькѣ на широкой дворъ
Къ тому чану, зелену вину;
Въ началѣ былъ Костя Новоторженинъ,
Пришелъ онъ Костя на широкой дворъ,
Василій тутъ его опробовалъ,
Сталъ его бити червленымъ вязомъ,
Въ половинѣ было налито
Тяжела свинцу Чебурацкаго,
Вѣсомъ тотъ вязъ былъ во двѣнадцать пудъ, —
А бьетъ онъ Костю по буйной головѣ,
Стоитъ тутъ Костя не шевельнится
И на буйной головѣ кудри не тряхнутся,
Говорилъ Василій, сынъ Буслаевичь:
„Гой еси ты, Костя Новоторженинъ!
А и будь ты мнѣ названой братъ,
И паче мнѣ брата родимаго."
А и мало время позамѣшкавши
Пришли два брата боярченка,
Лука и Моисей дѣти боярскіе,
Пришли ко Васькѣ на широкой дворъ;
Молодой Василій, сынъ Буслаевичь
Тѣмъ молодцамъ сталъ радошенъ и веселешенекъ.
Пришли тутъ мужики Залешена,

И не смѣлъ Василій показатися къ нимъ.
Еще тутъ пришло семь братовъ Сбродовичи —
Собиралися, сходилися
Тридцать молодцовъ безъ единаго,
Онъ самъ Василій тридцатой сталъ; —
Какой зайдетъ убьютъ его,
Убьютъ его за ворота бросятъ.
Послышалъ Васинька Буслаевичь
У мужиковъ Новгородскіихъ
Канунъ варенъ, пива ячныя,
Пошелъ Василій со дружиною,
Пришелъ во братчину въ Никольщину; —
„Не малу мы тебѣ сыпь платимъ,
За всякаго брата по пяти рублевъ.“ —
А за себя Василій даетъ пятдесятъ рублевъ,
А и тотъ-то староста церковной
Принималъ ихъ во братчину въ Никольщину;
А и зачали они тутъ канунъ варенъ пить,
А и тѣ-то пива ячныя.
Молодой Василій, сынъ Буслаевичь
Бросился на Царевъ кабакъ,
Со своею дружиною хороброю;
Напилися они тутто зелена вина,
И пришли во братчину въ Никольщину.

А и будетъ день ко вечеру,
Отъ малаго до стараго,
Начали ужъ ребята боротися,
А въ иномъ кругу въ кулаки битися;
Отъ тое борьбы отъ ребячія,
Отъ того бою отъ кулачнаго,
Началася драка великая;
Молодой Василій сталъ драку разнимать,
А иной дуракъ зашолъ съ носка,
Его по уху оплелъ;
А и тутъ Василій закричалъ громкимъ голосомъ
„Гой еси ты, Костя Новоторженинъ,
И Лука, Моисей, дѣти боярскіе!
Уже Ваську меня бьютъ.“
Поскакали удалы добры молодцы,
Скоро они улицу очистили,
Прибили уже много до смерти,
Вдвое, втрое перековеркали,
Руки, ноги переломали, —
Кричатъ, ревутъ мужики посадскіе,
Говоритъ тутъ Василій Буслаевичь:
„Гой еси вы, мужики Новогородскіе!
Бьюсь съ вами о великъ закладъ,
Напущаюсь я на весь Новгородъ

Бипися, драпися,
Со всею дружиною хораброю;
Тако вы меня съ дружиною побьете, Новымъ городомъ,
Буду вамъ плапишь дани, выходы по смерть свою,
На всякой годъ по при пысячи;
А буде же я васъ побью,
И вы мнѣ покорипеся,
То вамъ плапипь мнѣ пакову же дань."
И въ помъ-по договорѣ руки они подписали.
Началась у нихъ драка-бой великая, —
А мужики Новгородскіе,
И все купцы богапые,
Всѣ они вмѣстѣ сходилися,
На млада Васюшку напущалися,
И дерупся они день до вечера, —
Молодой Василій, сынъ Буслаевичь
Со своею дружиною хораброю,
Прибили они во Новѣгородѣ,
Прибили уже много до смерпи;
А и мужики Новгородскіе догадалися,
Пошли они съ дорогими подарки
Къ маперой вдовѣ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ.
„Мапера вдова Амелѳа Тимоѳеевна!
Прими у насъ дороги подарочки,

Уйми свое чадо милое
Василья Буслаевича.“
Матера вдова Амелѳа Тимоѳеевна
Принимала у нихъ дороги подарочки,
Посылала дѣвушку чернавушку
По того Василья Буслаева.
Прибѣжала дѣвушка чернавушка,
Сохватала Ваську во бѣлы руки,
Потащила къ матушкѣ родимыя,
Притащила Ваську на широкой дворъ;
А и та старуха неразмышлена,
Посадила въ погреба глубокіе
Молода Василья Буслаева,
Затворяла дверьми желѣзными,
Запирала замки булатными. —
А его дружина хорабрая
Со тѣми мужики Новгородскими
Дерутся, бьются день до вечера;
А и та-то дѣвушка чернавушка
На Волхъ рѣку ходила по воду,
А взмолятся ей тутъ добры молодцы:
„Гой еси ты, дѣвушка чернавушка!
Не подай насъ у дѣла у ратнаго,
У того часу смертнаго.“

И тутъ дѣвушка чернавушка
Бросала она ведро кленовое,
Брала коромысло кипарисово,
Коромысломъ тѣмъ стала она помахивати
По тѣмъ мужикамъ Новогородскіимъ, —
Прибили ужъ много до смерти,
И тутъ дѣвка запыхалася,
Побѣжала ко Василью Буслаеву,
Срывала замки булатные,
Отворяла двери желѣзныя:
„А и спишь ли Василій, или такъ лежишь?
Твою дружину хорабрую
Мужики Новогородскіе
Всѣхъ прибили, переранили,
Булавами буйны головы пробиваны.“
Ото сна Василій пробуждается,
Онъ выскочилъ на широкой дворъ, —
Не попала палица желѣзная,
Что попала ему ось телѣжная,
Побѣжалъ Василій по Новугороду,
По тѣмъ по широкимъ улицамъ;
Стоитъ тутъ старецъ Пилигримища,
На могучихъ плечахъ держитъ колоколъ,
А вѣсомъ тотъ колоколъ во триста пудъ,

Кричитъ тотъ старецъ Пилигримища:
„А стой ты, Васька! не попорхивай,
Молодой глуздырь не полетывай, —
Изъ Волхова воды не выпити,
Во Новѣградѣ людей не выбити;
Есть молодцовъ сопротивъ тебя,
Стоимъ мы молодцы, не хвастаемъ."
Говорилъ Василій таково слово:
„А и гой еси, старецъ Пилигримища!
А и бился я о великъ закладъ
Со мужики Новогородскими,
Опричь почестнаго монастыря,
Опричь тебя старца Пилигримища,
Во задоръ войду — тебя убью."
Ударилъ онъ старца во колоколъ
А и той-то осью телѣжною, —
Качается старецъ, не шевелнится;
Заглянулъ онъ Василій старца подъ колоколомъ,
А и во лбѣ глазъ — ужъ вѣку нѣту.
Пошелъ Василій по Волхъ рѣкѣ,
А идетъ Василій по Волхъ рѣкѣ,
По той Волховой по улицѣ;
Завидѣли добрые молодцы,
А его дружина хорабрая,

Молода Василья Буслаева, —
У ясныхъ соколовъ крылья опросли,
У нихъ-то молодцовъ думушки прибыло,
Молодой Василій Буслаевичь,
Пришелъ-то молодцамъ на выручку, —
Со тѣми мужики Новогородскими
Онъ дерется, бьется день до вечера;
А ужъ мужики покорилися,
Покорилися и помирилися—
Понесли они записи крѣпкія
Къ матерой вдовѣ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ;
Насыпали чашу чистаго серебра,
А другую чашу краснаго золота,
Пришли ко двору дворянскому,
Бьютъ челомъ, покланяются:
„Осударыня матушка,
Принимай ты дороги подарочки,
А уйми свое чадо милое,
Молода Василья со дружиною;
А и ради мы платить
На всякой годъ по три тысячи,
На всякой годъ будемъ тебѣ носить:
Съ хлѣбниковъ по хлѣбику,
Съ калачниковъ по калачику,

Съ молодицъ повѣнечное,
Съ дѣвицъ повалешное,
Со всѣхъ людей со ремесленныхъ,
Опричь поповъ и дьяконовъ."
Вшапоры машера вдова
Амелѳа Тимоѳеевна
Посылала дѣвушку чернавушку
Привесши Василья со дружиною;
Пошла ша дѣвушка чернавушка,
Бѣжавши ша дѣвка запыхалася,
Не льзя пройши дѣвкѣ по улицѣ,
Что полшеи по улицѣ валяюшся
Тѣхъ мужиковъ Новогородскіихъ.
Прибѣжала дѣвушка чернавушка,
Сохвашила Василья за бѣлы руки,
А сшала ему разсказываши:
„Мужики пришли Новогородскіе,
Принесли они дороги подарочки,
И принесли записи заручныя
Ко шоей сударынѣ машушкѣ,
Къ машерой вдовѣ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ."
Повела дѣвка Василья со дружиною
На шошъ на широкой дворъ,
Привела-шо ихъ къ зелену вину;

А сѣли они молодцы во единой кругъ,
Выпили вѣдь по чарочкѣ зелена вина,
Со того уразу молодецкаго
Отъ мужиковъ Новгородскихъ;
Вскричатъ тутъ ребята зычнымъ голосомъ:
„У мота и у пьяницы,
У млада Васютки Буслаевича,
Неупито, неуѣдено,
Вкраснѣ хорошо неухожено,
А цвѣтнаго платья не уношено,
А увѣчье на вѣкъ залѣзено.“
И повелъ ихъ Василій обѣдати
Къ матерой вдовѣ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ;
Втапоры мужики Новогородскіе
Приносили Василью подарочки,
Вдругъ сто тысячей, —
И за тѣмъ у нихъ мирова пошла;
А и мужики Новогородскіе
Покорилися и сами поклонилися.

X.

О ЖЕНИДЬБѢ КНЯЗЯ ВЛАДИМІРА.

Въ стольномъ въ городѣ во Кіевѣ,
Что у ласкова, сударь, Князя Владиміра,
А и было пированье, почестной пиръ,
Было столованье, почестной столъ,
Много на пиру было Князей и бояръ,
И Рускихъ могучихъ богатырей;
А и будетъ день въ половину дня,
Княженецкой столъ во полу столѣ,
Владиміръ Князь разпотѣшился,
По свѣтлой гриднѣ похаживаетъ,
Черныя кудри разчесываетъ,
Говорилъ онъ, сударь, ласковой
Владиміръ Князь таково слово:
„Гой еси вы, Князи и бояра и могучіе богатыри!
Всѣ вы въ Кіевѣ переженены,

Только я Владиміръ Князь холостъ хожу,
А и холостъ я хожу, не женатъ гуляю;
А кто мнѣ-ка знаетъ сопротивницу,
Сопротивницу знаетъ красну дѣвицу:
Какъ бы та была дѣвица станомъ статна,
Станомъ бы статна и умомъ свершна,
Ея бѣлое лице какъ бы бѣлой снѣгъ,
И ягодицы какъ бы маковъ цвѣтъ,
А и черныя брови какъ соболи,
А и ясныя очи какъ бы у сокола.“
А и тутъ большой за меньшаго хоронится,
Отъ меньшаго ему Князю отвѣту нѣту.
Изъ того было стола Княженецкаго,
Изъ той скамьи богатырскія,
Выступается Иванъ гостиной сынъ,
Скочилъ онъ на мѣсто богатырское,
Вскричалъ онъ, Иванъ, зычнымъ голосомъ:
„Гой еси ты, сударь, ласковой Владиміръ Князь!
Благослови предъ собой слово молвити,
И единое слово безопальное,
А и безъ тоя опалы великія; —
Я ли, Иванъ, въ Золотой Ордѣ бывалъ
У грознаго Короля Етмануйла Етмануйловича,
И видѣлъ во дому его двухъ дочерей:

Первая дочь Настасья Королевишна,
А другая Афросинья Королевишна;
Сидитъ Афросинья въ высокомъ терему,
За тридесять замками булатными,
А и буйные вѣтры не вихнутъ на ее,
А красное солнце не печетъ лице:
А то-то, сударь, дѣвушка станомъ статна,
Станомъ статна и умомъ свершна,
Бѣлое лице какъ бы бѣлой снѣгъ,
А ягодицы какъ маковъ цвѣтъ,
Черныя брови какъ бы соболи,
Ясныя очи какъ у сокола;—
Посылай ты, сударь, Дуная свататься.“
Владимiръ Князь стольной Кiевской
Приказалъ наливать чару зелена вина въ полтора ведра,
Подносить Ивану гостиному
За тѣ его слова хорошiя,
Что сказалъ ему обручницу.—
Призываетъ онъ Владимiръ Князь
Дуная Ивановича въ спальню къ себѣ,
И сталъ ему на словахъ говорить:
„Гой еси ты Дунай, сынъ Ивановичь!
Послужи ты мнѣ службу заочную,
Съѣзди, Дунай, въ Золоту Орду

Ко грозному Королю Етмануилу Етмануиловичу,
О добромъ дѣлѣ о сватаньѣ
На его любимой на дочери,
На честной Афросиньѣ Королевишнѣ;
Бери ты моей золотой казны,
Бери триста жеребцовъ и могучихъ богатырей."
Подноситъ Дунаю чару зелена вина въ полтора ведра,
Турій рогъ меду сладкаго въ полтретья ведра;
Выпиваетъ онъ, Дунай, чару тоя зелена вина,
И турій рогъ меду сладкаго, —
Разгоралася утроба богатырская
И могучія плеча разходилися,
Какъ у молода Дуная Ивановича,
Говоритъ онъ, Дунай, таково слово:
„А и ласково солнце, ты Владиміръ Князь!
Ненадо мнѣ твоя золота казна,
Ненадо триста жеребцовъ,
И ненадо могучіе богатыри, —
А и только пожалуй одного мнѣ молодца,
Какъ бы молода Екима Ивановича,
Которой служитъ Алешкѣ Поповичу."
Владиміръ Князь стольной Кіевской
Тотчасъ самъ онъ Екима руками привелъ:
„Вотъ-де те, Дунаю, будетъ паробочекъ!"

А скоро Дунай снаряжается,
Скоря того богатыри поѣздку чинятъ
Изъ стольнаго города Кіева
Въ дальну Орду — Золоту землю. —
И поѣхали удалы, добры молодцы;
А и ѣдутъ недѣлю споряду,
И ѣдутъ недѣлю уже другую,
И будутъ они въ Золотой Ордѣ
У грознаго Короля Етмануйла Етмануйловича;
Середи двора Королевскаго
Скакали молодцы съ добрыхъ коней,
Привязали добрыхъ коней къ дубову столбу,
Походили во палату бѣлокаменну,
Говоритъ тутъ Дунай таково слово:
„Гой еси, Король въ Золотой Ордѣ!
У тебя ли во палатахъ бѣлокаменныхъ,
Нѣту Спасова образа,
Не кому у тя помолитися,
А и не за что тебѣ поклонитися.“
Говоритъ тутъ Король Золотой Орды,
А и самъ онъ Король усмѣхается:
„Гой еси, Дунай, сынъ Ивановичь!
Али ты ко мнѣ пріѣхалъ по старому служить и
по прежнему?“

Отвѣчаетъ ему Дунай сынъ Ивановичь:
„Гой еси ты, Король въ Золотой Ордѣ!
А и я къ тебѣ пріѣхалъ не по старому служить
и не по прежнему,
Я пріѣхалъ о дѣлѣ о добромъ къ тебѣ,
О добромъ-то дѣлѣ о сватаньѣ, —
На твоей, сударь, любимой-то на дочери,
На честной Афросиньѣ Королевишнѣ,
Владиміръ Князь хочетъ женитися.“
А и тутъ Королю за бѣду стало,
А рветъ на главѣ кудри черныя
И бросаетъ о кирпицетъ полъ,
А притомъ говоритъ таковое слово:
„Гой еси ты, Дунай, сынъ Ивановичь!
Кабы прежде у меня не служилъ вѣрою и правдою,
Тобъ велѣлъ посадить во погреба глубокіе
И уморилъ бы смертью голодною
За тѣ твои слова за бездѣльныя.“
Тутъ Дунаю за бѣду стало,
Разгоралось его сердце богатырское,
Вынималъ онъ свою сабельку острую,
Говорилъ таково слово:
„Гой еси, Король Золотой Орды,
Кабы у тя во дому не бывалъ,

Хлѣба, соли не ѣдалъ,
Сѣкъ бы по плечь буйну голову.“
Тутъ Король неладомъ заревѣлъ зычнымъ голосомъ,
Псы борзы заходли на цѣпяхъ,
А и хочетъ Дуная живьемъ справить
Тѣми кобелями Меделянскими,
Скричитъ тутъ Дунай сынъ Ивановичь:
„Гой еси, Екимъ сынъ Ивановичь!
Что ты спалъ, да чего глядишъ?
Псы борзы заходили на цѣпяхъ, —
Хочетъ насъ съ тобой Король живьемъ справить.“
Бросился Екимъ сынъ Ивановичь,
Онъ бросился на широкой дворъ,
А тѣ мурзы, улановья
Не допустятъ Екима до добра коня,
До своей его палицы тяжкія,
А и тяжкія палицы мѣдныя,
Лита она была въ три тысячи пудъ;
Не попала ему палица желѣзная,
Что попала ему ось-то телѣжная,
А и зачалъ Екимъ помахивати,
Прибилъ онъ силы семь тысячей мурзы, улановья,
Пять сотъ онъ прибилъ Меделянскихъ кобелей,
Закричалъ тутъ Король зычнымъ голосомъ:

„Гой еси, Дунай Ивановичь!
Уйми ты своего слугу вѣрнаго,
Оставь мнѣ силы хоть на сѣмена;
А бери ты мою дочь любимую
Афросинью Королевишну.“
А и молодой Дунай сынъ Ивановичь
Унималъ своего слугу вѣрнаго,
Пришелъ ко высокому терему,
Гдѣ сидитъ Афросинья въ высокомъ терему,
За тридесять замками булатными, —
Буйны вѣтры не вихнутъ на ее,
Красное солнце лица не печетъ; —
Двери у палатъ были желѣзныя,
А крюки, пробои по булату злачены,
Говорилъ тутъ Дунай таково слово:
„Хоть нога изломить, а двери выставить.“
Пнетъ во двери желѣзныя,
Приломалъ онъ крюки булатные, —
Всѣ тутъ палаты зашатались,
Бросится дѣвица, испужалася,
Будто угорѣлая вся,
Хочетъ Дуная во уста цѣловать,
Проговоритъ Дунай сынъ Ивановичь:
„Гой еси, Афросинья Королевишна!

А и ряженой кусъ, да не суженому ѣсть!
Не цѣлую я тебя во сахарные уста,
А и Богъ тебя, красну дѣвицу, милуетъ,
Достанешься ты Князю Владиміру."
Взялъ ее за руку за правую,
Повелъ изъ палатъ на широкой дворъ,
А и хочутъ садиться на добрыхъ на коней; —
Спохватился Король въ Золотой Ордѣ,
Самъ говорилъ таково слово:
„Гой еси ты, Дунай Ивановичь!
Пожалуй подожди мурзы, улановья." —
И отправляетъ Король своихъ мурзы, улановья
Везти за Дунаемъ золоту казну;
И тѣ мурзы, улановья
Тридцать телѣгъ Ордынскыхъ насыпали златомъ
И серебромъ и скатнымъ жемчугомъ,
А сверхъ того каменьи самоцвѣтными.
Скоро Дунай снаряжается,
И поѣхали они ко городу ко Кіеву,
А и ѣдутъ недѣлю уже спорядру,
А и ѣдутъ уже другую,
И тутъ же везутъ золоту казну;
А наѣхалъ Дунай бродучій слѣдъ,
Не доѣхавши до Кіева за сто верстъ,

Самъ онъ Екиму сталъ наказывать:
„Гой еси, Екимъ сынъ Ивановичь!
Вези ты Афросинью Королевишну,
Ко стольному городу ко Кіеву,
Ко ласкову Князю Владиміру,
Честно, хвально и радостно;
Было бы намъ чѣмъ похвалитися
Великому Князю во Кіевѣ."
А самъ онъ Дунай поѣхалъ
По тому слѣду по свѣжему, бродучему, —
А и ѣдетъ ужъ сутки другіе,
Въ четвертые сутки слѣдъ дошелъ,
На тѣхъ на лугахъ на потѣшныихъ,
Куда ѣздилъ ласковой Владиміръ Князь завсегда за охотою; —
Стоитъ на лугахъ тутъ бѣлъ шатеръ,
Во томъ шатру опочивъ держитъ красна дѣвица,
А и та ли Настасья Королевишна, —
Молодой Дунай онъ догадливъ былъ,
Вымалъ изъ налучна тугой лукъ,
Изъ колчана вынулъ калену стрѣлу,
А и вытянулъ лукъ за ухо — калену стрѣлу,
Котора стрѣла семи четвертей,
Хлеснетъ онъ Дунай по сыру дубу,

А спѣла вѣдь тетивка у туга лука,
А дрогнетъ матушка сыра земля
Отъ того удару богатырскаго, —
Угодила стрѣла въ сыръ крековистой дубъ,
Изломала его въ черенья ножевые; —
Бросилася дѣвица изъ бѣла шатра будто угорѣлая,
А и молодой Дунай онъ догадливъ былъ,
Скочилъ онъ, Дунай, со добра коня,
Воткнетъ копье во сыру землю,
Привязалъ онъ коня за остро копье,
И гораздъ онъ со дѣвицею дратися,
Ударилъ онъ дѣвицу по щекѣ,
А пнулъ онъ дѣвицу подъ . . . . . —
Женской полъ отъ того пухолъ живетъ,
Сшибъ онъ дѣвицу съ рѣзвыхъ ногъ,
Онъ выдернулъ чингалище булатное,
А и хочетъ взрѣзать груди бѣлыя; —
Втапоры дѣвица возмолилася:
„Гой еси ты, удалой доброй молодецъ!
Не коли ты меня дѣвицу до смерти,
Я у батюшки, сударя, отпрошалася,
Кто меня побьетъ во чистомъ полѣ,
За того мнѣ дѣвицѣ за мужъ идти.“
А и тутто Дунай сынъ Ивановичь

Тому ея слову обрадовался,
Думаетъ себѣ разумомъ своимъ:
Служилъ я, Дунай, во семи Ордахъ,
Въ семи Ордахъ, семи Королямъ,
А не могъ себѣ выжить красныя дѣвицы,
Нонѣ я нашелъ во чистомъ полѣ
Обручницу, сопротивницу. —
Тутъ они обручалися,
Кругъ ракитова куста вѣнчалися;
А скоро ей приказъ отдалъ собиратися,
И обралъ у дѣвицы сбрую всю:
Куякъ и панцырь съ кольчугою;
Приказалъ онъ дѣвицѣ наряжатися,
Въ простую епанечку бѣлую, —
И поѣхали ко городу ко Кіеву.
Только Владиміръ стольной Кіевской
Втапоры ѣдетъ отъ злата вѣнца,
И пріѣхалъ Князь на свой Княженецкой дворъ, —
И во свѣтлы гридни убиралися,
За убраные столы сажалися.
А и молодой Дунай сынъ Ивановичь
Пріѣхалъ ко церкви соборныя,
Ко тѣмъ попамъ и ко дьяконамъ,
Приходилъ онъ во церкву соборную,

Проситъ честныя милости
У того Архіерея соборнаго,
Обвѣнчать на той красной дѣвицѣ. —
Ради были тому попы соборные —
Въ тѣ годы присяги не вѣдали —
Обвѣнчали Дуная Ивановича;
Вѣнчальнаго далъ Дунай пять сотъ рублей
И поѣхалъ ко Князю Владиміру, —
И будетъ у Князя на широкомъ дворѣ
И скочили со добрыхъ коней съ молодой женой,
И говорилъ таково слово:
„Доложитесь Князю Владиміру —
Не о томъ, что идти во свѣтлы гридни,
О томъ, что не въ чемъ идти Княгинѣ молодой,
Платья женскаго только одна и есть епанечка бѣлая.“
А втапоры Владиміръ Князь онъ догадливъ былъ,
Знаетъ онъ кого послать:
Послалъ онъ Чюрила Пленковича
Выдавать платьице женское цвѣтное, —
И выдавали они тутъ соянъ хрущатой камки
На тое Княгиню новобрачную,
На Настасью Королевишну, —
А цѣна тому сояну сто тысячей, —
И снарядили они Княгиню новобрачную,

Повели ихъ во палаты Княженецкія,
Во тѣ гридни свѣтлыя,
Сажали за столы убраные,
За яства сахарныя и за питья медвяныя;
Сѣли уже двѣ сестры за однимъ столомъ, —
А и молодой Дунай сынъ Ивановичь
Женилъ онъ Князя Владиміра,
Да и самъ тутъ же женился,
Въ томъ же столѣ столовати сталъ. —
А жили они время не малое. —
У Князя Владиміра, у солнышка Сеславьевича
Была пирушка веселая,
Тутъ пьяной Дунай разхвастался:
Что нѣтъ противъ меня во Кіевѣ такова стрѣльца,
Изъ туга лука по примѣтамъ стрѣлять.
Что взговоритъ молода Княгиня Апраксѣевна:
„Что гой еси ты, любимой мой зятюшка,
Молодой Дунай сынъ Ивановичь! —
Что нѣту-де во Кіевѣ такого стрѣльца,
Какъ любезной сестрицы моей Настасьи Королевишны.“
Тутъ Дунаю за бѣду стало, —
Бросали они жеребья,
Кому прежде изъ туга лука стрѣлять, —
И досталось стрѣлять его молодой женѣ

Настасьѣ Королевишнѣ,
А Дунаю досталось на главѣ золото кольцо держать.
Отмѣрили мѣсто на цѣлу версту тысячну,
Держитъ Дунай на главѣ золото кольцо;
Вытягала Настасья калену стрѣлу,
Спѣла-де тетивка у туга лука,
Сшибло съ головы золото кольцо
Тою стрѣлкою каленою; —
Князи и бояра тутъ металися,
Усмотрѣли калену стрѣлу,
Что на тѣхъ-то перушкахъ лежитъ то золото кольцо.
Втѣпоры Дунай становилъ на примѣту свою молоду жену;
Стала Княгиня Апраксѣевна его уговаривать:
„А и ты гой еси, любимой мой зятюшка,
Молодой Дунай сынъ Ивановичь!
То вѣдь шуточка пошучена.“
Да говорила же его и молода жена:
„Оставимъ-де стрѣлять до другаго дня,
Есть-де въ утробѣ у меня могучь богатырь;
Первой-де стрѣлкой не дострѣлишь,
А другой-де перестрѣлишь,
А третьею-де стрѣлкою въ меня угодишь.“
Втапоры Князи и бояра

И всѣ сильны могучи богатыри
Его молода Дуная уговаривали.
Втапоры Дунай озадорился, —
И стрѣлялъ въ примѣту на цѣлу версту въ золото
кольцо, —
Становилъ стоятъ молоду жену;
И втапоры его молода жена
Стала ему кланятися и передъ нимъ убиватися:
„Гой еси ты, мой любезной ладушка,
Молодой Дунай сынъ Ивановичь!
Оставь шутку на три дни,
Хошь не для меня, но для своего сына нерожденнаго,
Завтря рожу тебѣ богатыря,
Что не будетъ ему сопротивника.“
Тому-то Дунай не повѣровалъ,
Становилъ свою молоду жену Настасью Королевишну
На мѣту съ золотымъ кольцомъ, —
И велѣли держать кольцо на буйной главѣ, —
Стрѣлялъ Дунай за цѣлу версту изъ туга лука:
А и первой стрѣлой онъ не дострѣлилъ,
Другой стрѣлой перестрѣлилъ,
А третьею стрѣлою въ ее угодилъ.
Прибѣжавши Дунай къ молодой женѣ
Выдергивалъ чингалище булатное,

Скоро споролъ ей груди бѣлыя, —
Выскочилъ изъ утробы удалъ молодецъ,
Онъ самъ говоритъ таково слово:
„Гой еси, сударь, мой батюшка!
Какъ бы далъ мнѣ сроку на три часа,
А и я бы на свѣтѣ былъ попрыжѣе
И полутчѣе въ семь семерицъ тебя.“
А и тутъ молодой Дунай сынъ Ивановичь запечалился,
Ткнулъ себя чингалищемъ во бѣлы груди,
Сгоряча онъ бросился во быстру рѣку.
Потому быстра рѣка Дунай словетъ —
Своимъ устьемъ впала въ сине море. —
А и то старина, то и дѣянье!

XI.

ГРИШКА РАЗСТРИГА.

Ты Боже, Боже, Спасъ милостивый!
Къ чему рано надъ нами прогнѣвался —
Сослалъ намъ, Боже, прелестника,
Злаго Разстригу Гришку Отрепьева;
Уже ли онъ, Разстрига, на Царство сѣлъ?
Называется Разстрига прямымъ Царемъ,
Царемъ Димитріемъ Ивановичемъ Углецкимъ.
Не долго Разстрига на Царствѣ сидѣлъ,
Похотѣлъ Разстрига женитися;
Не у себя-то онъ въ каменной Москвѣ,
Бралъ онъ Разстрига въ проклятой Литвѣ,
У Юрья пана Сендомирскаго
Дочь Маринку Юрьеву,
Злу еретницу, безбожницу.
На вешній праздникъ Николинъ день,

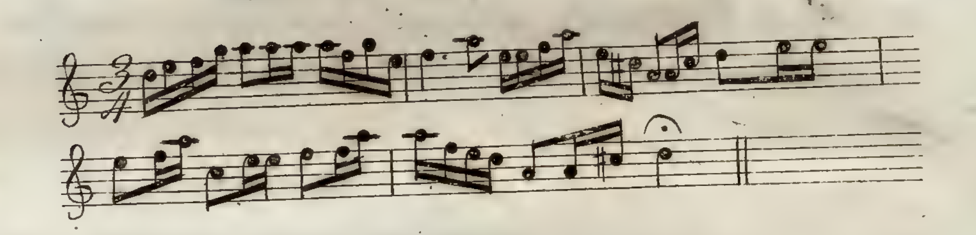
Въ четвергъ у Разстриги свадьба была,
А въ пятницу праздникъ Николинъ день.
Князи и бояра пошли къ заутрени,
А Гришка Разстрига онъ въ баню съ женой;
На Гришкѣ рубашка кисейная,
На Маринкѣ сояпъ хрущатой камки.
А часъ другой поизойдучи,
Уже Князи и бояра отъ заутрени,
А Гришка Разстрига изъ бани съ женой.
Выходитъ Разстрига на Красной крылецъ,
Кричитъ, ревётъ зычнымъ голосомъ:
„Гой еси, ключники мои, приспѣшники!
Приспѣвайте кушанье разное,
А и постное и скоромное;
Заутра будетъ ко мнѣ гость дорогой,
Юрья панъ со паньею."
А втапоры стрѣльцы догадалися,
За то-то слово спохватилися,
Въ Боголюбовъ монастырь метались
Къ Царицѣ Марѳѣ Матвѣевнѣ:
„Царица ты, Марѳа Матвѣевна!
Твое ли это чадо на Царствѣ сидитъ,
Царевичь Димитрій Ивановичь?"
А втапоры Царица Марѳа Матвѣевна заплакала,

И таковы рѣчи во слезахъ говорила:
„А глупы стрѣльцы вы, не догадливы!
Какое мое чадо на Царствѣ сидитъ?
На Царствѣ у васъ сидитъ
Разстрига Гришка, Отрепьевъ сынъ;
Потерянъ мой сынъ Царевичь Димитрій Ивановичь
На Угличѣ отъ тѣхъ отъ бояръ Годуновыихъ;—
Его мощи лежатъ въ каменной Москвѣ
У чудной Софіи премудрыя,—
У того ли-то Ивана Великаго
Завсегда звонятъ во Царь-колоколъ,
Соборны попы собираются,
За всякіе праздники совершаютъ панихиды
За память Царевича Димитрія Ивановича,—
А Годуновыхъ бояръ проклинаютъ завсегда."
Тутъ стрѣльцы догадалися;
Всѣ они собиралися,
Ко Красному Царскому крылечку метались,
И тутъ въ Москвѣ взбунтовалися.
Гришка Разстрига догадается,
Самъ въ верхни чердаки убирается
И накрѣпко запирается;
А злая его жена, Маринка безбожница,
Сорокою обернулася

И изъ палатъ вонъ она вылетѣла.
А Гришка Разстрига втапоры догадливъ былъ,
Бросился онъ со тѣхъ чердаковъ на копья острыя
Ко тѣмъ стрѣльцамъ, удалымъ молодцамъ;
И тутъ ему такова смерть случилась.

XII.

НА БУЗАНѢ ОСТРОВѢ.



На славной Волгѣ рѣкѣ на верхней;
Изголовѣ на Бузанѣ островѣ,
На крупомъ красномъ берегу,
На желтыхъ разсыпныхъ пескахъ,
А спояли бесѣды, что бесѣды дубовыя,
Изподернуты бархатомъ;
Во бесѣдочкахъ тутъ сидѣли Атаманы козачіе
Ермакъ Тимофѣевичь, Самбуръ Андреевичь, Анофрій Степановичь.

Они думушку думали за единое;
Какъ про дѣло ратное, про добычу козачую.
Что Есаулъ ходитъ по кругу, по Донскому Яицкому,
Есаулъ кричитъ голосомъ, во всю буйну голову:
„А и вы гой еси братцы, Атаманы козачіе!

У насъ кто на морѣ не бывалъ,
Морской волны не видалъ,
Не видалъ дѣла ратнаго, человѣка кроваваго;
Отъ желанья тѣ Богу не маливались;
Останьтеся таковы молодцы на Бузанѣ островѣ."
И садилися молодцы во свои струги легкіе;
Они грянули, молодцы, внизъ по матушкѣ
Волгѣ рѣкѣ, по протокѣ по Ахтубѣ.
А не ярые гоголи на сине море выплыли,
Выгребали тутъ козаки середи моря синяго, —
Противъ Матицы острова
Легки струги выдергивали
И веселечки разбрасывали;
Майданы разставливали,
Ковры раздергивали, ковры тѣ Сорочинскіе
И бесѣды дубовыя, подернуты бархатомъ;
А играли козаки золотыми тавлеями,
Дорогими вальящатыми.
Посмотрятъ козаки они на море синее,
Отъ того зеленаго, отъ дуба крековистаго;
Какъ бы бѣль забѣлѣлася, будто чернь зачернѣлася;
Забѣлѣлися на корабляхъ парусы полотняные
И зачернѣлися на морѣ тутъ двенадцать кораблей;
А бѣгутъ тутъ по морю.

Славны гости Турецкіе, со товары заморскими.
А увидѣли козаки тѣ корабли червленные
И бросалися козаки на свои струги легкіе,
А хватали козаки оружье долгомѣрное
И три пушечки мѣдныя,
Напущалися козаки на двенадцать кораблей:
Въ три пушечки гунули, а ружьемъ вдругъ грянули;
Турки, гости богатые
На корабляхъ отъ того изпужалися,
Въ сине море метались;
А тѣ товары заморскіе
Козакамъ доставалися —
А и двенадцать кораблей.
А на тѣхъ корабляхъ одна не пужалася,
Душа красная дѣвица,
Молода Урзамовна, мурзы дочь Турскаго.
Что сговоритъ дѣвица: „не троньте меня козаки,
Не губите моей красоты,
А и вы везите меня, козаки,
Къ сильну Царству Московскому, Государству Российскому,
Приведите, козаки, меня въ вѣру крещеную.“
Не тронули козаки душу красну дѣвицу,
И посадили во свои струги легкіе.

А и будутъ козаки на протокѣ на Ахтубѣ
И стали козаки на крутомъ красномъ бережку,
Майданы разставливали, майданы тѣ Терскіе;
Ковры Сорочинскіе, а бесѣды разставливали,
А бесѣды дубовыя, подернуты бархатомъ,
А столы дорогъ рыбій зубъ;
А и кушали козаки тутъ они кушанье разное
И пили питья медвяныя, питья все заморскія. —
И будутъ козаки на великихъ на радостяхъ со добычи козачія,
Караулы ставили, караулы крѣпкіе, отхожіе,
Сверху матки Волги рѣки и съ низу таковыяжъ стоятъ;
Запилися молодцы, а всѣ они до единаго.
А втапоры и во то время на другой сторонѣ
Становился стоять Персидской Посолъ
Коромышевъ Семенъ Константиновичь
Со своими солдаты и матросами;
Козаки были пьяные, а солдаты не со всѣмъ умомъ,
Напущалися на нихъ дратися
Ради корысти своея.
Вѣдалъ ли, не вѣдалъ о томъ Персидской Посолъ,
Какъ у нихъ драка сочинилася;
Въ той было дракѣ Персидскаго Посла

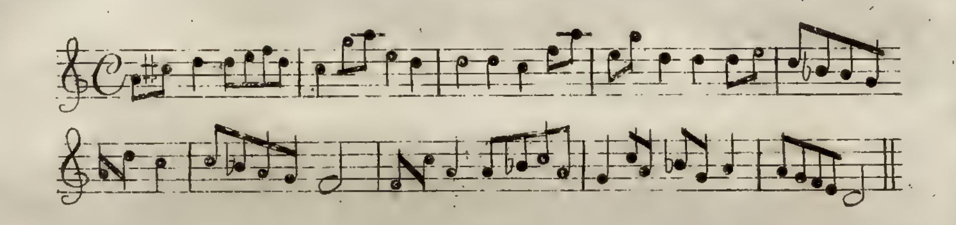
Солдатъ пятьдесятъ человѣкъ, —
Тѣхъ козаки прибили до смерти,
Только едва остались три человѣка,
Которые могли убѣжать на корабль
Къ своему Послу сказывати;
Не разобралъ того дѣла Персидской Посолъ,
О чемъ у нихъ драка сочинилася,
Послалъ онъ сто человѣкъ
Всю ту правду разпрашивати. —
И тѣмъ солдатамъ показалися,
Что тѣ люди стоятъ недобрые;
Зачали съ козаками дратися.
Втапоры говорилъ имъ большой
Атаманъ Ермакъ Тимофѣевичь:
„Гой вы еси, солдаты хорошіе,
Слуги Царя вѣрные!
Почто съ нами деретеся?
Корысть ли отъ насъ получите?"
Тутъ солдаты безумные
На его слова не сдавалися,
И зачали дратися
Боемъ-то смертныимъ,
Что дракою некорыстною.
Втапоры доложился о томъ

Большой Есаулъ Стафій Лаврентьевичь:
„Гой вы еси, Атаманы козачи!
Что намъ съ ними дѣлати?
Солдаты упрямые, лезутъ къ намъ съ дракою въ глаза.“
И на тѣ его слова большой
Атаманъ Ермакъ Тимофѣевичь
Приказалъ ихъ до смерти бити
И бросати въ матку Волгу рѣку. —
Зачали козаки съ ними дратися,
И прибили ихъ всѣхъ до смерти,
Только изъ нихъ единъ ушелъ
Капралъ островской и прибѣжавши на свой корабль
Къ Послу Персидскому Семену Константиновичу Коромышеву
Сталъ обо всемъ ему разсказывати,
Кака у нихъ съ козаками драка была.
И тотъ Персидской Посолъ
Не размыслилъ ничего,
Подымался онъ со всею гвардіею своею
На тѣхъ Донскихъ козаковъ;
Втапорыжъ подымалися
Атаманы козачіе Ермакъ Тимофѣевичь,
Самбуръ Андреевичь и Анофрій Степановичь, —

И спала у нихъ драка великая
И побоище смертное, —
А Атаманы козачіе
Сами они не дралися,
Только своимъ козакамъ цыкнули —
И прибили всѣхъ солдатъ до смерти,
Ушло ли, не ушло съ десятокъ человѣкъ,
И въ той же дракѣ убили самаго Посла Персидскаго
Семена Константиновича Коромышева.
Втапоры козаки всѣ животы Посла Персидскаго
Взяли себѣ, — платье цвѣтное
Клали въ гору Змѣевую.
Пошли они, козаки, по протокѣ по Ахтубѣ,
Вверхъ по матушкѣ Волгѣ рѣкѣ;
А и будутъ козаки у Царства Астраханскаго,
Называется тутъ Ермакъ со дружиною
Купцами заморскими, —
А явили въ таможнѣ товары разные
И съ тѣхъ товаровъ платили пошлину
Въ казну Государеву,
И тѣми своими товарами
Торговали безъ запрещенія:
Тѣмъ старина и кончилась.

XIII.

ЕРМАКЪ ВЗЯЛЪ СИБИРЬ.



Во славномъ понизовомъ городѣ Астрахани,
Противъ пристани матки Волги рѣки,
Сходилися тутъ удалы добры молодцы,
Донскіе славны Атаманы козачіе
Ермакъ Тимофѣевичь, Самбуръ Андреевичь и Анофрій Степановичь;
И стали они во единой кругъ,
Какъ думати думушку за единое,
Со крѣпка ума, съ полна разума.
Атаманъ, говорилъ Донскимъ козакамъ,
По имени Ермакъ Тимофѣевичь:
„А и вы гой еси братцы, Атаманы козачіе!
Некорыстна у насъ шутка зашучена;
Гуляли мы по морю синему,

И стояли на протокѣ на Ахтубѣ,
Убили мы Посла Персидскаго
Со всѣми его солдатами и матросами,
И всѣмъ животомъ его покорыстовались;
И какъ намъ на то будетъ отвѣтствовать?
Въ Астрахани жить не льзя,
На Волгѣ жить — ворами слыть,
На Яикъ идти — переходъ великъ,
Въ Казань идти — Грозенъ Царь стоитъ,
Грозенъ Царь Осударь Иванъ Васильевичь;
Въ Москву идти — перехватаннымъ быть,
По разнымъ городамъ разосланнымъ
И по темнымъ тюрьмамъ разсаженнымъ; —
Пойдемте мы въ усолья ко Строгоновымъ,
Ко тому Григорью Григорьевичу,
Къ тѣмъ господамъ къ Вороновымъ —
Возмемъ мы много свинцу, пороху и запасу хлѣбнаго."
И будутъ они въ усольѣ у Строгонова, —
Взяли запасы хлѣбные, много свинцу, пороху,
И пошли вверхъ по Чусовой рѣкѣ,
Гдѣ бы Ермаку зима зимовать. —
И нашли они пещеру каменну
На той Чусовой рѣкѣ, на висячемъ большомъ каменю;
И зашли они сверхъ того каменю,

Опущалися въ ту пещеру козаки,
Много не мало двѣсти человѣкъ;
А которые остались люди похужѣе,
На другой сторонѣ въ такуюжъ они пещеру убиралися.
И тутъ имъ было хорошо зима зимовать. —
Та зима проходитъ, весна настаетъ;
Гдѣ Ермаку путя искать?
Путя ему искать по Серебреной рѣкѣ.
Сталъ Ермакъ убиратися со своими товарищами
По Серебреной пошли, до Жаровля дошли,
Оставили они тутъ лодки коломенки;
На той Баранченской переволокѣ,
Одну тащили, да надсѣлися,
Тамъ ее и покинули.
И въ то время увидѣли Баранчу рѣку, обрадовались,
Подѣлали боты сосновые
И лодки набойницы;
Поплыли по той Баранчѣ рѣкѣ —
И скоро они выплыли на Тагиль рѣку;
У того медвѣдя камня у Магницкаго — горы становилися,
А на другой сторонѣ было у нихъ плодбище;
Дѣлали большія коломенки,

Чтобъ можно имъ совсѣмъ убратися.
Жили они тутъ козаки съ весны до Троицева дня,
И были у нихъ промыслы рыбные,
Тѣмъ они и кормилися;
И какъ имъ путь надлежалъ,
Совсѣмъ въ коломенки убиралися,
И поплыли по Тагиль рѣкѣ;
А и выплыли на Туру рѣку,
И поплыли по той Турѣ рѣкѣ въ Епанчу рѣку;
И тутъ они жили до Петрова дня.
Еще они тутъ управлялися,
Подѣлали людей соломенныхъ,
И нашили на нихъ платье цвѣтное;
Было у Ермака дружины триста человѣкъ,
А стало уже со тѣми больше тысячи.
Поплыли по Тоболь рѣкѣ,
Въ Мяденски юрты приплыли,
Тутъ они Князька полонили небольшаго,
Дабы показалъ имъ путь по Тоболь рѣкѣ.
Во тѣхъ устьяхъ Тобольскіихъ на изголовѣ стано-
вилися,
И собиралися во единой кругъ,
И думали думушку крѣпку за едино:
Какъ бы имъ приплыть къ горѣ Тобольской той?

Самъ онъ, Ермакъ, пошелъ устьемъ верхніимъ,
Самбуръ Андреевичь устьемъ средніимъ,
Анофрій Степановичь устьемъ нижніимъ,
Которое устье впало противъ самой горы Тобольскія.
И выплыли два Атамана козачіе
Самбуръ Андреевичь и Анофрій Степановичь
Со своими товарищами на Иртышъ рѣку,
Подъ саму высоку гору Тобольскую.
И тутъ у нихъ стала баталія великая,
Со тѣми Татары Коповскими;
Татары въ нихъ бьютъ со крутой горы,
Стрѣлы летятъ какъ часты дожди,
А козакамъ взять не можно ихъ.
И была баталія цѣлой день,
Прибили козаки тѣхъ Татаръ не мало число —
И тому Татары дивовалися,
Каковы Руски люди крѣпкіе,
Что ни единаго убить не могутъ ихъ;
Каленыхъ стрѣлъ въ нихъ какъ въ снопики налѣплено,
Только козаки всѣ невредимы стоятъ,
И тому Татары дивуются наипаче того.
Въ тоже время пришелъ Атаманъ Ермакъ Тимофѣевичь
Со своею дружиною, тою лукою Соуксанскою;
Дошелъ до устья Сибирки рѣки,

И въ то время полонилъ Кучума Царя Татарскаго,
А перваго Князька поиманнаго
Отпустилъ со извѣстіемъ
Ко тѣмъ Татарамъ Котовскіимъ,
Чтобы они въ дракѣ съ козаками помирилися.
Ужъ-де Царя вашего во полонъ взяли
Тѣмъ Атаманомъ Ермакомъ Тимофѣевымъ.
И таковы слова услыша Татары сокротилися;
И пошли къ нему, Ермаку, съ подарочками,
Понесли казну соболиную и бурыхъ лисицъ Сибирскіихъ,
И принималъ Ермакъ у нихъ не отсылаючи;
А на мѣсто Кучума Царя утвердилъ Сабанака Татарина,
И далъ ему полномочіе владѣть ими.
И жилъ тамъ Ермакъ съ Покрова
До зимняго Николина дня;
Втапоры Ермакъ шилъ шубы соболиныя;
Нахтармами вмѣстѣ сшивалъ,
А теплые мѣхи на верхъ обоихъ сторонъ;
Таковымъ манеромъ и шапки шилъ.
И убравши Ермакъ со всѣми козаки,
Отъѣзжалъ въ каменну Москву,
Ко Грозному Царю Ивану Васильевичу. —
И какъ будетъ Ермакъ въ каменной Москвѣ,

На канунъ праздника Христова дня;
Втапоры подкупилъ въ Москвѣ
Большаго боярина Никиту Романовича,
Чтобы доложилъ объ немъ Царю Грозному.
На самой праздникъ Христовъ день,
Какъ изволилъ Царь Государь идти отъ заутрени,
Втапоры доложилъ объ немъ Никита Романовичь:
Что-де Атаманы козачіе,
Ермакъ Тимофѣевъ съ товарищи
Къ твоему Царскому Величеству съ повинностью пришли,
И стоятъ на Красной площади.
И тогда Царь Государь
Тотчасъ велѣлъ предъ себя привести
Того Атамана Ермака Тимофѣева,
Со тѣми его товарищи;
Тотчасъ ихъ ко Царю представили
Въ тѣхъ шубахъ соболиныхъ, —
И тому Царь удивляется;
И не сталъ больше спрашивати,
Велѣлъ ихъ разослать по квартирамъ,
До того часу, когда спросятся.
Втапоры Царю праздникъ радошенъ былъ,
И было пированіе почестное

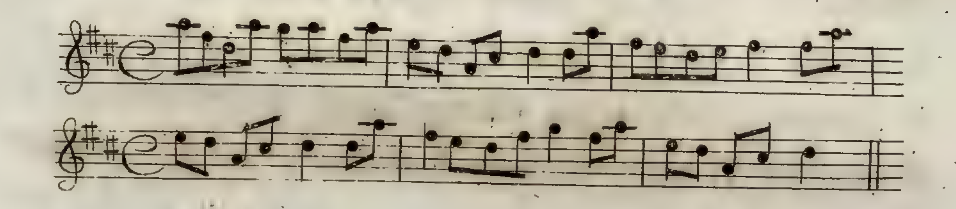
На великихъ на радостяхъ,
Что полонилъ Ермакъ Кучума Царя Татарскаго
И вся сила покорилася тому Царю Грозному,
Царю Ивану Васильевичу.
И по прошествіи того праздника
Приказалъ Царь Государь
Того Ермака предъ себя привести;
Тотчасъ ихъ собрали
И ко Царю представили.
Вопрошаетъ тутъ ихъ Царь Государь:
„Гой ты еси, Ермакъ Тимофѣевъ сынъ!
Гдѣ ты бывалъ, сколько по волѣ гулялъ?
И напрасныхъ душъ губилъ,
И какимъ случаемъ Татарскаго
Кучума Царя полонилъ,
И всю его Татарскую силу
Подъ мою власть покорилъ?"
Втапоры Ермакъ предъ Грознымъ Царемъ на колѣни палъ,
И письменное извѣстіе обо всемъ своемъ похожденіи подавалъ,
И при томъ говорилъ таковыя слова:
„Гой еси, вольной Царь, Царь Иванъ Васильевичь!
Приношу тебѣ, Осударь, повинность свою.
Гуляли мы, козаки, по морю синему,

И стояли на протокѣ на Ахтубѣ;
И въ то время годилося мимо идти
Послу Персидскому Коромышеву Семену Константиновичу
Со своими солдаты и матросами,
И они напали на насъ своею волею,
И хотѣли отъ насъ поживитися, —
Козаки наши были пьяные,
А солдаты упрямые —
И тутъ Персидскаго Посла устукали
Со тѣми его солдаты и матросами."
И на то Царь Государь не прогнѣвался,
Но и паче умилосердился,
Приказалъ Ермака пожаловати.
И посылалъ его въ ту сторону Сибирскую
Ко тѣмъ Татарамъ Коповскіимъ,
Брать съ нихъ дани, выходы въ казну Государеву. —
И по тому приказу Государеву
Поѣхалъ Ермакъ Тимофѣевичъ
Со своими козаками въ ту сторону Сибирскую.
И будетъ онъ у тѣхъ Татаръ Коповскіихъ;
Сталъ онъ ихъ наиболыше
Подъ власть Государеву покаряти,
Дани, выходы безъ запущенія выбирати.

И годъ, другой тому времени поизойдучи,
Тѣ Татары взбунтовалися,
На Ермака Тимофѣева
Напущалися на той большой Енисѣ рѣкѣ;
Втапоры у Ермака были козаки разосланы
По разнымъ дальнымъ странамъ,
А при немъ только было козаковъ на дву коло-
менкахъ,
И билися, дралися съ Татарами время не малое;
И для помощи своихъ товарищевъ
Онъ Ермакъ похотѣлъ перескочити
На другую свою коломенку,
И ступилъ на переходню обманчивую,
Правою ногою поскользнулся онъ —
И та переходня съ конца верхняго
Подымалася и на его опущалася,
Разшибла ему буйну голову
И бросила его въ тое Енисей быстру рѣку:
Тутъ Ермаку такова смерть случилась.

XIV.

СТАВРЪ БОЯРИНЪ.



Во стольномъ было городѣ во Кіевѣ,
У ласкова, Осударь, Князя Владиміра
Было пированье, почестной пиръ,
Было столованье, почестной столъ
На многи Князи и бояра
И на Рускіе могучіе богатыри
И гости богатые.
Будетъ день въ половина дня,
Будетъ пиръ во полу пирѣ; —
Князи и бояра пьютъ, ѣдятъ, потѣшаются,
И Великимъ Княземъ похваляются.
И только изъ нихъ одинъ бояринъ
Ставръ Годиновичь не пьетъ, не ѣстъ
И при своей братьи не хвастаетъ,

Только на единѣ съ товарищемъ
Таковы рѣчи сказываетъ:
„Что это за крѣпость во Кіевѣ,
У Великаго Князя Владиміра?
У меня-де, Ставра боярина,
Широкой дворъ не хуже города Кіева: —
А дворъ у меня на семи верстахъ,
А гридни, свѣтлицы бѣлодубовы,
Покрыты гридни сѣдымъ бобромъ,
Потолокъ во гридняхъ черныхъ соболей,
Полъ, середа одного серебра,
Крюки да пробои по булату злачены."
А и были тутъ у Князя слуги вѣрные,
Донесли о томъ самому Князю Владиміру:
„Что-де, Осударь, ласковой Владиміръ Князь!
Ставръ бояринъ въ очи ни о чемъ не хвалится,
А за очи похваляется,
Что есть у него дворъ на семи верстахъ,
Крѣпче города Кіева: —
Гридни, свѣтлицы бѣлодубовыя,
Покрыты гридни сѣдымъ бобромъ,
Потолокъ черныхъ соболей,
Полъ, середа одного серебра,
Крюки да пробои по булату злачены."

Услыша о томъ Владимiръ Князь,
Приказалъ сковать Ставра боярина,
На руки и на ноги желѣза ему,
Посадить его въ погреба глубокiе,
Затворять дверями желѣзными,
Запирать накрѣпко замки булатными.
И Владимiръ Князь посылалъ Посла
Немилостиваго ко Ставру боярину,
Чтобъ дворъ его запечатати,
И взять въ Кiевъ молоду его жену
Ко Великому Князю Владимiру. —
И ей Ставровой молодой женѣ
Перепала вѣсть нерадостна,
Что Ставръ бояринъ во Кiевѣ
Посаженъ въ погреба глубокiе,
Руки и ноги скованы. —
Скоро она наряжается
И скоро убирается;
Скидавала съ себя волосы женскiе;
Надѣвала кудри черныя,
А на ноги сапоги зеленъ сафьянъ;
И надѣвала платье богатое,
Богатое платье Посольское —
И называлась грознымъ Посломъ,

Грознымъ Посломъ Васильемъ Ивановичемъ.
И поѣхала съ великою свитою ко городу Кіеву;
Половину дороженьки проѣхали,
И встрѣчю ей изъ Кіева грозенъ Посолъ:
Тутъ они съѣхались, Послы поздоровались,
Какъ Послы послуются,
Они ручка объ ручку цѣлуются. —
Сталъ-де изъ Кіева спрашиватъ Посолъ:
„А и гой вы еси, удалы добры молодцы!
Куда вы ѣдете и куда Богъ несетъ?“ —
И взговорятъ ему, Послу, таковыя слова:
„А ѣдемъ мы изъ дальней Орды, Золотой земли,
Отъ грозна Короля Етмануйла Етмануйловича
Ко городу ко Кіеву,
Ко Великому Князю Владиміру,
Брать съ него дани, невыплаты,
Не много не мало за двенадцать лѣтъ,
За всякой годъ по три тысячи.“
Изъ Кіева Посолъ позадумался —
А и единое словечко повыговоритъ:
„Я-де, изъ Кіева грозенъ Посолъ,
Ѣду-де ко Ставру боярину,
Дворъ его запечатати,
А его молоду жену въ Кіевъ взять.“

Отвѣчають туть удалы добры молодцы:
„Прежде у нась тоть быль постоялой дворь;
Нонѣ заѣзжали — вь дому нѣть никого,
Молода его жена убиралася
Вь дальну Орду, Золоту землю." —
Изь Кіева Посоль воротился назадь,
Пріѣхаль во стольной во Кіевь градь,
Сказаль онь Князю тихохонько,
Что ѣдеть изь дальней Орды, Золотой земли,
Грозень Посоль Василій Ивановичь.
А и туть больно Князь запечалился: —
Кидалися, металися;
То улицы метуть, ельникь ставили —
Передь воротами ждуть Посла
Изь дальней Орды, Золотой земли,
Оть грозна Короля Етмануйла Етмануйловича.
И пріѣхаль онь Посоль на Княженецкой дворь;
Они скоро поскакали со добрыхь коней —
А идуть во гридни во свѣтлыя; —
Вывела Княгиня Князя за собой
И во тѣ во подвалы, погребы,
Молвила словечко тихохонько:
„Ни о чемь ты, Осударь, не печалуйся,
А не быть тому грозному Послу Василью Ивановичу,

Быть Ставровой молодой женѣ Василисѣ Микулишнѣ;
Знаю я примѣты всѣ по женскому:
Она по двору идетъ, будто уточка плыветъ,
А по горенкѣ идетъ, частенько ступаетъ,
А на лавицу садится, коленца жметъ, —
А и ручки бѣленьки, пальчики тоненьки,
Дюжина изъ перстовъ не вышли всѣ."
А и тутотъ-ко Владимiръ стольной Кiевской
Ну же онъ Посла сталъ подчивати,
Всяко питье по таковкамъ пьютъ —
Ужъ тутъ ли Посолъ напивается,
А Владимiръ Князь сталъ провѣдывати:
Тако Посолъ буде женщина,
Не станетъ онъ во Кiевѣ боротися
Со моими могучими богатырями.
Таковы люди были въ Кiевѣ,
Нарочны борцы, удалы молодцы
Притченки, да Хапилонки.
Выводилъ тутъ Князь семь борцовъ —
И того ли Посолъ Василiй не пятится,
Вышелъ онъ на дворъ боротися —
Середи двора Княженецкаго.
Сошлися борцы съ Посломъ боротися;

Первому борцу изъ плеча руку выдернетъ,
А другому борцу ногу выломитъ,
Онъ третьяго хватала поперегъ хребта,
Ушибла его середи двора. —
А плюнулъ Князь, да и прочь пошелъ:
„Глупая Княгиня, неразумная!
У тя волосы долги, умъ коротокъ;
Называешь ты богатыря женщиною:
Такого Посла у насъ еще было и не видано.“
Втапоры Княгиня съ Княземъ заспоровалась:
„А и ты ласковой, сударь, Владимiръ Князь!
Да не быть этому грозному Послу,
Быть Ставровой молодой женѣ.“
Говорилъ тутъ Владимiръ стольной Кiевской:
„Гой ты еси, Княгиня Апраксѣевна!
Я ли Посла Василья провѣдаю —
Заставлю его изъ туга лука стрѣлять
Со своими могучими богатырями.“
Выводилъ тутъ Владимiръ стольной Кiевской
Двенадцать сильныхъ могучихъ богатырей;
Стали они стрѣлять по сыру дубу за цѣлу версту,
Попадаютъ они по сыру дубу. —
Отъ тѣхъ стрѣлочекъ каленыхъ,
И отъ той стрѣльбы богатырскiя

Только сырой дубъ шатается,
Будто отъ погоды сильныя. —
Говорилъ Посолъ Василій Ивановичь:
„Гой еси, Владиміръ Князь!
Ненадо мнѣ эти луки богатырскіе;
Есть у меня лучонко волокитной,
Съ которымъ я ѣзжу по чисту полю.“
Втапоры кинулися ея удалы добры молодцы:
Подъ первой рогъ несутъ пять человѣкъ,
Подъ другой несутъ столько же,
Колчанъ тащатъ каленыхъ стрѣлъ тридцать человѣкъ;
И говоритъ Князю таково слово:
„Что потѣшить-де тебя Князя Владиміра?“
Беретъ она во ту рученьку лѣвую
И беретъ стрѣлу каленую,
Та была стрѣлка булатная, —
Вытягала лукъ за ухо,
Хлеснетъ по сыру дубу,
Изломала его въ черенья ножевые, —
Спѣла тетивка у туга лука; —
И Владиміръ Князь окорачь наползался,
И всѣ тутъ могучіе богатыри
Встаютъ какъ угорѣлые, —

Взвыла да пошла калена стрѣла,
Угодила въ сыръ кряковистой дубъ,
Изломала въ черенья ножевые. —
И говорилъ Посолъ таково слово:
„Не жаль мнѣ сыра дуба кряковистаго,
Только жаль мнѣ своей калены стрѣлы —
Никому не найти во чистомъ полѣ.“
Плюнулъ Владиміръ Князь, самъ прочь пошелъ;
Говорилъ себѣ таково слово:
Развѣ самъ Василья Посла провѣдаю.
Сталъ съ нимъ въ шахматы играть
Золотыми тавлеями;
Первую заступь заступовали:
И ту Посолъ поигралъ;
Другую заступь заступовали:
И другую заступь Посолъ же поигралъ;
Третью заступь заступовали:
Шахъ, да и матъ, да и подъ доску. —
И сталъ Посолъ говорить таково слово:
„Гой еси, стольной Владиміръ Князь!
Отдай ты мнѣ дани, выходы за двенадцать лѣтъ,
За всякой годъ по три тысячи.“
Говоритъ Владиміръ Князь:
„Изволь меня, Посолъ, взять головой съ женой.“

И говорилъ тутъ Посолъ таковы слова:
,,Чѣмъ ты Владиміръ Князь въ Кіевѣ потѣшаешься?
Есть ли у тебя веселые молодцы?"
И тотчасъ посылалъ Владиміръ Князь
Искать таковыхъ людей всякихъ рукъ —
И собрали веселыхъ молодцовъ на Княженецкой дворъ.

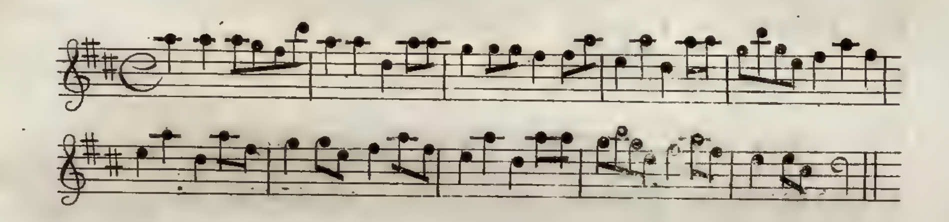
Втапоры у Великаго Князя ради Посла
Было пированіе почестное, на великихъ на радостяхъ;
И тутъ Посолъ не веселъ сидитъ,
Только Князю таково слово выговоритъ:
,,Нѣтъ ли у тебя кому въ гусли поиграть?"
Похватится Владиміръ Князь,
Послалъ по Ставра боярина,
Боярина Годиновича,
Велѣлъ его разковать всего;
Сымали желѣза съ рукъ и съ ногъ
И приводили Ставра на почестной пиръ.
И втапоры Посолъ вскочилъ на рѣзвы ноги,
Посадилъ Ставра противъ себя въ дубову скамью.
И зачалъ тутъ Ставръ поигрывати:
Сыгришь сыгралъ Царя-града,
Танцы навелъ Іерусалима,
Величалъ Князя со Княгинею,

Сверхъ того игралъ Еврейской стихъ;—
Посолъ задремалъ и спать захотѣлъ,
Говорилъ таковы слова:
„Гой еси, Владиміръ Князь!
Ненадо мнѣ твои дани, выходы,
Только пожалуй веселымъ молодцомъ
Ставромъ бояриномъ Годиновичемъ.“
И Владиміръ Князь о томъ радошенъ сталъ,
Отдавалъ Ставра руками своими;
Взявши Посолъ Ставра
Отъѣзжалъ изъ Кіева вонъ,
Провожаетъ его Владиміръ Князь и со Княгинею.
И становился онъ, Посолъ, у быстра Днѣпра,
Разставлялъ палатки свои бѣлыя,
Говорилъ таково слово:
„Пожалуй-де, Осударь, Владиміръ Князь!
Посиди до того часа, когда я высплюся.“
Раздѣвался Посолъ изъ своего платья Посольскаго,
И убирался въ платье женское,
Притомъ говорилъ таково слово:
„Гой еси, Ставръ, веселой молодецъ!
Какъ ты меня не опознываешь?
А доселева мы съ тобой въ свайку игрывали:
У тебя-де была свайка серебряная,

А у меня кольцо позолоченое;
И ты меня поигрывалъ,—
А я тебѣ толды вселды."
И втапоры Ставръ бояринъ догадается;
Скидавалъ платье черное,
И надѣвалъ на себя Посольское;—
И съ Великимъ Княземъ и со Княгинею прощалися,
И отъѣзжали во свою землю дальную.—

XV.

ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЬ.



Во стольномъ въ городѣ во Кіевѣ,
У ласкова, Осударь, Князя Владиміра вечеринка была,
На пиру у него сидѣли честныя вдовы.
Пригодился тутъ Иванъ Годиновичь,
И проговоритъ ему стольной Кіевской Владиміръ
Князь:
„Гой еси, Иванъ ты Годиновичь!
А за чѣмъ ты, Иванушка, не женишься?“
Отвѣчаетъ Иванъ, сынъ Годиновичь:
„Радъ бы, Осударь, женился, да негдѣ взять,
Гдѣ охота брать, за меня не даютъ;
А гдѣ-то подаютъ, ту я самъ не беру.“
А проговоритъ ласковой Владиміръ Князь:
„Гой еси Иванъ, сынъ Годиновичь!

А садися ты, Иванъ, на ременчатъ стулъ,
Пиши ярлыки скорописчаты."
И садился тотчасъ Иванъ на ременчатъ стулъ,
Написалъ ярлыкъ скорописчатой,
А добромъ дѣлѣ — о сватаньѣ, —
Къ славному городу Чернигову,
Къ Дмитрію гостю богатому;
Написалъ онъ ярлыкъ скорописчатой,
А Владиміръ Князь ему руку приложилъ:
„А не ты, Иванъ, поѣдешь свататься,
Сватаюсь я-де Владиміръ Князь."
А скоро-де Иванъ снаряжается,
А скоря того поѣздку чинитъ
Ко городу Чернигову;
Два девяносто-то мѣрныхъ верстъ
Переѣхалъ Иванушка въ два часа.
Сталъ онъ, Иванъ, на гостинномъ дворѣ,
Ссочилъ онъ, Иванъ, со добра коня, —
Привязавши коня къ дубову столбу
Походилъ во гридню во свѣтлую,
Спасову образу молится,
Онъ Дмитрію гостю кланяется, —
Положилъ ярлыкъ скорописчатой на круглой столъ;
Дмитрій гость распечатываетъ и разсматриваетъ,

Просматриваетъ и прочитываетъ:
„Глупой Иванъ, неразумной Иванъ!
Гдѣ ты, Иванушка, перво былъ?
Нонѣ Настасья просватана,
Душа Дмитревна запоручена
Въ дальну землю Загорскую,
За Царя Афромея Афромеевича;
За Царя отдать—ей Царицею слыть,—
Поновя всѣ поклонятся,
Поновя и улановья,
А Нѣмецкихъ языковъ счету нѣтъ;
За тебя, Иванъ, отдать — холопкой слыть,
Избы мести, заходы скрести.“
Тутъ Иванушкѣ за бѣду стало,
Схватя ярлыкъ, Иванъ, да и вонъ побѣжалъ.
Садился Иванъ на добра коня,
Побѣжалъ онъ ко городу ко Кіеву;
Скоро Иванъ на дворъ прибѣжалъ,
И приходитъ онъ во свѣтлу гридню
Ко Великому Князю Владиміру,—
Спасову образу молится,
А Владиміру Князю кланяется;
Вельми онъ, Иванъ, закручинился,—
Сталъ его Владиміръ Князь спрашивати,

А спалъ Иванъ разсказывати:
„Былъ я у Дмитрія во дому,
Положилъ ярлыкъ на круглой сполъ,
Дмитрій гость не задерживалъ меня въ томъ,
Скоро ярлыки прочитывалъ
И говорилъ таковы слова:
„Глупой ты-де Иванъ, неразумной Иванъ!
Гдѣ ты, Иванушка, перво былъ?
Нонѣ Настасья просватана
Въ дальну землю Загорскую,
За Царя Афромея Афромеевича;
За Царя-де ее отдать — Царицею слыть, —
Панове всѣ поклонятся,
Панове всѣ и улановья,
А Нѣмецкихъ языковъ счету нѣтъ;
За тебя-де, Иванъ, отдать — холопкой слыть,
Избы мести, да заходы скрести.“
Тутъ ему Князю за бѣду стало,
Рветъ на главѣ черны кудри свои,
Бросаетъ ихъ о кирпищетъ полъ:
„Гой еси, Иванъ Годиновичь!
Возьми ты у меня Князя сто человѣкъ
Рускихъ могучихъ богатырей,
У Княгини ты бери другое сто,

У себя Иванъ третье сто;
Поѣзжай ты о добромъ дѣлѣ — о сватаньѣ,
Честью не дастъ, ты и силою бери.“
Скоро молодцы тѣ собираются,
А скоря того поѣздку чинятъ,
Поѣхали къ городу Чернигову;
А и только переѣхали быстраго Днѣпра,
Выпала пороха снѣгу бѣлаго; —
По той по порохѣ, по бѣлу снѣгу,
И лежатъ три слѣда звѣриные:
Первой слѣдъ гнѣдаго тура,
А другой слѣдъ лютаго звѣря,
А третій слѣдъ дикаго вепря.
Сталъ онъ Иванъ разъясачивати:
Послалъ онъ за гнѣдымъ туромъ сто человѣкъ,
И велѣлъ поимать его бережно,
Безъ той раны кровавыя;
И за лютымъ звѣремъ послалъ другое сто;
И велѣлъ изымать его бережно,
Безъ той раны кровавыя;
И за дикимъ вепремъ послалъ третье сто,
А велѣлъ изымать его бережно,
Безъ тоя раны кровавыя,
И привесть ихъ во стольной Кіевъ градъ

Ко Великому Князю Владиміру.
А самъ онъ, Иванъ, поѣхалъ единый во Черниговъ градъ;
И будетъ Иванъ во Черниговѣ,
А у Дмитрія гостя богатаго,
Скачетъ Иванъ середи двора,
Привязалъ коня къ дубову столбу, —
Походилъ онъ во гридню свѣтлую,
Къ Дмитрію гостю богатому,
Спасову образу молится,
Дмитрію гостю не кланяется;
Походилъ за занавѣсу бѣлую
Онъ къ душкѣ Настасьѣ Дмитревнѣ.
А тутъ у Дмитрія гостя богатаго
Сидятъ мурзы, улановья,
По нашему Сибирскому дружки словутъ.
Привезли они платьице цвѣтное,
Что на душку Настасью Дмитревну,
Платья того на сто тысячей
Отъ Царя Афромея Афромеевича;
А самъ Царь Афромей Афромеевичь
Онъ отъ Чернигова въ трехъ верстахъ стоитъ;
А силы съ нимъ три тысячи.
Молодой Иванушка Годиновичь
Онъ изъ-за занавѣсу бѣлаго,

Душку Настасью Дмитревну
Взялъ за руку за бѣлую,
Потащилъ онъ Настасью, лишь туфли звенятъ, —
Что взговоритъ ему Дмитрій гость:
„Гой еси ты, Иванушка Годиновичь!
Суженое пересуживаешъ,
Ряженое переряживаешъ;
Можно тебѣ взять не гордостью,
Веселымъ пиркомъ, свадебкой.“
Только Иванъ слово выговорилъ:
„Гой еси ты, славной Дмитрій гость!
Добромъ мы у тебя сваталися,
А сватался Владиміръ Князь;
Не могъ ты честью мнѣ отдать —
Нонѣ беру — и не кланяюсь.“ —
Вытащилъ ее середи двора,
Посадилъ на добра коня,
И самъ метался въ сѣделечко Черкесское.
Нѣкому бѣжать во Кіевъ градъ
За молодомъ Иванушкомъ Годиновичемъ;
Переѣхалъ онъ, Иванъ, девяносто верстъ,
Поставилъ онъ, Иванъ, тупъ свой бѣлъ шатеръ,
Развернулъ ковры Сорочинскіе,
Послалъ потнички бумажные —

Изволилъ онъ, Иванъ, съ Настасьею опочивъ держать.
Донеслась скоро вѣстка нерадошна
Царю Афромею Афромѣевичу;
А приѣхали мурзы, улановья,
Телячьимъ языкомъ разсказываютъ:
„Изъ славнаго-де города изъ Кіева,
Прибѣжалъ удалъ молодецъ,
Увезъ твою противницу Настасью Дмитревну.“
Царь Афромей Афромеевичь
Скоро онъ вражбу чинилъ;
Обернется гнѣдымъ туромъ,
Чистыя поля туромъ перескакалъ,
Темные лѣса соболемъ пробѣжалъ,
Быстрыя рѣки соколомъ перелеталъ, —
Скоро онъ сталъ у бѣла шатра;
А и тутъ Царь Афромей Афромеевичь
Закричалъ, заревѣлъ зычнымъ голосомъ:
„Гой еси, Иванушка Годиновичь!
А и ты суженое пересуживаешъ,
Ряженое переряживаешъ;
Почто увезъ ты Настасью Дмитревну?“
А скоро Иванъ выходитъ изъ бѣла шатра,
Говорилъ тутъ Иванушка Годиновичь:
„Гой еси, Царь Афромей Афромеевичь!

Станемъ мы съ тобою боротися,
А большинѣ что кому наша Настасья достанется.“
И схватилися они тутъ боротися, —
Что-де ему Царю дѣлати
Со молодымъ Иваномъ Годиновичемъ?
Согнетъ онъ Царя корчагою,
Опустилъ онъ о сыру землю;
Царь Афромей Афромеевичь
Лежитъ на земли, свѣту не видитъ.
Молодой Иванъ Годиновичь
Онъ ушелъ за кустикъ мочитися;
Царь Афромей едва пропищалъ:
„Думай ты, Настасья, не продумайся!
За Царемъ за мною быть — Царицею слыть,
Ановя всѣ поклонятся,
Пановя всѣ, улановья,
А Нѣмецкихъ языковъ счету нѣтъ;
За Иваномъ быть—холопкой слыть,
А избы мести, заходы скрести.“
Приходитъ Иванъ ко бѣлу шатру,
Напустился съ нимъ опять боротися —
Схватилися они руками боротися;
Душка Настасья Дмитревна
Изымала Ивана Годиновича за ноги, —

Тутъ его двое и осилили.
Царь Афромей на грудяхъ сидитъ,
Говоритъ таково слово:
„А и нѣтъ чингалища булатнаго,
Нечѣмъ поротъ груди бѣлыя.“ —
Только лишь Царь слово выговорилъ:
„Гой еси ты, Настасья Дмитревна!
Подай чембуръ отъ добра коня.“
И связали Ивана руки бѣлыя,
Привязали его ко сыру дубу. —
Царь Афромей въ шатеръ пошелъ,
Сталъ съ Настасьею поигривати,
А назолу даетъ ему молоду Ивану Годиновичу. —
По его было талану добра молодца,
А и молода Ивана Годиновича,
Первая высылка изъ Кіева бѣжитъ,
Ровно сто человѣкъ;
Прибѣжали ко тому бѣлу шатру,
Будто зайца въ кустѣ изъѣхали:
Спиря скочилъ, тотъ поспириваетъ;
Сьома прибѣжалъ, тотъ посьомываетъ;
Которы молодцы они поглавнѣе,
Срѣзали чембуры шелковые,
Молода Ивана Годиновича опрастывали;

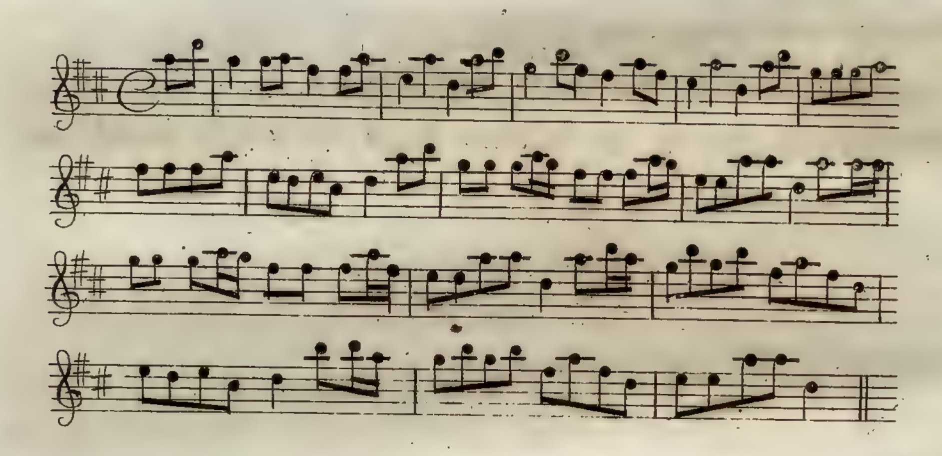
Говорилъ тутъ Иванушка Годиновичь:
„А и гой вы еси, дружина хорабрая!
Ихъ-то Царей не бьютъ, не казнятъ,
Не бьютъ, не казнятъ и не вѣшаютъ:
Повезите его ко городу ко Кіеву,
Ко Великому Князю Владиміру.“
А и тутъ три высылки всѣ сбиралися,
Нарядили Царя въ платье цвѣтное,
Повезли его до Князя Владиміра.
И будутъ въ городѣ Кіевѣ,
Разсказали тутъ удалы добры молодцы
Великому Князю Владиміру
Про Царя Афромея Афромеевича;
И Владиміръ Князь со Княгинею
Встрѣчаетъ его честно, хвально и радошно,
Посадилъ его за столы дубовые, —
Тутъ у Князя столъ пошелъ
Для Царя Афромея Афромеевича. —
Молодой Иванушка Годиновичь,
Остался онъ во бѣломъ шатрѣ,
Сталъ онъ, Иванъ, жену свою учить,
Онъ душку Настасью Дмитревну:
Онъ перво ученье, то руку отсѣкъ ей,
Самъ приговариваетъ:

„Эта мнѣ рука ненадобна,
Трепала она рука Афромея Царя."
А вторую ученье, ноги ей отсѣкъ:
„А и та-де нога мнѣ ненадобна,
Оплеталася со Царемъ Афромеемъ невѣрныимъ."
А третье ей ученье, губы ей обрѣзалъ и съ носомъ прочь:
„А и эти губы мнѣ ненадобны,
Цѣловали они Царя невѣрнаго."
Четверто ученье, голову ей отсѣкъ и съ языкомъ прочь:
„Эта голова мнѣ ненадобна,
И этотъ языкъ мнѣ ненадобенъ,
Говорилъ со Царемъ невѣрныимъ,
И здавался на его слова прелестныя."
Втапоры Иванъ Годиновичь
Поѣхалъ ко стольному городу Кіеву,
Ко ласкову Князю Владиміру; —
И будетъ въ городѣ Кіевѣ,
Благодаритъ Князя Владиміра
За велику милость, что женилъ его
На душкѣ Настасьѣ Дмитревнѣ. —
Втапоры его Князь спрашивалъ:
„Гдѣ же твоя молодая жена?"
Втапоры Иванъ о женѣ своей сказалъ,
Что хотѣла съ Вахромеемъ Царемъ

Въ шатрѣ убить его,
За что ей поученье далъ, голову срубилъ. —
Втапоры Князь веселъ сталъ,
Что отпускалъ Вахромея Царя, своего подданника,
Въ его землю Загорскую. —
Только его увидѣли,
Что обернется гнѣдымъ туромъ,
Поскакалъ далече во чисто поле къ силѣ своей. —

XVI.

ГОРДЕЙ БЛУДОВИЧЪ.



Въ стольномъ было городѣ во Кіевѣ,
У ласкова, Осударь, Князя Владиміра,
Было пированье, почестной пиръ,
Было столованье, почестной столъ, —
Много было у Князя Владиміра
И Князей и бояръ и Княженецкихъ женъ,
Пригодились тутъ на пиру двѣ честныя вдовы:
Первая вдова Часовая жена,
А другая вдова Блудова жена, —
Обѣ жены богатыя,

Богатыя жены дворянскія.
Промежу собой сидятъ, за прохладъ говорятъ,
Что взговоритъ тутъ Блудова жена:
„Гой еси ты, Авдотья, Чесовая жена!
Есть у тебя девять сыновей,
А девять сыновей, какъ ясныхъ соколовъ,
И есть у тебя дочь возлюбленна
Молода Авдотья Чесовична,
Та вѣдь дѣвица какъ лебедь бѣлая,—
А у меня у вдовы Блудовы жены
Единъ есть сынъ Горденъ, какъ ясенъ соколъ,
Многіе пожитки остались ему
Отъ своего родимаго батюшки;
Нонѣ, за прохладъ, за чужимъ пиркомъ,
Молвимъ словечко о добромъ дѣлѣ — о сватанье,
Я хощю у тебя свататься
За молода Гордена Блудовича
Дочь твою возлюбленну Авдотью Чесовичну.“
Втапоры Адотья Чесова жена осердилася,
Била ее по щекѣ, таскала по полу кирпищету,
И при всемъ народѣ, при бесѣдѣ, вдову опозорила,
И весь народъ тому смѣялися.
Исправилась она Авдотья Блудова жена,

Скоро пошла ко двору своему;
А идетъ ко двору, шатается,
Сама больно закручинилася —
И завидѣлъ Горденъ сынъ Блудовичь,
Скоро онъ метался съ высока терема,
Встрѣчалъ за воротами ее,
Поклонился матушкѣ въ праву ногу:
„Гой еси матушка!
Что ты, сударыня, идешъ закручинилася?
Али мѣсто тебѣ было не по отчинѣ?
Али чарой зеленымъ виномъ обносили тебя?“
Жалобу приноситъ матера вдова
Авдотья Блудова жена,
Жалобу приноситъ своему сыну Гордену Блудовичу:
„Была я на честномъ пиру
У Великаго Князя Владиміра;
Сидѣли мы съ Авдотьей Чесовой женой,
За прохладъ съ нею рѣчи говорили
О добромъ дѣлѣ — о сватанье,
Сваталась я на ея любимой на дочери
Авдотьѣ Чесовичнѣ
За тебя сына Гордена Блудовича;
Тѣ ей мои рѣчи не взлюбилися,

Била меня по щекѣ и таскала по полу кирпищетому;
И при всемъ народѣ, на пиру, обезчестила."
Молодой Горденъ сынъ Блудовичь
Уклалъ спать свою родимую матушку;
Втапоры она была пьяная,
И пошелъ онъ на дворъ къ Чесовой женѣ, —
Сжималъ песку горсть цѣлую —
И будетъ противъ высокаго терема,
Гдѣ сидитъ молода Авдотья Чесовична,
Бросилъ онъ по высокомъ терему —
Полтерема сшибъ, виноградъ подавилъ.
Втапоры Авдотья Чесовична
Бросилась будто бѣшеная изъ высокаго терема,
Середи двора она бѣжитъ, ничего не говоритъ,
Пропустя она Гордена, сына Блудовича,
Побѣжала къ своей родимой матушкѣ
Жаловатися на Княженецкой пиръ.
Втапоры пошелъ Горденъ на Княженецкой дворъ,
Ко Великому Князю Владиміру,
Разсматривать вдову Чесову жену, —
Та вдова Чесова жена у Великаго Князя
Сидѣла на пиру за убраными столы.
И тутъ молодой Горденъ выходилъ назадъ;

Выходилъ онъ на широкой дворъ, —
Вдовины ребята съ нимъ заздорили,
А и только не всѣ они пригодилися,
Пригодилось ихъ тутъ только пять человѣкъ,
Взяли Гордена пощипывати,
Надеючи на свою родимую матушку;
Молодой Горденъ имъ взмолится:
„Не троните меня, молодцы!
А меня вамъ убить, не корысть получить.“
А они тому не вѣруютъ ему,
Опять приступили къ нему,
И онъ отбивался и метался отъ нихъ,
И прибилъ всѣхъ тутъ до единаго.
Втапоры донесли, народъ Кіевской,
Честной вдовѣ Чесовой женѣ,
Что молодой Горденъ Блудовичь
Учинилъ драку великую,
Убилъ твоихъ дѣтей до смерти.
И посылала она Чесова жена
Любимыхъ своихъ четырехъ сыновей
Ко тому Гордену Блудовичу,
Чтобъ онъ отъ того не убрался домой,
Убить бы его до смерти;
И настигли его на широкой улицѣ,

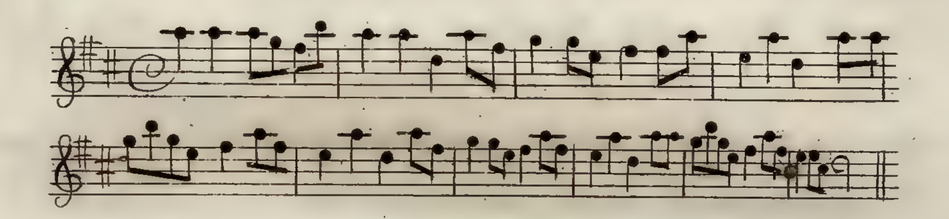
Тутъ обошли вкругъ его,
Ничего съ нимъ не говорили—
И только одинъ хотѣлъ было ударить по уху,
Да неудалось ему,
Горденъ вертокъ былъ,
Того онъ ударилъ о землю,
И ушибъ его до смерти,—
Другой подвернется, и того ушибъ,—
Третій и четвертой кинулися къ нему,
И тѣхъ всѣхъ прибилъ до смерти.
Пошелъ онъ Горденъ къ Авдотьѣ Чесовичнѣ,
Взялъ ее за бѣлы руки
И повелъ ко Божьей церкви;
Съ вечернями обручается,
Обручился и обвѣнчался съ ней, и домой пошелъ.
По утру Горденъ столъ собралъ,
Столъ собралъ и гостей позвалъ,
Позвалъ тутъ Князя со Княгинею
И молоду свою тещу Авдотью Чесовую жену.
Втапоры было честна вдова Чесовая жена
Загординилася, не хотѣла было идти
Въ домъ къ зятю своему;
Тутъ Владиміръ Князь стольной Кіевской
И со Княгинею стали ее уговаривати,

Чтобы она на то больше не кручинилася,
Не кручинилася и не гнѣвалася, —
И она тутъ ихъ послушала,
Пришла къ зятю на веселой пиръ,
Стали пити, ясти, прохлаждатися.

———

XVII.

ЧУРИЛА ПЛЕНКОВИЧЪ.



Во стольномъ въ городѣ во Кіевѣ,
У ласкова, Осударь, Князя Владиміра,
Было пированіе, почестной пиръ,
Было столованіе, почестной столъ
На многи Князи и бояра
И на Рускіе могучіе богатыри;
Будетъ день въ половина дня,
А и будетъ столъ во полу столѣ,
Князь Владиміръ разпотѣшился, —
А незнаемы люди къ нему появилися:
Есть молодцовъ за сто человѣкъ,
Есть молодцовъ за другое сто,
Есть молодцовъ за третье сто —
Всѣ они избиты, изранены,

Булавами буйны головы пробиваны,
Кушаками головы завязаны;
Бьюшъ челомъ, жалобу шворяшъ:
„Свѣшъ, Государь, шы Владимiръ Князь!
Ѣздили мы по полю по чистому,
Сверхъ шоя рѣки Череги,
На швоемъ Государевомъ займищѣ,
Ничего мы въ полѣ не наѣзживали,
Не наѣзживали звѣря прыскучаго,
Не видали пшицы перелешныя,—
Только наѣхали во чисшомъ полѣ
Есшь молодцовъ за шриста и за пять сошъ:
Жеребцы подъ ними Лашинскiе,
Кафшанцы на нихъ камчашные,
Однорядочки-шо голубъ скурлашъ,
А и колпачки—золошы плаши;
Они соболи, куницы повыловили,
И Печерски лисицы повыгнали,
Туры, олени выстрѣлили,
И насъ избили, изранили —
А шебѣ, Осударь, добыча нѣшъ —
А опъ васъ, Осударь, жалованья нѣшъ,
Дѣши, жены осирошѣли,
Пошли по мiру скишашися.“

А Владиміръ Князь стольной Кіевской,
Пьетъ онъ, ѣстъ, прохлаждается,
Ихъ челобитья не слушаетъ;
А и та толпа со двора не сошла,
А иная толпа появилася:
Есть молодцовъ за триста,
Есть молодцовъ за пять сотъ, —
Пришли охотники рыболовые,
Всѣ избиты, изранены,
Булавами буйны головы пробиваны,
Кушаками головы завязаны;
Бьютъ челомъ, жалобу творятъ:
„Свѣтъ, Государь, ты Владиміръ Князь!
Ѣздили мы по рѣкамъ, по озерамъ,
На твои щаски Княженецкія
Ничего не поимавали, —
Нашли мы людей: есть молодцовъ
За триста и за пять сотъ,
Всю они бѣлую-рыбицу повыловили,
Щуки, караси повыловилижъ
И мѣлкую рыбицу повыдавили,
Намъ въ томъ, Государь, добычи нѣтъ —
Тебѣ, Государю, приносу нѣтъ —
Отъ васъ, Государь, жалованья нѣтъ,

Дѣти, жены осиротѣли,
Пошли по міру скитатися,
И насъ избили изранили."
Владиміръ Князь стольной Кіевской
Пьетъ, ѣстъ, прохлаждается,
Ихъ челобитья не слушаетъ;
А и тѣ толпы со двора не сошли,
Двѣ толпы вдругъ пришли:
Первая толпа молодцы сокольники,
Другіе молодцы кречетники, —
И всѣ они избиты, изранены,
Булавами буйны головы пробиваны,
Кушаками головы завязаны;
Бьютъ челомъ, жалобу творятъ:
„Свѣтъ, Государь, Владиміръ Князь!
Ѣздили мы по полю чистому,
Сверьхъ тоя Череги,
По твоемъ Государевомъ займищу,
На тѣхъ на потѣшныхъ островахъ,
На твои щатки Княженецкія
Ничего не поимывали, не видали
Сокола и кречета перелетнаго, —
Только наѣхали мы молодцовъ
За тысячу человѣкъ;

Всѣхъ они ясныхъ соколовъ повыхватали,
И бѣлыхъ кречетовъ повыловили,
А насъ избили, изранили;
Называются дружиною Чуриловою.“
Тутъ Владиміръ Князь за то слово спохватится:
„Кто это Чурила есть таковъ?“
Выступался тута старой Бермята Васильевичь:
„Я-де, Осударь, про Чурилу давно вѣдаю,
Чурила живетъ не въ Кіевѣ,
А живетъ онъ пониже малаго Кіевца.
Дворъ у него на семи верстахъ,
Около двора желѣзной тынъ,
На всякой тынинкѣ по маковкѣ,
А и есть по жемчужинкѣ, —
Середи двора свѣтлицы стоятъ,
Гридни бѣлодубовыя
Покрыты сѣдымъ бобромъ,
Потолокъ черныхъ соболей,
Матица-то валженая,
Полъ, середа одного серебра,
Крюки да пробои по булату злачены.
Первые у него ворота вальящатые,
Другіе ворота хрустальные,

Третьи ворота оловянные.“
Втапоры Владиміръ Князь и со Княгинею
Скоро онъ снаряжается,
Скоря того поѣздку чинятъ;
Взялъ съ собою Князей и бояръ
И могучихъ богатырей Добрыню Никитича
И стараго Бермяту Васильевича, —
Тутъ ихъ собралось пять сотъ человѣкъ,
И поѣхали къ Чурилѣ Пленковичу.
И будутъ у двора его,
Встрѣчаетъ ихъ старой Пленъ,
Для Князя и Княгини
Отворяетъ ворота вальящатые,
А Князямъ и боярамъ хрустальные,
Простымъ людямъ ворота оловянные;
И наѣхало ихъ полонъ дворъ.
Старой Пленка Сароженинъ
Приступилъ ко Князю Владиміру
И ко Княгинѣ Апраксѣевнѣ,
Повелъ ихъ во свѣтлы гридни,
Сажалъ за убранные столы, въ мѣсто почестное;
Принималъ, сажалъ Князей и бояръ
И могучихъ Рускихъ богатырей.
Втапоры были повары догадливые,

Носили яства сахарныя и питья медвяныя,
А питья все заморскія,
Чѣмъ бы Князя развеселить, —
Веселая бесѣда, на радости день.
Князь со Княгинею веселъ сидитъ,
Посмотрѣлъ въ окошечко косящатое
И увидѣлъ въ полѣ толпу людей,
Говорилъ таково слово:
„По грѣхамъ надо мною Княземъ учинилося,
Князя меня въ домѣ не случилося,
Ѣдетъ ко мнѣ Король изъ Орды,
Или какой грозенъ Посолъ.“
Старой Пленка Сароженинъ
Лишъ только усмѣхается, самъ подчиваетъ:
„Изволь ты, Осударь, Владиміръ Князь со Княгинею
И со всѣми своими Князи и бояры кушати,
Что-де ѣдетъ не Король изъ Орды
И не грозенъ Посолъ,
Ѣдетъ-де дружина хорабрая сына моего,
Молода Чурилы сына Пленковича;
А какъ онъ, Осударь, будетъ предъ тобоюжъ,
Будетъ пиръ во полу пирѣ
Будетъ столъ во полу столѣ.“

Пьютъ они, ѣдятъ, потѣшаются, —
Всѣ уже они безъ памяти сидятъ. —
А и на дворѣ день вечеряется,
Красное солнышко закатается,
Толпа въ полѣ сбирается,
Есть молодцовъ ихъ за пять сотъ,
Есть и до тысячи;
Ѣдетъ Чурила ко двору своему,
Передъ нимъ несутъ подсолнечникъ,
Чтобъ не запекло солнце бѣла его лица.
И пріѣхалъ Чурила ко двору своему,
Перво его скороходъ прибѣжалъ,
Заглянулъ скороходъ на широкой дворъ,
А и некуда Чурилѣ на дворъ ѣхати
И стоятъ со своимъ промысломъ;
Поѣхали они на свой окольной дворъ,
Тамъ они становилися и совсѣмъ убиралися.
Втапоры Чурила догадливъ былъ,
Беретъ золоты ключи,
Пошелъ во подвалы глубокіе,
Взялъ онъ золоту казну:
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Другую сорокъ Печерскихъ лисицъ,
И бралъ же камку бѣлохрущату,

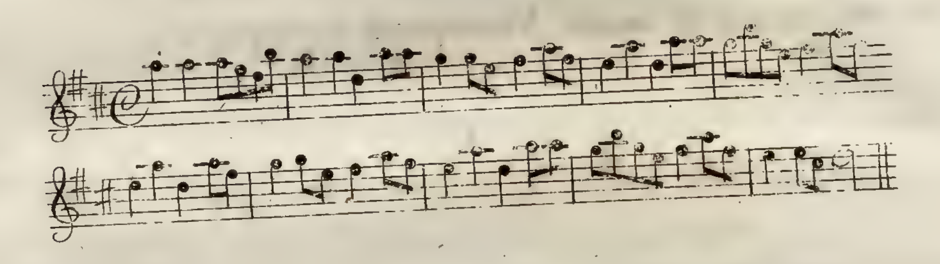
А цѣна камкѣ сто тысячей,
Принесъ онъ ко Князю Владиміру,
Клалъ передъ нимъ на убранной столъ.
Втапоры Владиміръ Князь стольной Кіевской
Больно со Княгинею возрадовалися,
Говорилъ ему таково слово:
„Гой еси ты, Чурила Пленковичь!
Не подобаетъ тебѣ въ деревнѣ жить,
Подобаетъ тебѣ, Чурилѣ, въ Кіевѣ жить, Князю служить.“
Втапоры Чурила Князя Владиміра не ослушался,
Приказалъ тотчасъ коня осѣдлать,
И поѣхали они всѣ въ тотъ стольной Кіевъ градъ.
Ко ласкову Князю Владиміру —
Въ добромъ здоровье ихъ Богъ перенесъ. —
А и будутъ на дворѣ Княженецкіимъ,
Скочили они со добрыхъ коней,
Пошли во свѣтлицы гридни,
Садилися за убранные столы.
Посылаетъ Владиміръ стольной Кіевской
Молода Чурила Пленковича
Князей и бояръ звать въ гости къ себѣ,
А званаго приказалъ брать со всякаго по десяти рублевъ.

Обходилъ онъ Чурила Князей и бояръ
И собралъ ко Князю на почестной пиръ.
А и зайдетъ онъ Чурила Пленковичь
Въ домъ ко старому Бермятѣ Васильевичу,
Ко его молодой женѣ, къ той Катеринѣ прекрасной,
И тутъ онъ позамѣшкался; —
Ожидаетъ его Владиміръ Князь,
Что долго замѣшкался.
И мало время поизойдучи
Пришелъ Чурила Пленковичь;
Втапоры Владиміръ Князь ни во что положилъ —
Чурила пришелъ и столъ пошелъ,
Стали пити, ясти, прохлаждатися,
Всѣ Князи и бояра до пьяна напивалися
Для новаго стольника Чурилы Пленковича,
Всѣ они напивалися и домой разъѣзжалися.
По утру рано ранешенько,
Рано зазвонили ко заутрени,
Князи и бояра пошли къ заутрени;
Въ тотъ день выпадала пороха снѣгу бѣлаго
И нашли они свѣжій слѣдъ,
Сами они дивуются:
Либо зайка скакалъ, либо бѣлъ горностай;

А иные тутъ усмѣхаются, сами говорятъ:
Знать это не зайка скакалъ, не бѣлъ горно-
стай,
Это шелъ Чурила Пленковичь
Къ старому Бермятѣ Васильевичу,
Къ его молодой женѣ Катеринѣ прекрасныя.

XVIII.

ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВЪ МОЛИТЬСЯ ѢЗДИЛЪ.



Подъ славнымъ, великимъ Новымъ-городомъ,
По славному озеру по Ильменю
Плаваетъ, поплаваетъ сѣръ селезень,
Какъ бы ярой гоголь поныриваетъ;
А плаваетъ, поплаваетъ червленъ корабль
Какъ бы молода Василья Буславьевича,
А и молода Василья, со его дружиною хораброю,
Тридцать удалыхъ молодцовъ:
Костя Никитинъ корму держитъ,
Маленькой Потаня на носу стоитъ,
А Василій-то по кораблю похаживаетъ,
Таковы слова поговариваетъ:
„Свѣтъ, моя дружина хорабрая,
Тридцать удалыхъ добрыхъ молодцовъ!

Ставьте корабль поперегъ Ильменя,
Приставайте, молодцы, ко Новугороду."
А и тычками къ берегу притыкалися,
Сходни бросали на крутой бережокъ,
Походилъ тутъ Василій ко своему онъ двору дворянскому,
И за нимъ идетъ дружинушка хорабрая;
Только караулы оставили.
Приходитъ Василій Буслаевичь
Ко своему двору дворянскому,
Ко своей сударынѣ матушкѣ,
Матерой вдовѣ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ,
Какъ вьюнъ около ее убивается,
Проситъ благословеніе великое:
„А свѣтъ ты, моя сударыня матушка,
Матера вдова Амелѳа Тимоѳеевна!
Дай мнѣ благословеніе великое,
Идти мнѣ Василью въ Ерусалимъ градъ,
Со всею дружиною хороброю,
Мнѣ-ко Господу помолитися,
Святой святынѣ приложитися,
Во Ерданѣ рѣкѣ искупатися."
Что взговоритъ матера вдова,
Матера Амелѳа Тимоѳеевна:

„Гой еси ты, мое чадо милое,
Молодой Василій Буслаевичь!
То коли ты пойдешъ на добрыя дѣла,
Тебѣ дамъ благословеніе великое;
То коли ты, дитя, на разбой пойдешъ,
И не дамъ благословенія великаго,
А и не носи Василья сыра земля."
Камень отъ огня разгорается,
А булатъ отъ жару растопляется,
Материно сердце распущается;
И даетъ она много свинцу, пороху,
И даетъ Василью запасы хлѣбные,
И даетъ оружье долгомѣрное:
„Побереги ты, Василій, буйну голову свою."
Скоро молодцы собираются,
И съ матерой вдовой прощаются.
Походили они на червленъ корабль,
Подымали тонки парусы полотняные,
Побѣжали по озеру Ильменю;
Бѣгутъ они ужь сутки другія,
А бѣгутъ уже недѣлю другую,—
Встрѣчу имъ гости корабельщики:
„Здравствуй Василій Буслаевичь!
Куда молодецъ поизволилъ погулять?"

Отвѣчаетъ Василій Буслаевичъ:
„Гой еси вы, гости корабельщики!
А мое-то вѣдь гулянье неохотное:
Съ молоду бито много, граблено,
Подъ старость надо душа спасти;
А скажите вы, молодцы, мнѣ прямаго путя
Ко святому граду Іерусалиму."
Отвѣчаютъ ему гости корабельщики:
„А и гой еси, Василій Буслаевичъ!
Прямымъ путемъ въ Іерусалимъ градъ
Бѣжать семь недѣль,
А окольной дорогой полтора года. —
На славномъ морѣ Каспійскіимъ,
На томъ острову на Куминскіимъ,
Стоитъ застава крѣпкая,
Стоятъ Атаманы козачіе,
Не много, ни мало ихъ — три тысячи;
Грабятъ бусы, галеры,
Разбиваютъ червлены корабли."
Говоритъ тутъ Василій Буслаевичъ:
„А не вѣрую я, Васинька, ни въ сонъ, ни въ чохъ,
А и вѣрую въ свой червленой вязъ;
А бѣгите-ко, ребята, вы прямымъ путемъ."
И завидѣлъ Василій гору высокую,

Приставалъ скоро ко круту берегу,
Походилъ Василій сынъ Буслаевичь
На ту ли гору Сорочинскую,
А за нимъ летитъ дружина хорабрая.
Будетъ Василій въ полу-горѣ;
Тутъ лежитъ пуста голова,
Пуста голова, человѣчья кость,
Пнулъ Василій тое голову съ дороги прочь;
Провѣщится пуста голова человѣческая:
„Гой еси Василій Буславьевичь!
Ты къ чему меня, голову, побрасываешъ?
Я, молодецъ, не хуже тебя былъ;
Умѣю я, молодецъ, валятися, —
А на той горѣ Сорочинскія,
Гдѣ лежитъ пуста голова,
Пуста голова молодецкая,
И лежать будетъ головѣ Васильевой.“
Плюнулъ Василій, прочь пошелъ:
„Али, голова, въ тебѣ врагъ говоритъ,
Или нечистой духъ.“
Пошелъ на гору высокую, —
На самой сопкѣ тутъ камень стоитъ,
Въ вышину три сажени печатныя,
А и черезъ его только топоръ подать,

Въ долину три аршина съ четвертью;
И въ томъ-то подпись подписана:
А кто-де у каменя станетъ тѣшиться,
А и тѣшиться, забавлятися,
Вдоль скакать по каменю,
Сломитъ будетъ буйну голову.
Василій тому не вѣруетъ,
Приходилъ со дружиною хораброю;
Стали молодцы забавлятися,
Поперегъ того каменю поскакивати,
А вдоль-то его не смѣютъ скакать.
Пошли со горы Сорочинскія,
Сходятъ они на червленъ корабль,
Подымали тонки парусы полотняны,
Побѣжали по морю Каспійскому
На ту на заставу корабельную,
Гдѣ-то стоятъ козаки разбойники,
А стары Атаманы козачіе;
На пристани ихъ стоятъ сто человѣкъ.
А и молодой Василій на пристань сталъ;
Сходни бросали на крутъ бережокъ,—
И скочилъ-то Буслай на крутъ бережокъ,
Червленымъ вязомъ подпирается.
Тутъ караульщики, удалы добры молодцы,

Всѣ на караулѣ испугалися;
Много его не дожидаются,
Побѣжали съ пристани корабельныя
Къ тѣмъ Атаманамъ козачіимъ.
Атаманы сидятъ, не дивуются,
Сами говорятъ таково слово:
„Стоимъ мы на острову тридцать лѣтъ,
Не видали страху великаго,
Это-де идетъ Василій Буславьевичь;
Знать-де полетка соколиная,
Видѣть-де поступка молодецкая.“ —
Пошагалъ-то Василій со дружиною,
Гдѣ стоятъ Атаманы козачіе;
Пришли они, стали во единой кругъ.
Тутъ Василій имъ поклоняется,
Самъ говоритъ таково слово:
„Вздравствуйте, Атаманы козачіе!
А скажите вы мнѣ прямаго пути
Ко святому граду Іерусалиму.“
Говорятъ Атаманы козачіе:
„Гой еси Василій Буслаевичь!
Милости тебя просимъ за единой столъ хлѣба кушати.“
Втапоры Василій неослушался,

Садился съ ними за единой столъ;
Наливали ему чару зелена вина въ полтора ведра,
Принимаетъ Василій единой рукой
И выпилъ чару единымъ духомъ,
И только Атаманы тому дивуются,
А сами не могутъ и по полу ведру пить. —
И хлѣба съ солью откушали,
Сбирается Василій Буслаевичь
На свой червленъ корабль;
Даютъ ему Атаманы козачіе подарки свои:
Первую мису чиста серебра,
И другую красна золота,
Третью скатнаго жемчуга.
За то Василій благодаритъ и кланяется,
Проситъ у нихъ до Ерусалима провожатаго.
Тутъ Атаманы Василью не отказывали,
Дали ему молодца провожатаго,
И сами съ нимъ прощалися.
Собрался Василій на свой червленъ корабль
Со своею дружиною хороброю;
Подымали тонки парусы полотняные,
Побѣжали по морю Каспійскому. —
Будутъ они во Ердань рѣкѣ,
Бросали якори крѣпкіе,

Сходни бросали на крутъ бережокъ,
Походилъ тутъ Василій Буслаевичь,
Со своею дружиною хораброю,
Въ Іерусалимъ градъ;
Пришелъ во церкву соборную;
Служилъ обѣдни за здравіе матушки
И за себя Василья Буславьевича;
И обѣдню съ панихидою служилъ
По родимомъ своемъ батюшкѣ
И по всему роду своему;
На другой день служилъ обѣдни съ молебнами
Про удалыхъ добрыхъ молодцовъ,
Что съ молоду бито много, граблено.
И ко святой святынѣ приложился онъ,
И въ Ерданѣ рѣкѣ искупался.
И расплатился Василій съ попами и съ дьяконами;
И которые старцы при церкви живутъ,
Даетъ золотой казны не считаючи.
И походитъ Василій ко дружинѣ
Изъ Ерусалима на свой червленъ корабль;
Втапоры его дружина хорабрая
Купалися во Ерданѣ рѣкѣ,
Приходила къ нимъ баба залѣсная,
Говорила таково слово:

„Почто вы купаетесь во Ердане рѣкѣ?
А не кому купатися, опричь Василья Буславьевича.—
Во Ердане рѣкѣ крестился самъ Господь Іисусъ Христосъ;
Потерять его вамъ будетъ большаго
Атамана Василья Буслаевича."
И они говорятъ таково слово:
„Нашъ Василій тому не вѣруетъ ни въ сонъ, ни въ чохъ."
И мало время поизойдучи,
Пришелъ Василій ко дружинѣ своей,
Приказалъ выводить корабль
Изъ устья Ердань рѣки;
Подняли тонки парусы полотняны,
Побѣжали по морю Каспійскому,
Приставали у острова Куминскаго.
Приходили тутъ Атаманы козачіе,
И стоятъ всѣ на пристани корабельныя;
А и выскочилъ Василій Буслаевичь
Изъ своего червленаго корабля,
Поклонились ему Атаманы козачіе:
„Здравствуй Василій Буслаевичь!
Здорово ли съѣздилъ въ Ерусалимъ градъ?"
Много Василій не баитъ съ ними,

Подалъ письмо въ руку имъ,
Что много трудовъ за ихъ положилъ,
Служилъ обѣдни съ молебнами за ихъ молодцовъ.
Втапоры Атаманы козачіе
Звали Василья обѣдати,
И онъ не пошелъ къ нимъ;
Прощался со всѣми тѣми Атаманы козачими,
Подымали тонки парусы полотняные,
Побѣжали по морю Каспійскому къ Новугороду.
А и ѣдутъ недѣлю спoряду,
А и ѣдутъ уже другую;
И завидѣлъ Василій гору высокую Сорочинскую,
Захотѣлось Василью на горѣ побывать, —
Приставали къ той Сорочинской горѣ,
Сходни бросали на ту гсру.
Пошелъ Василій со дружиною
И будетъ онъ въ полъ-горы,
И на пути лежитъ пуста голова, человѣчья кость,
Пнулъ Василій тое голову съ дороги прочь;
Провѣщится пуста голова:
„Гой еси ты, Василій Буслаевичь!
Къ чему меня голову попинываешъ,
И къ чему побрасываешъ?
Я, молодецъ, не хуже тебя былъ,

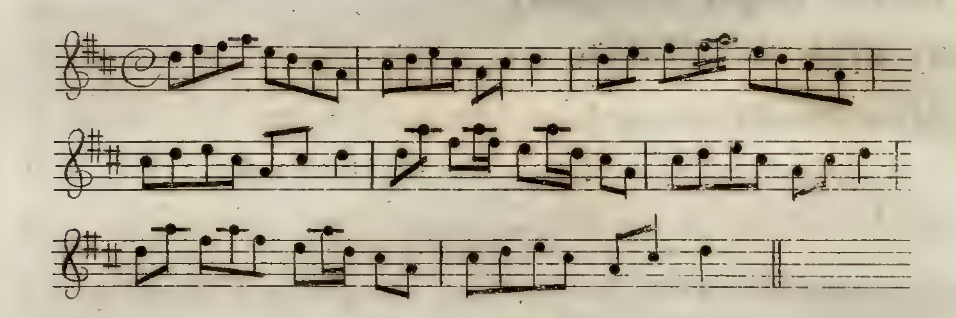
Да умѣю валятися на той горѣ Сорочинскія;
Гдѣ лежитъ пуста голова,
Лежать будетъ и Васильевой головѣ."
Плюнулъ Василій, прочь пошелъ.
Взошелъ на гору высокую,
На ту гору Сорочинскую,
Гдѣ стоитъ высокой камень,
Въ вышину три сажени печатныя,
И черезъ его только топоромъ подать,
Въ долину три аршина съ четвертью;
И въ томъ-то подпись подписана:
А кто-де у каменя станетъ тѣшиться,
А и тѣшиться, забавлятися,
Вдоль скакать по каменю,
Сломитъ будетъ буйну голову.
Василій тому не вѣруетъ;
Сталъ со дружиною тѣшиться и забавлятися,
Поперегъ каменю поскакивати;
Захотѣлось Василью вдоль скакать,
Разбѣжался, скочилъ вдоль по каменю,
И не доскочилъ только четверти,
И тутъ убился подъ каменемъ.
Гдѣ лежитъ пуста голова,
Тамъ Василья схоронили.

Побѣжала дружина съ той Сорочинской горы
На свой червленъ корабль,
Подымали тонки парусы полотняные,
Побѣжали ко Новугороду;
И будутъ у Новагорода,
Бросали съ носу якорь и съ кормы другой,
Чтобы крѣпко стоялъ и не шатался онъ.
Пошли къ матерой вдовѣ къ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ,
Пришли и поклонилися,
Всѣ письмо въ руки подали,
Прочитала письмо матера вдова, сама заплакала,
Говорила таковы слова:
„Гой вы еси, удалы добры молодцы!
У меня нынѣ вамъ дѣлать нечего;
Подите въ подвалы глубокіе,
Берите золотой казны не считаючи.
Повела ихъ дѣвушка чернавушка
Къ тѣмъ подваламъ глубокіимъ,
Брали они казны по малу числу;
Пришли они къ матерой вдовѣ,
Взговорили таковы слова:
„Спасибо, матушка Амелѳа Тимоѳеевна!
Что поила, кормила, обувала и одѣвала добрыхъ молодцовъ.“

Втапоры матера вдова Амелѳа Тимоѳеевна
Приказала наливать по чарѣ зелена вина,
Подноситъ дѣвушка чернавушка
Тѣмъ удалымъ добрымъ молодцамъ;
А и выпили они, сами поклонилися,
И пошли добры молодцы,
Кому куда захотѣлося.

XIX.

АЛЁША ПОПОВИЧЪ.



Изъ славнаго Ростова, красна города,
Какъ два ясные соколы вылетывали,
Выѣзжали два могучіе богатыря,
Что по имени Алёшинька Поповичь младъ
А со молодомъ Екимомъ Ивановичемъ.
Они ѣздятъ богатыри плечо о плечо,
Стремяно въ стремяно богатырское,
Они ѣздили, гуляли по чисту полю,
Ничего они въ чистомъ полѣ не наѣзживали,
Не видали птицы перелетныя,
Не видали они звѣря прыскучаго, —
Только въ чистомъ полѣ наѣхали

Лежатъ при дороги широкія,
Промежу тѣхъ дорогъ лежитъ горючь камень,
А на камени подпись подписана.
Взговоритъ Алёша Поповичь младъ:
„А и ты, братецъ, Екимъ Ивановичь!
Въ грамотѣ поученой человѣкъ —
Посмотри на каменю подписи,
Что на каменю подписано."
И скочилъ Екимъ со добра коня
Посмотрѣлъ на каменю подписи,
Росписаны дороги широкія:
Первая дорога въ Муромъ лежитъ,
Другая дорога въ Черниговъ градъ,
Третья ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову Князю Владиміру.
Говорилъ тутъ Екимъ Ивановичь:
„А и братецъ, Алёша Поповичь младъ,
Которой дорогой изволишъ ѣхать."
Говорилъ ему Алёша Поповичь младъ:
„Лучше намъ ѣхать ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову Князю Владиміру."
Втапоры поворотили добрыхъ коней
И поѣхали они ко городу ко Кіеву;
Не доѣхавши они до Сафатъ рѣки

Становились на лугахъ на зеленыхъ; —
Надо Алёшѣ покормить добрыхъ коней —
Разставили тутъ два бѣла шатра,
Что изволилъ Алёша опочивъ держать.
А и мало время позамѣшкавши
Молодой Екимъ со добры кони
Стреножимши въ зеленъ лугъ пустилъ,
Самъ ложился въ свой шатеръ, опочивъ держать.
Прошла та ночь осенняя,
Ото сна пробуждается,
Встаетъ рано ранешенько,
Утренней зарею умывается,
Бѣлою ширинкою утирается,
На востокъ онъ Алёша Богу молится.
Молодой Екимъ сынъ Ивановичь
Скоро сходилъ по добрыхъ коней,
А сводилъ ихъ поить на Сафатъ на рѣку —
И приказалъ ему Алёша
Скоро сѣдлать добрыхъ коней;
Осѣдлавши онъ Екимъ добрыхъ коней,
Наряжаются они ѣхать ко городу ко Кіеву, —
Пришелъ тутъ къ нимъ калика перехожій:
Лапатки на немъ семи шелковъ,
Подковырены чистымъ серебромъ,

Личико унизано краснымъ золотомъ,
Шуба соболиная, долгополая,
Шляпа Сорочинская, земли Греческой,
Въ тридцать пудъ шелепуга подорожная,
Въ пятдесять пудъ налита свинцу Чебурацкаго;
Говорилъ таково слово:
„Гой вы еси, удалы добры молодцы!
Видѣлъ я Тугарина Змѣевича:
Въ вышину ли онъ Тугаринъ трехъ сажень,
Промежъ плечей косая сажень,
Промежу глазъ калена стрѣла;
Конь подъ нимъ какъ лютой звѣрь,
Изъ хайлища пламень пышетъ,
Изъ ушей дымъ столбомъ стоитъ.“
Привязался Алёша Поповичь младъ:
„А и ты, братецъ, калика перехожея!
Дай мнѣ платье каличее,
Возми мое богатырское:
Лапотки свои семи шелковъ,
Подковырены чистымъ серебромъ,
Личико унизано краснымъ золотомъ,
Шубу свою соболиную, долгополую,
Шляпу Сорочинскую, земли Греческой,
Въ тридцать пудъ шелепугу подорожную,

Въ пяпдесяпъ пудъ налиппу свинцу Чебурацкаго.“
Даетъ свое плапье калика Алёшѣ Поповичу,
Не опказываючи; а на себя надѣвалъ
То плапье богапырское.
Скоро Алёша каликою наряжаепся —
И взялъ шелепугу дорожную,
Копора была въ пяпдесяпъ пудъ,
И взялъ въ запасъ чингалище булапное,
Пошелъ за Сафапъ рѣку.
Завидѣлъ пупъ Тугаринъ Змѣевичь младъ,
Заревѣлъ зычнымъ голосомъ,
Подрогнула дубровушка зеленая,
Алёша Поповичь едва живъ идепъ —
Говорилъ пупъ Тугаринъ Змѣевичь младъ:
„Гой еси, калика перехожея!
А гдѣ пы слыхалъ и гдѣ видалъ
Про млада Алёшу Поповича;
А и я бы Алёшу копьемъ закололъ,
Копьемъ закололъ и огнемъ спалилъ.“
Говорипъ пупъ Алёша каликою:
„А и пы ой еси, Тугаринъ Змѣевичь младъ!
Поѣзжай поближе ко мнѣ,
Не слышу я, чпо пы говоришь.“
И подъѣзжалъ къ нему Тугаринъ Змѣевичь младъ,

Сверстался Алёша Поповичь младъ
Противъ Тугарина Змѣевича,
Хлеснулъ его шелепугою по буйной головѣ,
Разшибъ ему буйну голову —
И упалъ Тугаринъ на сыру землю;
Вскочилъ ему Алёша на черну грудь.
Втапоры взмолится Тугаринъ Змѣевичь младъ:
„Гой еси ты, калика перехожея!
Не ты ли Алёша Поповичь младъ?
Только ты Алёша Поповичь младъ,
Семъ побратуемся съ тобой.“
Втапоры Алёша врагу не вѣровалъ,
Отрѣзалъ ему голову прочь,
Платье съ него снималъ цвѣтное
На сто тысячей — и все платье на себя надѣвалъ;
Садился на его добра коня,
И поѣхалъ къ своимъ бѣлымъ шатрамъ.
Втапоры увидѣли Екимъ Ивановичь
И калика перехожея,
Испужалися его, сѣли на добрыхъ коней,
Побѣжали ко городу Ростову, —
И постигаетъ ихъ Алёша Поповичь младъ,
Обернется Екимъ Ивановичь,
Онъ выдергивалъ палицу боевую въ тридцать пудъ,

Бросилъ назадъ себѣ,
Показалося ему что Тугаринъ Змѣевичь младъ —
И угодилъ въ груди бѣлыя Алёши Поповича,
Сшибъ изъ сѣделечка Черкесскаго,
И упалъ онъ на сыру землю.
Втапоры Екимъ Ивановичь
Скочилъ со добра коня, сѣлъ на груди ему,
Хочетъ поротъ груди бѣлыя —
И увидѣлъ на немъ золотъ чуденъ крестъ,
Самъ заплакалъ, говорилъ каликѣ перехожему:
„По грѣхамъ надо мною Екимомъ учинилося,
Что убихъ своего братца родимаго."
И стали его оба трясти и качать,
И потомъ подали ему питья заморскаго;
Отъ того онъ здравъ сталъ.
Стали они говорити и между собою платьемъ мѣняти:
Калика свое платье надѣвалъ каличье,
А Алёша свое богатырское,
А Тугарина Змѣевича платье цвѣтное
Клали въ чемоданъ къ себѣ;
Сѣли они на добрыхъ коней
И поѣхали всѣ ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову Князю Владиміру.
А и будутъ они въ городѣ Кіевѣ

На Княженецкомъ дворѣ,
Скочили со добрыхъ коней,
Привязали къ дубовымъ столбамъ,
Пошли во свѣтлы гридни;
Молятся Спасову образу,
И бьютъ челомъ, поклоняются
Князю Владиміру и Княгинѣ Апраксѣевнѣ
И на всѣ четыре стороны;
Говорилъ имъ ласковой Владиміръ Князь:
„Гой вы еси, добры молодцы!
Скажитеся, какъ васъ по имени зовутъ:
А по имени вамъ мочно мѣсто дать,
По изотчеству можно пожаловати."
Говоритъ тутъ Алёша Поповичь младъ:
„Меня, Осударь, зовутъ Алёшою Поповичемъ,
Изъ города Ростова, стараго попа соборнаго."
Втапоры Владиміръ Князь обрадовался,
Говорилъ таковы слова:
„Гой еси, Алёша Поповичь младъ!
По отечеству садися въ большое мѣсто, въ передній уголокъ,
Въ другое мѣсто богатырское,
Въ дубову скамью противъ меня,
Въ третье мѣсто, куда самъ захочь."

Не садился Алёша въ мѣсто большое,
И не садился въ дубову скамью,
Сѣлъ онъ со своими товарищи на полатной брусъ.
Мало время позамѣшкавши
Несутъ Тугарина Змѣевича
На той доскѣ красна золота,
Двенадцать могучихъ богатырей,
Сажали въ мѣсто большое—
И подлѣ его сидѣла Княгиня Апраксѣевна.
Тутъ повары были догадливы
Понесли ѣства сахарныя и питья медвяныя,
А питья все заморскія,
Стали тутъ пить, ѣсть, прохлаждатися;
А Тугаринъ Змѣевичь нечестно хлѣба ѣстъ,
По цѣлой ковригѣ за щеку мечетъ,
Тѣ ковриги монастырскія;
И нечестно Тугаринъ питья пьетъ,
По цѣлой чашѣ охлестываетъ,
Котора чаша въ полтретья ведра;
И говорилъ втапоры Алёша Поповичь младъ:
„Гой еси ты, ласковой сударь, Владимiръ Князь!
Что у тебя за болванъ пришелъ,
Что за дуракъ неотесаной?
Нечестно у Князя за столомъ сидитъ,

Ко Княгинѣ онъ, собака, руки въ пазуху кладетъ,
Цѣлуетъ во уста сахарныя,
Тебѣ Князю насмѣхается;
А у моего, Сударя, батюшки
Была собачища старая,
Насилу по подстолью таскалася,
И костью та сабака подавилася —
Взялъ ее за хвостъ, подъ гору махнулъ;
Отъ меня Тугарину тоже будетъ.“
Тугаринъ почернѣлъ какъ осення ночь,
Алёша Поповичь сталъ какъ свѣтелъ мѣсяцъ;
И опять втапоры повары были догадливы,
Носятъ ѣства сахарныя
И принесли лебедушку бѣлую,
И ту рушала Княгиня лебедь бѣлую,
Обрѣзала рученку лѣвую,
Завернула рукавцомъ, подъ столъ опустила;
Говорила таково слово:
„Гой вы еси, Княгини, боярыни!
Либо мнѣ рѣзать лебедь бѣлую,
Либо смотрѣть на милъ животъ,
На молода Тугарина Змѣевича.“
Онъ взявши Тугаринъ лебедь бѣлую
Всю вдругъ проглотилъ,

Еще тутъ же ковригу монастырскую;
Говоритъ Алёша на полатномъ брусу:
„Гой еси, ласковой Осударь, Владиміръ Князь!
Что у тебя за болванъ сидитъ,
Что за дуракъ неотесаной?
Нечестно за столомъ сидитъ,
Нечестно хлѣба съ солью ѣстъ,
По цѣлой ковригѣ за щеку мечетъ
И цѣлу лебедушку вдругъ проглотилъ;
У моего, сударя, батюшки,
Ѳедора попа Ростовскаго,
Была коровища старая,
Насилу по двору таскалася,
Забилася на поварню къ поварамъ,
Выпила чанъ браги прѣсныя,
Отъ того она лопнула, —
Взялъ за хвостъ, подъ гору махнулъ;
Отъ меня Тугарину тоже будетъ.“
Тугаринъ потемнѣлъ какъ осення ночь,
Выдернулъ чингалище булатное,
Бросилъ въ Алёшу Поповича;
Алёша на то-то вертокъ былъ,
Не могъ Тугаринъ попасть въ него;
Подхватилъ чингалище Екимъ Ивановичь,

Говорилъ Алёшѣ Поповичу:
„Самъ ли ты бросаешъ въ него, али мнѣ велишъ.“
„Нѣтъ, я самъ не бросаю и тебѣ не велю!
Заутра съ нимъ перевѣдаюсь,
Бьюсь я съ нимъ о великъ закладъ,
Не о стѣ рубляхъ, не о тысячѣ,
А бьюсь о своей буйной головѣ.“
Втапоры Князи и бояра
Скочили на рѣзвы ноги,
И всѣ за Тугарина поруки держатъ,
Князи кладутъ по сту рублевъ,
Бояра по пятидесятъ, крестьяне по пяти рублевъ,
Тутъ же случилися гости купеческіе,
Три корабля свои подписываютъ
Подъ Тугарина Змѣевича,
Всяки товары заморскіе,
Которы стоятъ на быстромъ Днѣпрѣ;
А за Алёшу подписывалъ Владыка Черниговской.
Втапоры Тугаринъ и вонъ ушелъ,
Садился на своего добра коня,
Поднялся на бумажныхъ крыльяхъ, подъ небесью летатъ;
Скочила Княгиня Апраксѣевна на рѣзвы ноги,
Стала пѣнять Алёшѣ Поповичу:
„Деревенщина ты, засельщина!

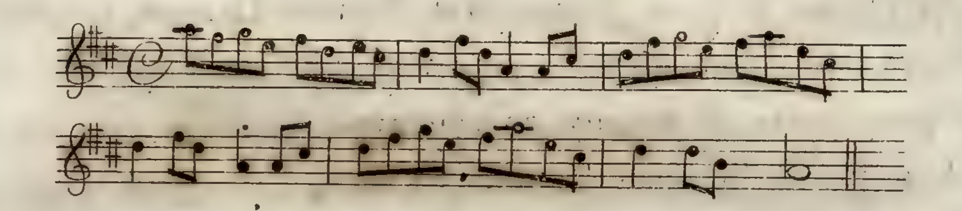
Не далъ посидѣть другу милому."
Втапоры того Алёша не слушался,
Звился съ товарищи и вонъ пошелъ,
Садилися на добры кони,
Поѣхали ко Сафать рѣкѣ,
Поставили бѣлы шатры,
Стали опочивъ держать,
Коней отпустили въ зелены луга.
Тутъ Алёша всю ночь не спалъ,
Молился Богу со слезами:
Создай, Боже! тучу грозную,
А и тучи-то, съ градомъ дождя;
Алёшины молитвы доходны ко Христу,
Даетъ Господь Богъ тучу, съ градомъ дождя,
Замочило Тугарина крылья бумажныя,
Падаетъ Тугаринъ какъ собака на сыру землю.
Приходилъ Екимъ Ивановичъ
Сказалъ Алёшѣ Поповичу,
Что видѣлъ Тугарина на сырой землѣ,—
И скоро Алёша наряжается,
Садился на добра коня,
Взялъ одну сабельку острую
И поѣхалъ къ Тугарину Змѣевичу.
И увидѣлъ Тугаринъ Змѣевичь Алёшу Поповича,

Заревѣлъ зычнымъ голосомъ:
„Гой еси, Алёша Поповичь младъ!
Хошъ ли я тебя огнемъ спалю,
Хошъ ли, Алёша, конемъ стопчу,
Али тебя, Алёшу, копьемъ заколю.“
Говорилъ ему Алёша Поповичь младъ:
„Гой ты еси, Тугаринъ Змѣевичь младъ!
Бился ты со мною о великъ закладъ,
Биться, драться единъ на единъ,
А за тобою нонѣ силы смѣты нѣтъ
На меня Алёшу Поповича.“
Оглянется Тугаринъ назадъ себя,
Втапоры Алёша подскочилъ, ему голову срубилъ —
И пала глава на сыру землю, какъ пивной котелъ.
Алёша скочилъ со добра коня,
Отвязалъ чембуръ отъ добра коня
И прокололъ уши у головы Тугарина Змѣевича,
И привязалъ къ добру коню
И привезъ въ Кіевъ на Княженецкой дворъ,
Бросилъ середи двора Княженецкаго.
И увидѣлъ Алёшу Владиміръ Князь,
Пошелъ во свѣтлы гридни,
Сажалъ за убраны столы,
Тутъ для Алёши и столъ пошелъ.

Сколько время покушавши
Говорилъ Владиміръ Князь:
„Гой еси, Алёша Поповичь младъ!
Часъ ты мнѣ свѣтъ далъ,
Пожалуй ты живи въ Кіевѣ,
Служи мнѣ Князю Владиміру,
До люби тебя пожалую."
Втапоры Алёша Поповичь младъ Князя не ослушался,
Сталъ служить вѣрою и правдою;
А Княгиня говорила Алёшѣ Поповичу:
„Деревенщина ты, засельщина!
Разлучилъ меня съ другомъ милымъ,
Съ молодымъ Змѣемъ Тугаретинымъ."
Отвѣчаетъ Алёша Поповичь младъ:
„А ты гой еси, матушка, Княгиня Апраксѣевна!
Чуть не назвалъ я тебя сукою,
Сукою-то волочайкою." —
То старина, то и дѣянье.

XX.

ДОБРЫНЯ ЧУДЬ ПОКОРИЛЪ.



Въ стольномъ городѣ въ Кіевѣ,
Что у ласкова, сударь, Князя Владиміра,
Было пированье, почестной пиръ,
Было столованье, почестной столъ
На многіе Князи и бояра
И на Рускіе могучіе богатыри;
А и будетъ день въ половину дня,
И будетъ столъ во полу столѣ,
Владиміръ Князь разпотѣшился,
По свѣтлой гриднѣ похаживаетъ,
Черны кудри разчесываетъ,
Таковы слова поговариваетъ:
„Есть ли въ Кіевѣ таковъ человѣкъ,
Изъ сильныхъ могучихъ богатырей,

А кто бы сослужилъ службу дальную,
А и дальну службу, заочную?
Кто бы съѣздилъ въ Орды немирныя
И очистилъ дороги прямоѣзжія
До моего тестя любимаго,
До грозна Короля Этмануйла Этмануйловича,
Вырубилъ Чудь бѣлоглазую,
Прекротилъ Сорочину долгополую,
А и тѣхъ Черкесъ Пятигорскіихъ,
И тѣхъ Калмыковъ съ Татарами,
Чюкши всѣ бы и Алюторы?"
Втапоры большой за меньшаго хоронится,
А отъ меньшаго ему Князю отвѣту нѣтъ.
Изъ того было стола Княженецкаго,
Изъ той скамьи богатырскія
Выступается удалъ доброй молодецъ,
Молодой Добрыня Никитичь младъ:
„Гой еси, сударь, ты мой дядюшка,
Ласково солнце, Владиміръ Князь!
Нѣтъ у тебя въ Кіевѣ охотниковъ
Быть передъ Княземъ невольникомъ;
Я сослужу службу дальную,
Службу дальную, заочную,
Съѣзжу я въ Орды немирныя,

Очищу дороги прямоѣзжія
До твоего тестя любимаго,
До грозна Короля Этмануйла Этмануйловича;
А и вырублю Чюдь бѣлоглазую,
Прекрочу Сорочину долгополую,
А и тѣхъ Черкесъ Пятигорскіихъ,
И тѣхъ Калмыковъ съ Татарами,
Чюкши всѣ и Алюторы.“
Втапоры Владиміръ Князь
Приказалъ наливать чару зелена вина въ полтора ведра
И турій рогъ меду сладкаго въ полтретья ведра,
Подавали Добрынѣ Никитичу, —
Принимаетъ онъ Добрыня единой рукой,
Выпиваетъ молодецъ единымъ духомъ;
И турій рогъ меду сладкаго.
И пошелъ онъ Добрыня Никитичь младъ
Съ Княженецкаго двора ко своей сударынѣ матушкѣ,
Проситъ благословеніе великое:
„Благослови меня матушка,
Матера вдова Афимья Александровна!
Ѣхать въ дальны Орды немирныя,
Дай мнѣ благословеніе на шесть лѣтъ,
Еще въ запасъ на двенадцать лѣтъ.“
Говорила ему матушка:

„На кого покидаешъ ты молоду жену,
Молоду Настасью Никулишну?
За чѣмъ же ты, дитятко, и бралъ за себя?
Что не прошли твои дни свадебные,
Не успѣлъ ты отпразновати радости своей,
Да передъ Княземъ разхвастался въ походъ идтить.“
Говорилъ ей Добрынюшка Никитьевичь:
„А ты гой еси, моя сударыня матушка,
Честна вдова Афимья Александровна!
Что же мнѣ дѣлать и какъ же быть?
Изъ чего же насъ богатырей Князю и жаловати?“
И даетъ ему матушка свое благословеніе великое
На тѣ годы уреченные.
Прощается Добрыня Никитичь младъ
Съ молодой женой, съ душой Настасьей Никулишной,
Самъ молодой женѣ наказываетъ:
„Жди меня, Настасья, шесть лѣтъ,
А естьли бо не дождешься въ шесть лѣтъ,
То жди меня въ двенадцать лѣтъ;
Коли пройдетъ двенадцать лѣтъ,
Хоть за Князя поди, хоть за боярина,
Не ходи только за брата названаго,
За молода Алёшу Поповича.“ —
И поѣхалъ Добрыня Никитичь младъ

Въ славныя Орды немирныя.
А и ѣздитъ Добрыня недѣлю въ нихъ,
Въ тѣхъ Ордахъ немирныихъ,
А и ѣздитъ уже другую,
Рубитъ Чюдь бѣлоглазую,
И тое Сорочину долгополую,
А и тѣхъ Черкесъ Пятигорскіихъ,
А и тѣхъ Калмыкъ съ Татарами,
И Чюкши всѣ и Алюторы —
Всякимъ языкамъ спуску нѣтъ.
Очистилъ дорогу прямоѣзжую.
До его-то тестя любимаго,
До грознаго Короля Этмануйла Этмануйловича.
А втапоры Настасьѣ шесть лѣтъ прошло;
И не мало время замѣшкавши
Прошли ей Никулишнѣ всѣ сполна двенадцать лѣтъ.
А никто уже на Настасьѣ не сватается,
Посватался Владиміръ Князь стольной Кіевской
А за молода Алёшиньку Поповича.
А скоро эта свадьба учинилася,
И скоро ту свадьбу ко вѣнцу повезли.
Втапоры Добрыня ѣдетъ въ Кіевъ градъ;
Старые люди переговариваетъ:
Знать-де полетка соколиная,

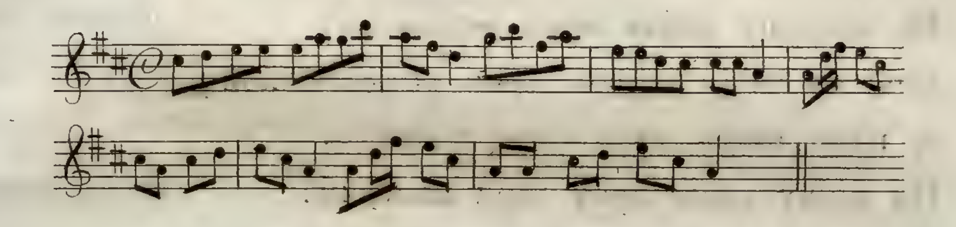
Видѣть и поѣздка молодецкая,
Что быть Добрынѣ Никитичу.
И проѣхалъ молодецъ на вдовій дворъ,
Пріѣхалъ къ ней середи двора,
Скочилъ Добрыня со добра коня,
Привязалъ къ дубову столбу,
Ко тому кольцу булатному.
Матушка его старехонька;
Не кому Добрынюшку встрѣтити —
Походилъ Добрыня во свѣтлу гридню,
Онъ Спасову образу молится,
Матушкѣ своей кланяется:
„А ты здравствуй, сударыня матушка,
Матера вдова Афимья Александровна!
Въ домѣ ли женушка моя?“
Втапоры его матушка заплакала,
Говорила таковы слова:
„Гой еси, мое чадо милое!
А твоя-ли жена за мужъ пошла,
За молода Алешу Поповича;
Нынѣ они у вѣнца стоятъ.“
И походитъ онъ Добрыня Никитичь младъ
Ко Великому Князю появитися.
Втапоры Владиміръ Князь съ тою свадьбою

Пріѣхалъ отъ церкви на свой Княженецкой дворъ,
Пошли во свѣтлы гридни,
Садилися за убраные столы;
Приходилъ же тутъ Добрыня Никитичь младъ;
Онъ молится Спасову образу,
Кланяется Князю Владиміру и Княгинѣ Апраксѣевнѣ,
На всѣ четыре стороны:
„Здравствуй ты, Осударь, Владиміръ Князь
Со душою Княгинею Апраксѣевною!
Сослужилъ я, Добрыня, тебѣ Князю службу заочную,
Съѣздилъ въ дальны Орды немирныя,
И сдѣлалъ дорогу прямоѣзжую
До твоего тестя любимаго,
До грознаго Короля Этмануйла Этмануйловича:
Вырубилъ Чудь бѣлоглазую,
Прекротилъ Сорочину долгополую,
И тѣхъ Черкесъ Пятигорскіихъ,
А и тѣхъ Калмыковъ съ Татарами,
Чюкши всѣ и Алюторы.“
Втапоры за то Князь похвалилъ:
„Исполать тебѣ, доброй молодецъ!
Что служишь Князю вѣрою и правдою.“
Говоритъ тутъ Добрыня Никитичь младъ:
„Гой еси, сударь, мой дядюшка,

Ласково солнце, Владиміръ Князь!
Не диво Алёшѣ Поповичу,
Диво Князю Владиміру,
Хочетъ у жива мужа жену отнять."
Втапоры Настасья засовалася,
Хочетъ прямо скочить, обезчестить столы;
Говорилъ Добрыня Никитичь младъ:
„А и ты, душка, Настасья Никулишна!
Прямо не скачи, не безчести столы;
Будетъ пора, кругомъ обойдешь."
Взялъ за руку ее и вывелъ изъ-за убраныхъ столовъ,
Извинился Князю Владиміру,
Да и молоду Алёшѣ Поповичу,
Говорилъ таково слово:
„Гой еси, мой названой братъ,
Алёша Поповичь младъ!
Здравствуй, женившись! — да не съ кѣмъ спать."

XXI.

МИХАЙЛО КАЗАРИНОВЪ.



Какъ изъ далеча было изъ Галичья,
Изъ Волынца города изъ Галичья,
Какъ ясенъ соколъ вонъ вылетывалъ,
Какъ бы бѣлой кречетъ вонъ выпархивалъ,
Выѣзжалъ удача доброй молодецъ,
Молодой Михайло Казарянинъ;
Какъ конь подъ нимъ — какъ бы лютой звѣрь,
Онъ самъ на конѣ — какъ ясенъ соколъ,
Крѣпки доспѣхи на могучихъ плечахъ,
Куякъ и панцырь — чиста серебра,
А кольчуга на немъ красна золота;
А куяку и панцырю цѣна стоитъ на сто тысячей —
А кольчуга на немъ красна золота —
Кольчугѣ цѣна сорокъ тысячей,

Шеломъ на буйной головѣ замычется,
Шелому цѣна три тысячи,
Копье въ рукахъ Мурзамецкое, какъ свѣча горитъ,
Ко лѣвой бедрѣ припоясана сабля острая,
Въ долину сабля сажень печатная,
Въ ширину сабля осми вершковъ;
Еще съ нимъ тугой лукъ разрывчатой,
А цѣна тому луку три тысячи,
По тому цѣна луку три тысячи:
Полосы были булатныя,
А жилы слоны сохатныя,
И рога красна золота,
А тетивочка шелковая,
Бѣлаго шелку Шамаханскаго —
И колчанъ съ нимъ каленыхъ стрѣлъ,
А во колчанѣ было полтораста стрѣлъ,
Всякая стрѣла по пяти рублевъ;
А конь подъ нимъ какъ лютой звѣрь,
Цѣны коню смѣты нѣтъ;
По чему коню цѣны смѣты нѣтъ?
Потому ему цѣны смѣты нѣтъ:
За рѣку броду не спрашиваетъ,
Онъ скачетъ конь съ берегу на берегъ,
Котора рѣка шириною пятнадцать верстъ.

А и ѣдетъ ко городу Кіеву,
Что ко ласкову Князю Владиміру,
Чудотворцамъ въ Кіевѣ молитися,
И Владиміру Князю поклонитися,
Послужить вѣрою и правдою,
По заочью Князю не измѣною.
Какъ и будетъ онъ въ городѣ Кіевѣ
Середи двора Княженецкаго,
Скочилъ Казарянинъ со добра коня,
Привязалъ коня къ дубову столбу,
Къ дубову столбу, къ кольцу булатному,
Походилъ въ гридню во свѣтлую,
Ко Великому Князю ко Владиміру,
Молился Спасу со Пречистою,
Поклонился Князю со Княгинею,
И на всѣ четыре стороны:
Говорилъ ему ласковой Владиміръ Князь:
„Гой еси удача, доброй молодецъ!
Отколь пріѣхалъ, отколь тебя Богъ принесъ?
Еще какъ тебя, молодца, именемъ зовутъ?
А по имени тебѣ можно мѣсто дать,
По изотчеству можно пожаловати.“
И сказалъ удалой доброй молодецъ:
„А зовутъ меня Михайлою Казарянинъ,

А Казарянинъ душа Петровичь младъ."
А впапоры стольной Владимiръ Князь
Не имѣлъ у себя стольниковъ и чашниковъ,
Наливалъ самъ чару зелена вина,
Не велика мѣра въ полтора ведра
И провѣдываетъ могучаго богатыря,
Чтобы выпилъ чару зелена вина
И турiй рогъ меду сладкаго въ полтретья ведра.
Принималъ Казарянинъ единой рукой,
А и выпилъ единымъ духомъ,
И турiй рогъ меду сладкаго.
Говорилъ ему ласковой Владимiръ Князь:
„Гой еси молодой Михайло Казарянинъ!
Сослужи ты мнѣ службу заочную,
Съѣзди ко морю синему,
Настрѣляй гусей, бѣлыхъ лебедей,
Перелетныхъ сѣрыхъ малыхъ уточекъ
Къ моему столу Княженецкому, —
До люби я молодца пожалую."
Молодой Михайло Казарянинъ
Великаго Князя не ослушался,
Помолился Богу, самъ и вонъ пошелъ;
И садился онъ на добра коня, —
И поѣхалъ ко морю синему,

Что на теплы, тихи заводи.
Какъ и будетъ у моря синяго,
На его щаски великія,
Привалила птица къ берегу,
Настрѣлялъ онъ гусей, лебедей,
Перелетныхъ сѣрыхъ малыхъ утОчекъ,
Ко его столу Княженецкому,
Обвязалъ онъ своего добра коня
По могучимъ плечамъ до сырой земли,
И поѣхалъ отъ моря отъ синяго
Ко стольному городу Кіеву,
Ко ласковому Князю Владиміру,
Наѣхалъ въ полѣ сыръ кряковистой дубъ;
На дубу сидитъ тутъ черной воронъ,
Съ ноги на ногу переступываетъ
Онъ правильно перушко поправливаетъ,
А и ноги, носъ — что огонь горятъ.
А и тутъ Казарянину за бѣду стало,
За великую досаду показалося,
Онъ Казарянинъ дивуется, говорилъ таково слово:
Сколько по полю я ѣзживалъ,
По его Государевой отчинѣ,
Такого чуда не наѣзживалъ —
И наѣхалъ нынѣ черна ворона.

Втапоры Казарянинъ
Вынималъ изъ налушна свой тугой лукъ,
Изъ колчана калену стрѣлу,
Хочетъ застрѣлить черна ворона —
А и тугой лукъ свой потягиваетъ,
Калену стрѣлу поправливаетъ;
И потянулъ свой тугой лукъ за ухо,
Калену стрѣлу — семи четвертей —
И завыли рога у туга лука,
Заскрипѣли полосы булатныя —
Чуть было спустилъ калену стрѣлу —
Провѣщится ему черной воронъ:
„Гой еси ты, удача доброй молодецъ!
Не стрѣляй меня ты черна ворона,
Моей крови тебѣ не пить будетъ,
Моего мяса не ѣсть будетъ,
Надо мною сердце не изнести;
Скажу тебѣ добычу богатырскую:
Поѣзжай на гору высокую,
Посмотри въ раздолья широкія,
И увидишъ въ полѣ три бѣла шатра,
И стоитъ бесѣда — дорогъ рыбій зубъ,
На бесѣдѣ сидятъ три Татарина,
Какъ бы три собаки наѣздники,

Передъ ними ходитъ красна дѣвица,
Руская дѣвица полоняночка,
Молода Марѳа Петровична."
И за то слово Казарянинъ спохватается,
Не стрѣлялъ на дубу черна ворона,
Поѣхалъ на гору высокую,
Смотрѣлъ раздолья широкія,
И увидѣлъ въ полѣ три бѣла шатра,
Стоитъ бесѣда — дорогъ рыбій зубъ,
На бесѣдѣ сидятъ три Татарина,
Три собаки наѣздники,
Передъ ними ходитъ красна дѣвица,
Руская дѣвица полоняночка,
Молода Марѳа Петровична,
Во слезахъ не можетъ слово молвити,
Добрѣ жалобно причитаючи:
„О злочастная, моя буйна голова!
Горе горькая, моя руса коса,
А вечоръ тебя матушка разчесывала,
Разчесала матушка, заплетала;
Я сама, дѣвица, знаю, вѣдаю,
Расплетать будетъ мою русу косу
Тремъ Татарамъ наѣздникамъ."
Они тѣ-то рѣчи Татара договариваютъ,

А первой Татаринъ проговоритъ:
„Не плачь дѣвица, душа красная,
Не скорби дѣвица лица бѣлаго,
Асделу Татарину достанешься,
Не продамъ тебя дѣвицу дешево,
Отдамъ за сына за любимаго,
За мирнаго сына въ Золотой Ордѣ.“
Со тыя горы со высокія,
Какъ ясенъ соколъ напущается
На синемъ морѣ на гуси и лебеди,
Во чистомъ полѣ напущается
Молодой Михайло Казарянинъ,
А Казарянинъ душа Петровичь младъ,
Приправилъ онъ своего добра коня,
Принастегивалъ богатырскаго —
И въ рукѣ копье Мурзамецкое:
Перваго Татарина копьемъ скололъ,
Другаго собаку конемъ стопталъ,
Третьяго о сыру землю;
Скочилъ Казарянинъ съ добра коня,
Сохваталъ дѣвицу за бѣлы ручки,
Руску дѣвицу полоняночку,
Повелъ дѣвицу во бѣлъ шатеръ,
Какъ чуть съ дѣвицею ему грѣхъ творить,

А грѣхъ творитъ, съ нею блудъ блудитъ,
Расплачется красная дѣвица:
„А не честь твоя молодецкая, богатырская,
Не спросилъ ни дядины, ни отчины,
Княженецкая дочь и боярская,
Была я дочь гостинная,
Изъ Волынца города, изъ Галичья,
Молода Марѳа Петровична.“
И за то слово Казарянинъ спохватается:
„Гой еси, душа, красная дѣвица
Молода Марѳа Петровична!
А ты по роду мнѣ родна сестра,
И ты какъ Татарамъ досталася?
Ты какъ тремъ собакамъ наѣздникамъ?“
Говоритъ ему родная сестра:
„Я вечоръ гуляла въ зеленомъ саду,
Со своей сударынею матушкою,
Какъ издалеча, изъ чиста поля,
Какъ черны вороны налетывали,
Набѣгали тутъ три Татарина наѣздники,
Полонили меня красну дѣвицу,
Повезли меня во чисто поле:
А я такъ Татарамъ досталася,
Тремъ собакамъ наѣздникамъ.“

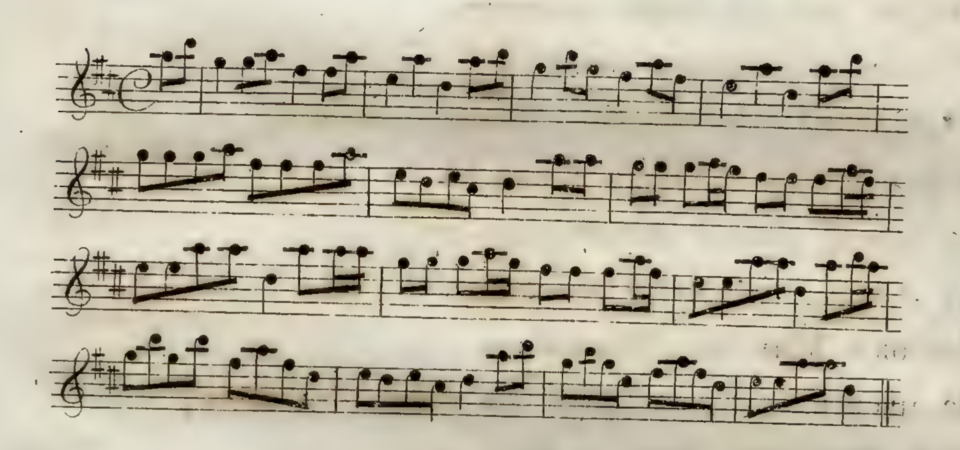
Молодой Михайло Казарянинъ
Собираетъ въ шатрахъ злата, серебра,
Онъ кладетъ во тѣ сумы переметныя,
Переметныя, сыромятныя,
И беретъ бесѣду — дорогъ рыбій зубъ,
Посадилъ дѣвицу на добра коня,
На Рускаго богатырскаго,
Самъ садился на Татарскаго —
Какъ бы двухъ коней въ поводу повелъ —
И поѣхалъ къ городу Кіеву.
Въѣзжаетъ въ стольной Кіевъ градъ,
А и стольники, приворотники,
Доложили Князю Владиміру,
Что пріѣхалъ Михайло Казарянинъ;
Поколь Михайло снялъ со добра коня
Свою сестрицу родимую,
И привязалъ четырехъ коней къ дубову столбу,
Идутъ послы отъ Князя Владиміра,
Велятъ идтить Михайлѣ во свѣтлу гридню.
Приходилъ Казарянинъ во свѣтлу гридню
Со своею сестрицею родимою,
Молится Спасову образу,
Кланяется Князю Владиміру и Княгинѣ Апраксѣевнѣ:
„Здравствуй ты, ласковой, сударь, Владиміръ Князь,

Со душею Княгинею Апраксѣевною!
Куда ты меня послалъ, то сослужилъ,
Настрѣлялъ гусей, бѣлыхъ лебедей
И перелетныхъ, сѣрыхъ малыхъ уточекъ;
А и самъ въ добычѣ богатырскія,
Убилъ въ полѣ трехъ Татариновъ,
Трехъ сабакъ наѣздниковъ,
И сестру родную у нихъ выручилъ,
Молоду Мареу Петровичну.“
Владиміръ Князь стольной Кіевской
Сталъ о томъ свѣтелъ, радошенъ;
Наливалъ чару зелена вина въ полтора ведра,
И турій рогъ меду сладкаго въ полтретья ведра,
Подносилъ Михайлѣ Казарянину;
Принимаетъ онъ Михайло единой рукой,
И выпилъ единымъ духомъ.
Втапоры пошли они на широкой дворъ,
Пошелъ Князь и со Княгинею,
Смотрѣлъ его добрыхъ коней,
Добрыхъ коней Татарскіихъ;
Велѣлъ тутъ Князь со добра коня птицъ obрать,
И велѣлъ снимать сумы сыромятныя,
Относить во свѣтлы гридни,
Беретъ бесѣду—дорогъ рыбій зубъ,

А и коней поставить велѣлъ по стойламъ своимъ;
Говорилъ тутъ ласковой Владиміръ Князь:
„Гой еси ты, удача, доброй молодецъ,
Молодой Михайло Казарянинъ,
А Казарянинъ, душа Петровичь младъ!
У меня есть триста жеребцовъ,
И три любимы жеребца,
А нѣтъ такого единаго жеребца;
Исполать тебѣ добру молодцу,
Что служишь Князю вѣрою и правдою!“

XXII.

ПОТОКЪ МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЬ.



Во стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У ласкова Князя Владиміра
Было пированье, почестной пиръ
На три братца названые,
Свято-Рускіе могучіе богатыри,
А на перваго братца названаго
Свято-Рускаго могучаго богатыря,
На Потока Михайлу Ивановича;
На другаго братца названаго,
На молода Добрыню Никитича;

На третьяго братца званаго,
Что на молода Алёшу Поповича.
Что взговорить тутъ Владиміръ Князь:
„А и ты, гой еси, Потокъ Михайло Ивановичь!
Сослужи мнѣ службу заочную,
Съѣзди ты ко морю синему,
На теплыя, тихи заводи,
Настрѣляй мнѣ гусей, бѣлыхъ лебедей;
Перелетныхъ малыхъ уточекъ
Къ моему столу Княженецкому;
До люби я молодца пожалую."
Потокъ Михайло Ивановичь
Не пьетъ онъ молодецъ ни пива, ни вина,
Богу помолясь, самъ и вонъ пошелъ. —
А скоро-де садился на добра коня,
И только его увидѣли,
Какъ молодецъ за ворота выѣхалъ, —
Въ чистомъ полѣ лишь дымъ столбомъ.
Онъ будетъ у моря синяго,
По его по щаски великія
Привалила птица къ круту берегу,
Настрѣлялъ онъ гусей, бѣлыхъ лебедей
И перелетныхъ малыхъ уточекъ,
Хочетъ ѣхать отъ моря синяго —

Посмотрѣть на тихія заводи
И увидѣлъ бѣлую лебедушку,
Она черезъ перо была вся золота,
А головушка у ней увивана краснымъ золотомъ
И скатнымъ жемчугомъ усажена,
Вынимаетъ онъ Потокъ
Изъ налушна свой тугой лукъ,
Изъ колчана вынималъ калену стрѣлу,
И беретъ онъ тугой лукъ въ руку лѣвую,
Калену стрѣлу въ правую,
Накладываетъ на тетивочку шелковую,
Потянулъ онъ тугой лукъ за ухо,
Калену стрѣлу семи четвертей,
Заскрипѣли полосы булатныя
И завыли рога у туга лука,
А и чуть было спуститъ калену стрѣлу —
Провѣщится ему лебедь бѣлая,
Авдотьюшка Лиховидьевна:
„А и ты, Потокъ Михайло Ивановичь!
Не стрѣляй ты меня лебедь бѣлую,
Нѣ въ кое время пригожуся тебѣ.“
Выходила она на крутой бережокъ,
Обернулася душой красной дѣвицей,

А и Потокъ Михайло Ивановичь
Воткнетъ копье во сыру землю,
Привязалъ онъ коня за остро копье,
Сохваталъ дѣвицу за бѣлы ручки
И цѣлуетъ ее во уста сахарныя;
Авдотьюшка Лиховидьевна
Втапоры больно его уговаривала;
„А ты, Потокъ Михайло Ивановичь!
Хотя ты на мнѣ и женишься,
И кто изъ насъ прежде умретъ,
Второму за нимъ живому во гробъ идти.“
Втапоры Потокъ Михайло Ивановичь
Садился на своего добра коня,
Говорилъ таково слово:
„А и ты, гой еси, Авдотья Лиховидьевна!
Будемъ въ городѣ Кіевѣ,
Въ соборѣ ударятъ къ вечернѣ въ колоколъ;
И ты втапоры будь готовая,
Приходи къ церкви соборныя,
Тутъ примемъ съ тобою обрученье свое.“
И скоро онъ поѣхалъ къ городу Кіеву отъ моря синяго,
Авдотьюшка Лиховидьевна
Полетѣла она бѣлой лебедушкой въ Кіевъ градъ

Ко своей сударынѣ матушкѣ,
Къ матушкѣ и къ батюшкѣ.
Потокъ Михайло Ивановичь
Нигдѣ не мѣшкалъ, не стоялъ;
Авдотьюшка Лиховидьевна
Перво его въ свой домъ ускорить могла —
И сидитъ она подъ окошечкомъ косящатымъ,
Сама усмѣхается;
А Потокъ Михайло Ивановичь
Ѣдетъ, самъ дивуется:
А нигдѣ я не мѣшкалъ, не стоялъ,
А она перво меня въ домѣ появилася.
И пріѣхалъ онъ на Княженецкой дворъ
Привортники доложили стольникамъ,
А стольники Князю Владиміру,
Что пріѣхалъ Потокъ Михайло Ивановичь.
И велѣлъ ему Князь ко крылечку ѣхать, —
Скоро Потокъ скочилъ со добра коня,
Поставилъ ко крылечку красному,
Походитъ во гридню свѣтлую,
Онъ молится Спасову образу,
Поклонился Князю со Княгинею,
И на всѣ четыре стороны:
„Здравствуй ты, ласковой сударь, Владиміръ Князь!

Куда ты меня послалъ, то сослужилъ,
Настрѣлялъ я гусей, бѣлыхъ лебедей,
Перелетныхъ малыхъ уточекъ,
И самъ сговорилъ себѣ красну дѣвицу,
Авдотьюшку Лиховидьевну,
Къ вечернѣ быть въ соборѣ
И съ ней обрученье принять.
Гой еси, ласковой сударь, Владиміръ Князь!
Хотѣлъ было сдѣлать пиръ простой
На три брата названые,
А нынѣ для меня одного
Доспѣй свадебной пиръ веселой,
Для Потока Михайлы Ивановича."
А и тутъ въ соборѣ къ вечернѣ въ колоколъ уда-
рили,
Потокъ Михайло Ивановичь къ вечернѣ пошелъ;
Съ другу сторону Авдотьюшка Лиховидьевна
Скоро втапоры наряжалася и убиралася,
Убравши къ вечернѣ пошла,
Ту вечерню отслушали.
А и Потокъ Михайло Ивановичь
Соборнымъ попамъ поклоняется,
Чтобъ съ Авдотьюшкой обрученье принять;
Эти попы соборные

Тому они дѣлу радошны,
Скоро обрученье сдѣлали,
Тушъ обвѣнчали ихъ и привели къ присягѣ шакой:
Кшо перво умрешъ,
Вшорому за нимъ живому въ гробъ идши.
И походишъ онъ Пошокъ Михайло Ивановичъ
Изъ церкви вонъ со своею молодою женою,
Съ Авдошьюшкой Лиховидьевной,
На шопъ широкой дворъ ко Князю Владиміру;
Приходишъ во свѣшлы гридни.
И шушъ имъ Князь сшалъ веселъ, радошенъ,
Сажалъ ихъ за убраны сшолы,
Вшапоры для Пошока Михайлы Ивановича сшолъ пошелъ:
Повары были догадливы,
Носили яствa сахарныя
И пишья медвяныя,—
А и шушъ пили, ѣли, прохлаждалися,
Предъ Княземъ похвалялися.
И не мало время замѣшкавши
День къ вечеру вечеряешся,
Красное солнце закашаешся,
Пошокъ Михайло Ивановичъ

Спать въ подклѣть убирается,
Свели его во гридню спальную,
Всѣ тутъ Князи и бояра разъѣхалися,
Разъѣхались и пѣшкомъ разбрелись.
А у Потока Михайлы Ивановича
Со молодой женой Авдотьей Лиховидьевной
Не много житья было—полтора года,
Захворала Авдотьюшка Лиховидьевна,
Съ вечера она разхворается,
Ко полуночи разболѣлася,
Ко утру и преставилася.
Мудрости искала надъ мужемъ своимъ,
Надъ молодымъ Потокомъ Михайлою Ивановичемъ.
Рано зазвонили къ заутрени,
Онъ пошелъ Потокъ соборнымъ попамъ вѣсть подавать,
Что умерла его молода жена,
Приказали ему попы соборные
Тотчасъ на саняхъ привести
Ко тоя церкви соборныя,
Поставить тѣло на паперти;
А и тутъ стали могилу копать,
Выкопали могилу глубокую и великую,
Глубиною, шириною по двадцати сажень,—

Сбиралися тутъ попы со дьяконами
И со всѣмъ церковнымъ причетомъ,
Погребали тѣло Авдотьино.
И тутъ Потокъ Михайло Ивановичь
Съ конемъ и збруею ратною
Опустился въ тоежъ могилу глубокую,
И заворочали потолокомъ дубовыимъ
И засыпали песками желтыми,
А надъ могилою поставили деревянной крестъ, —
Только мѣсто оставили веревкѣ одной,
Которая была привязана къ колоколу соборному.
И стоялъ онъ Потокъ Михайло Ивановичь
Въ могилѣ съ добрымъ конемъ,
Съ полудни до полуночи,
И для страху добывъ огня
Зажигалъ свѣчи воску яраго.
И какъ пришла пора полуночная
Собиралися къ нему всѣ гады змѣиные,
А потомъ пришелъ большой змѣй,
Онъ жжетъ и палитъ пламемъ огненнымъ;
А Потокъ Михайло Ивановичь
На то-то не робокъ былъ,
Вынималъ саблю острую,

Убиваетъ змѣя лютаго
И сѣкаетъ ему голову,
И тою головою змѣиною
Учалъ тѣло Авдотьино мазати.
Втапоры она еретница
Изъ мертвыхъ пробуждалася,
И онъ за тое веревку ударилъ въ колоколъ
И услышалъ трапезникъ,
Бѣжитъ тутъ къ могилѣ Авдотьиной,
Ажно тутъ веревка изъ могилы къ колоколу тор-
гается
И собираются тутъ православной народъ,
Всѣ тому дивуются,
А Потокъ Михайло Ивановичь
Въ могилѣ реветъ зычнымъ голосомъ,
И разрывали тое могилу наскоро,
Опускали лѣсницы долгія,
Вынимали Потока и съ добрымъ конемъ
И со его молодой женой,
И объявили Князю Владиміру
И тѣмъ попамъ соборныимъ,
Поновили ихъ святой водой,
Приказали имъ жить по старому.
И какъ Потокъ живучи состарѣлся,

Состарѣлся и преставился,
Тогда попы церковные,
По прежнему ихъ обѣщанію,
Его Потока похоронили,
А его молоду жену Авдотью Лиховидьевну
Съ нимъ же живую зарыли во сыру землю;
И тутъ имъ стала быть память вѣчная.
То старина, то и дѣянье.

XXIII.

СОРОКЪ КАЛИКЪ СО КАЛИКОЮ.

А изъ пустыни было Ефимьевы,
Изъ монастыря изъ Боголюбова,
Начинали калики наряжатися
Ко святому граду Іерусалиму,
Сорокъ каликъ ихъ со каликою,
Становилися во единой кругъ;
Они думали думушку единую,
А едину думушку крѣпкую,
Выбирали большаго Атамана
Молода Касьяна сына Михайловича.
А и молодой Касьянъ сынъ Михайловичь
Кладетъ онъ заповѣдь великую
На всѣхъ тѣхъ дородныхъ молодцовъ:
„А идтить намъ, братцы, дорога неближняя,
Идти будетъ ко городу Іерусалиму,

Святой святынѣ помолитися,
Господню гробу приложитися,
Во Ердань рѣкѣ искупатися,
Нетлѣнной ризой утеретися;
Идти селами и деревнями,
Городами тѣми съ пригородками, —
А въ томъ-то вѣдь заповѣдь положена:
Кто украдетъ, или кто солжетъ,
Али кто пустится на женской блудъ,
Не скажетъ большому Атаману,
Атаманъ про то дѣло провѣдаетъ,
Едина оставитъ во чистомъ полѣ
И окопать по плеча во сыру землю.“
И въ томъ-то вѣдь заповѣдь подписана,
Бѣлыя рученьки иприложены:
Атаманъ Касьянъ сынъ Михайловичь
Податаманье, братъ его родной,
Молодой Михайло Михайловичь.
Пошли калики во Іерусалимъ градъ,
А идутъ недѣлю уже спорядку,
Идутъ уже время не малое,
Подходятъ уже они подъ Кіевъ градъ,
Сверхъ тое рѣки Череги,
На его потѣшныхъ на островахъ,

У Великаго Князя Владиміра,
А и вышли они изъ раменья,
Встрѣчу имъ-то Владиміръ Князь
Ѣздитъ онъ за охотою,
Стрѣляетъ гусей, бѣлыхъ лебедей,
Перелетныхъ малыхъ уточекъ,
Лисицъ, зайцовъ всѣхъ поганиваетъ, —
Пригодилося ему ѣхати по близости
Завидѣли его калики тутъ перехожіе,
Становилися во единой кругъ,
Клюки, посохи въ землю потыкали,
А и сумочки изповѣсили,
Скричатъ калики зычнымъ голосомъ,
Дрогнетъ матушка сыра земля,
Съ деревъ вершины попадали,
Подъ Княземъ конь окорачился,
А богатыри съ коней попадали,
А стиря сталъ постириватъ,
Сема сталъ пересемыватъ, —
Едва пробудится Владиміръ Князь,
Разсмотрѣлъ удалыхъ добрыхъ молодцовъ,
Они-то ему поклонилися,
Великому Князю Владиміру,
Прошаютъ у него святую милостыню,

А и чѣмъ бы молодцамъ душа спасти;
Отвѣчаетъ имъ ласковой Владимiръ Князь:
„Гой вы еси, калики перехоже!
Хлѣбы съ нами завозные,
А и денегъ со мною негодилося,
А и ѣзжу я, Князь, за охотою,
За зайцами и за лисицами,
За соболи и за куницами,
И стрѣляю гусей, бѣлыхъ лебедей,
Перелетныхъ малыхъ уточекъ,
Изволите вы идти во Кiевъ градъ
Ко душѣ Княгинѣ Апраксѣевнѣ,
Честна роду дочь, Королевична,
Напоитъ, накормитъ васъ добрыхъ молодцовъ,
Надѣлитъ вамъ въ дорогу злата, серебра."
Не долго калики думу думали,
Пошли ко городу ко Кiеву;
А и будутъ въ городѣ Кiевѣ,
Середи двора Княженецкаго,
Клюки, посохи въ землю потыкали,
А и сумочки изповѣсили,
Подсумочья рыта бархата;
Скричатъ калики зычнымъ голосомъ,
Съ теремовъ верхи повалялися,

А съ горницъ охлопья попадали,
Въ погребахъ питья всколебалися,
Становилися во единой кругъ,
Прошаютъ святую милостыню
У молоды Княгини Апраксѣевны.
Молода Княгиня испужалася,
А и больно она передрогнула,
Посылаетъ стольниковъ и чашниковъ
Звать каликъ во свѣтлу гридню;—
Пришли тутъ стольники и чашники,
Бьютъ челомъ, поклоняются
Молоду Касьяну Михайлову,
Со своими его товарищами:
Хлѣба ѣсть во свѣтлу гридню
Къ молодой Княгинѣ Апраксѣевнѣ.
А и тутъ Касьянъ не ослушался,
Походилъ во гридню, во свѣтлую,
Спасову образу молится,
Молодой Княгинѣ поклоняется.
Молода Княгиня Апраксѣевна,
Поджавъ ручки будто Турчаночки,
Со своими нянюшки и мамушки,
Съ красными сѣнными дѣвушки;
Молодой Касьянъ сынъ Михайловичь

Садился въ мѣсто большое,
Отъ лица его молодецкаго,
Какъ бы отъ солнышка отъ краснаго,
Лучи стоятъ великіе;—
Убирались тутъ всѣ добры молодцы,
А и тѣ калики перехожіе
За тѣ столы убраные.
А и стольники, чашники
Поворачиваютъ, пошевеливаютъ
Своихъ они приспѣшниковъ,
Понесли-то яства сахарныя,
Понесли питья медвяныя,—
А и тѣ калики перехожіе
Сидятъ за столами убранными,
Убираютъ яства сахарныя,
А и тѣ вѣдь пьютъ питья медвяныя.
И сидятъ они время, часъ другой,
Во третьемъ часу подымалися,
Подымавши они Богу молятся,
За хлѣбъ за соль бьютъ челомъ
Молодой Княгинѣ Апраксѣевнѣ
И всѣмъ стольникамъ и чашникамъ;
И того они еще ожидаючи
У молодой Княгини Апраксѣевны,

Надѣлилабъ на дорогу златомъ, серебромъ,
Сходить бы во градъ Іерусалимъ;—
А у молодой Княгини Апраксѣевны
Не то въ умѣ, не то въ разумѣ;—
Пошлетъ Алёшиньку Поповича,
Атамана ихъ уговаривати
И всѣхъ каликъ перехожіихъ,
Чтобъ не идти бы имъ сего дня и сего числа.
И сталъ Алёша уговаривати
Молода Касьяна Михайловича,
Зоветъ къ Княгинѣ Апраксѣевнѣ
На долгіе вечеры посидѣти,
Забавныя рѣчи побаити,
А сидѣть бы на единѣ во спальнѣ съ ней.
Молодой Касьянъ сынъ Михайловичь,
Замутилось его сердце молодецкое,
Отказалъ онъ Алёшѣ Поповичу,
Не идетъ на долгіе вечеры
Къ молодой Княгинѣ Апраксѣевнѣ,
Забавныя рѣчи баити;—
На то Княгиня осердилася
Посылаетъ Алёшиньку Поповича,
Прорѣзать бы его суму рыта бархата,
Запихать бы чарочку серебряну,

Которой чарочкой Князь на пріѣздѣ пьетъ.
Алёша-то догадливъ былъ,
Разпоролъ суму рыта бархата,
Запихалъ чарочку серебряну
И зашивалъ гладехонько,
Что познать было не можно; –
Съ тѣмъ калики и въ путь пошли,
Калики съ широка двора, —
Съ молодой Княгиней не прощаются,
А идутъ калики не оглянутся.
И верстъ десятокъ отошли они
Отъ стольнаго города Кіева,
Молода Княгиня Апраксѣевна
Посылаетъ Алёшу въ погонь за нимъ;
Молодой Алёша Поповичь младъ
Настигъ каликъ во чистомъ полѣ
У Алёши вѣжство нерожденное —
Онъ сталъ съ каликами здорити,
Обличаетъ ворами, разбойниками:
„Вы-то, калики, бродите по міру по крещеному,
Кого окрадете, своимъ зовете,
Покрали Княгиню Апраксѣевну,
Унесли вы чарочку серебряну,
Которой чарочкой Князь на пріѣздѣ пьетъ."

А въ томъ калики не даются ему
Молоду Алёшѣ Поповичу,
Не давались ему на обыскъ себѣ.
Поворчалъ Алёшинька Поповичь младъ,
Поѣхалъ ко городу Кіеву,
И такъ пріѣхалъ во стольной Кіевъ градъ.
Во то же время и во тотъ же часъ
Пріѣхалъ Князь изъ чиста поля,
И съ нимъ Добрынюшка Никитичь младъ;
Молода Княгиня Апраксѣевна
Позоветъ Добрынюшку Никитича,
Посылаетъ за каликами,
За Касьяномъ Михайловичемъ.
Втапоры Добрынюшка не ослушался
Скоро поѣхалъ во чисто поле, —
У Добрыни вѣжство рожденное и ученое —
Настигъ онъ каликъ во чистомъ полѣ;
Скочилъ съ коня, самъ бьетъ челомъ:
„Гой еси, Касьянъ Михайловичь!
Не наведи на гнѣвъ Князя Владиміра,
Прикажи обыскать калики перехожіе,
Нѣтъ ли промежу васъ глупаго.“
Молодой Касьянъ сынъ Михайловичь
Становилъ каликъ во единой кругъ,

И велѣлъ онъ другъ друга обыскивать
Отъ малаго до стараго,
Отъ стараго и до большаго лица,
До себя Касьяна Михайловича.
Нигдѣ-то чарочка не явилася,
У молода Касьяна пригодилася.
Братъ его молодой Михайло Михайловичь
Принимался за заповѣдь великую,
Закопали Атамана по плеча во сыру землю,
Едина оставили во чистомъ полѣ
Молода Касьяна Михайловича;
Отдавали чарочку серебряну
Молоду Добрынюшкѣ Никитичу,
И съ нимъ написанъ виноватой тутъ
Молодой Касьянъ Михайловичь.
Добрыня онъ поѣхалъ во Кіевъ градъ,
А и тѣ калики въ Іерусалимъ градъ;
Молодой Касьянъ сынъ Михайловичь
Съ ними калики прощается.
И будетъ Добрынюшка въ Кіевѣ,
У младой Княгини Апраксѣевны,
Привезъ онъ чарочку серебряну
Виноватаго назначено,
Молода Касьяна сына Михайлова.

А съ того время, часу захворала скорьбою недоброю,
Слегла Княгиня въ великое во гноище.
Ходили калики въ Іерусалимъ градъ,
Впередъ шли три мѣсяца;
А и будутъ въ градѣ Іерусалимѣ
Святой святынѣ помолилися,
Господню гробу приложилися,
Во Ерданѣ рѣкѣ искупалися,
Нетлѣнною ризою утиралися, —
А все-то молодцы отправили,
Служили обѣдни съ молебнами
За свое здравіе молодецкое,
По поклону положили за Касьяна Михайловича.
А и тутъ калики не замѣшкались,
Пошли ко городу Кіеву
И ко ласкову Князю Владиміру.
А идутъ назадъ уже мѣсяца два,
На то мѣсто не угодили они,
Обошли маленькой сторонкою
Его молода Касьяна Михайловича,
Голосокъ наноситъ помалехоньку,
А и тутъ калики остоялися,
А и мѣсто стали опознавать,
Подалися малехонько и увидѣли

Молода Касьяна сына Михайловича,
Онъ ручкой машетъ, голосомъ кричитъ.
Подошли удалы добры молодцы,
Въ началѣ Атаманъ родной братъ его
Михайло Михайловичъ,
Пришли всѣ они, поклонилися,
Стали здравствовать, —
Подаетъ онъ Касьянъ ручку правую,
А они-то къ ручкѣ приложилися,
Съ нимъ поцѣловалися,
И всѣ къ нему переходили.
Молодой Касьянъ сынъ Михайловичъ
Выскакивалъ изъ сырой земли,
Какъ ясенъ соколъ изъ тепла гнѣзда,
А всѣ они, молодцы, дивуются
На его лице молодецкое,
Не могутъ зрѣть добры молодцы,
А и кудри на немъ молодецкія до самаго пояса. —
И стоялъ Касьянъ не мало число,
Стоялъ въ землѣ шесть мѣсяцевъ,
А шесть мѣсяцовъ будетъ полгода.
Втапоры пошли калики ко городу Кіеву,
Ко ласкову Князю Владиміру,
Дошли они до чудна креста Леванидова,

Спановилися во единой кругъ,
Клюки, посохи въ землю попыкали
И споятъ калики попихохоньку.
Молодой Михайло Михайловичь
Апаманомъ еще правилъ у нихъ,
Посылаетъ легкаго молодчика
Доложиться Князю Владиміру:
Прикажетъ ли идпи намъ пообѣдапи.
Владиміръ Князь пригодился въ домѣ,
Посылалъ онъ своихъ ключниковъ, ларечниковъ
Побипь челомъ и поклонипися имъ-по каликамъ,
Каликамъ пообѣдапи,
И молоду Касьяну на особицу.
И тупъ ключники, ларечники
Пришли они къ каликамъ, поклонилися,
Бьюпъ челомъ къ Князю пообѣдапи.
Пришли калики на широкой дворъ,
Середи двора Княженецкаго
Поздравспвовалъ ему Владиміръ Князь,
Молоду Касьяну Михайловичу;
Взялъ его за бѣлы руки,
Повелъ во свѣплу гридню.
А впапоры молодой Касьянъ Михайловичь
Спросилъ Князя Владиміра

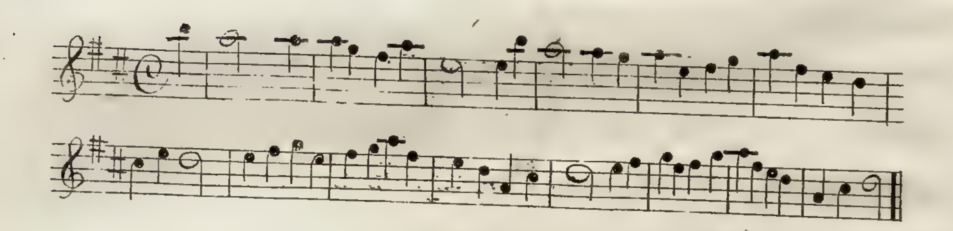
Про молоду Княгиню Апраксѣевну:
„Гой еси, сударь, Владиміръ Князь!
Здравствуетъ ли твоя Княгиня Апраксѣевна.“
Владиміръ Князь едва рѣчи выговорилъ:
„Мы де уже недѣлю другу не ходимъ къ ней.“
Молодой Касьянъ тому не брезгуетъ,
Пошелъ со Княземъ во спальну къ ней,
А и Князь идетъ, свой носъ зажалъ,
Молоду Касьяну то ничто ему,
Никакого духу онъ не вѣруетъ.
Отворяли двери у свѣтлы гридни,
Разкрывали окошечки косящатыя;
Втапоры Княгиня прощалася,
Что нанесла рѣчь напрасную. —
Молодой Касьянъ сынъ Михайловичь
А и дунулъ духомъ святымъ своимъ
На младу Княгиню Апраксѣевну,
Не стало у ней того духу, пропасти,
Оградилъ ее святой рукой,
Прощаетъ ее плоть женскую,
Захотѣлось ей — и пострадала она,
Лежала въ сраму полгода.
Молодой Касьянъ сынъ Михайловичь
Пошелъ ко Князю Владиміру во свѣтлу гридню,

Помолился Спасову образу,
Со своими каликами перехожими.
И сажалися за убраны столы,
Стали пить, ѣсть, потѣшатися.
Какъ будетъ день въ половина дня
А и тѣ калики напивалися,
Напивалися и наѣдалися;
Владимiръ Князь убивается
А калики-то въ путь наряжаются, —
Проситъ ихъ тутъ Владимiръ Князь
Пожить, побыть тотъ денекъ у себя.
Молода Княгиня Апраксѣевна
Вышла изъ кожуха, какъ изъ пропасти,
Скоро она убиралася,
Убиралася и наряжалася,
Тутъ же къ нимъ къ столу пришла
Съ няньками, съ мамками
И съ сѣнными красными дѣвицами,
Молоду Касьяну поклоняется
Безъ стыда, безъ сорому,
А грѣхъ свой на умѣ держитъ.
Молодой Касьянъ сынъ Михайловичь
Тою рученькой правою размахиваетъ
По тѣмъ ѣствамъ сахарнымъ,

Крестомъ ограждаетъ и благословляетъ;
Пьютъ, ѣдятъ, потѣшаются.
Втапоры молодой Касьянъ сынъ Михайловичь
Вынималъ изъ сумы книжку свою,
Посмотрѣлъ и число показалъ:
Что много мы, братцы, пьемъ, ѣдимъ, прохлаждаемся,
Уже третій день въ доходѣ идетъ,
И пора намъ, молодцы, въ путь идти.
Вставали калики на рѣзвы ноги,
Спасову образу молятся
И бьютъ челомъ Князю Владиміру
Съ молодой Княгиней Апраксѣевной
За хлѣбъ за соль его.
И прощаются калики съ Княземъ Владиміромъ
И съ молодой Княгинею Апраксѣевною;
Собрались они, и въ путь пошли,
До своего монастыря Боголюбова,
И до пустыни Ефимьевы.
То старина, то и дѣянье.

XXIV.

КАЛИНЪ ЦАРЬ.



Да изъ Орды, Золотой земли,
Изъ тоя Могозеи богатыя,
Когда подымался злой Калинъ Царь,
Злой Калинъ, Царь Калиновичь,
Ко стольному городу ко Кіеву,
Со своею силою съ поганою;
Не дошедъ онъ до Кіева за семь верстъ,
Становился Калинъ у быстра Днѣпра,
Сбиралося съ нимъ силы на сто верстъ,
Во всѣ тѣ четыре стороны.
За чѣмъ мать сыра земля не погнется?
За чѣмъ не разступится?
А отъ пару было отъ конинаго
А и мѣсяцъ, солнце померкнуло,
Не видить луча свѣта бѣлаго,

А отъ духу Татарскаго
Не можно крещенымъ намъ живымъ быть.
Садился Калинъ на ременчатъ стулъ,
Писалъ ярлыки скорописчаты
Ко стольному городу ко Кіеву,
Ко ласкову Князю Владиміру, —
Что выбралъ Татарина выше всѣхъ:
А мѣрою тотъ Татаринъ трехъ сажень,
Голова на Татаринѣ съ пивной котелъ,
Которой котелъ сорока ведеръ
Промежъ плечами косая сажень;
Отъ мудрости слово написано:
Что возметъ Калинъ Царь стольной Кіевъ градъ,
А Владиміра Князя въ полонъ полонитъ,
Божьи церкви на дымъ пуститъ.
Даетъ тому Татарину ярлыки скорописчаты,
И послалъ его въ Кіевъ наскоро.
Садился Татаринъ на добра коня,
Поѣхалъ ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову Князю Владиміру;
А и будетъ онъ Татаринъ въ Кіевѣ,
Середи двора Княженецкаго
Сскакалъ Татаринъ съ добра коня,
Не вяжетъ коня, не приказываетъ,

Бѣжитъ онъ во гридню во свѣтлую,
А Спасову образу не молится,
Владиміру Князю не кланяется,
И въ Кіевѣ людей ничѣмъ зоветъ;
Бросалъ ярлыки на круглой столъ
Передъ Великаго Князя Владиміра.
Отшедъ Татаринъ, слово выговорилъ:
„Владиміръ Князь стольной Кіевской!
А наскорѣ сдай ты намъ Кіевъ градъ,
Безъ бою, безъ драки великія,
И безъ того кроволитія напраснаго.“
Владиміръ Князь запечалился,
А наскорѣ ярлыки разпечатывалъ и просматривалъ,
Глядючи въ ярлыки — заплакалъ свѣтъ. —
По грѣхамъ надъ Княземъ учинилося,
Богатырей въ Кіевѣ не случилося,
А Калинъ Царь подъ стѣною стоитъ;
А съ Калиномъ силы написано
Ни много, ни мало — на сто верстъ
Во всѣ четыре стороны.
Еще со Калиномъ сорокъ Царей со Царевичемъ,
Сорокъ Королей съ Королевичемъ
Подъ всякимъ Царемъ силы по три тьмы, по три тысячи,

По праву руку его зять сидитъ,
А зятя зовутъ у него Сартакомъ;
А по лѣву руку сынъ сидитъ,
Сына зовутъ Лоншекомъ. —
И то у нихъ дѣло не окончано,
Татаринъ изъ Кіева не выѣхалъ.
Втапоры Василій пьяница
Взбѣжалъ на башню на стрѣльную,
Беретъ онъ свой тугой лукъ разрывчатой,
Калену стрѣлу переную,
Наводилъ онъ трубками Нѣмецкими,
А гдѣ-то сидитъ злодѣй Калинъ Царь —
И тотъ-то Василій пьяница
Стрѣлялъ онъ тутъ во Калина Царя;
Не попалъ во собаку Калина Царя,
Что попалъ онъ въ зятя его Сартака —
Угодила стрѣла ему въ правой глазъ,
Ушибъ его до смерти.
И тутъ Калину Царю за бѣду стало,
Что перву бѣду не утушили,
А другую бѣду они загрѣзили,
Убили зятя любимаго
Съ тоя башни со стрѣльныя.
Посылалъ другаго Татарина

Ко тому Князю Владиміру,
Чтобы выдалъ того виноватаго.
А мало время замѣшкавши
Съ тоя стороны полуденныя,
Что ясной соколъ въ перелетъ летитъ,
Какъ бѣлой кречетъ перепорхиваетъ,
Бѣжитъ паленица удалая,
Старой козакъ Илья Муромецъ.
Пріѣхалъ онъ во стольной Кіевъ градъ,
Середи двора Княженецкаго
Соскочилъ Илья со добра коня,
Не вяжетъ коня, не приказываетъ,
Идетъ во гридню во свѣтлую;
Онъ молится Спасу со Пречистою,
Бьетъ челомъ Князю со Княгинею,
И на всѣ четыре стороны —
А самъ Илья усмѣхается:
„Гой еси, сударь, Владиміръ Князь!
Что у тебя за болванъ пришелъ?
Что за дуракъ неотесаной?"
Владиміръ Князь стольной Кіевской
Подаетъ ярлыки скорописчаты;
Принялъ Илья, самъ прочитывалъ, —
Говорилъ тутъ ему Владиміръ Князь:

„Гой еси, Илья Муромецъ!
Пособи мнѣ думушку подумати,
Здать ли мнѣ, не здать ли Кіевъ градъ,
Безъ бою мнѣ, безъ драки великія,
Безъ того кроволитія напраснаго?"
Говоритъ Илья таково слово:
„Владиміръ Князь стольной Кіевской!
Ни о чемъ ты, Осударь, не печалуйся: —
Боже-Спасъ оборонитъ насъ,
А не что, Пречистой и всѣхъ сохранитъ.
Насыпай ты мису чиста серебра,
Другую красна золота
Третью мису скатнаго жемчуга;
Поѣдемъ со мной ко Калину Царю,
Со своими честными подарками,
Тотъ Татаринъ дуракъ насъ прямо доведетъ."
Наряжался Князь тутъ поваромъ,
Замарался сажею котельною;
Поѣхали они ко Калину Царю,
А прямо ихъ Татаринъ въ лагери ведетъ.
Пріѣхалъ Илья ко Калину Царю
Въ его лагери Татарскіе:
Скочилъ Илья со добра коня,
Калину Царю поклоняется,

Самъ говоритъ таково слово:
„А и Калинъ Царь, злодѣй Калиновичь!
Прими наши дороги подарочки
Отъ Великаго Князя Владиміра:
Перву мису чиста серебра,
Другую красна золота,
Третью мису скатнаго жемчуга;
А дай ты намъ сроку на три дни,
Въ Кіевѣ намъ пріуправится,
Отслужить обѣдни съ панихидами
Какъ-де служатъ по усопшимъ душамъ,
Другъ съ дружкой проститися."
Говоритъ тутъ Калинъ таково слово:
„Гой еси ты, Илья Муромецъ!
Выдайте вы намъ виноватаго,
Которой стрѣлялъ съ башни со стрѣльныя,
Убилъ моего зятя любимаго."
Говоритъ ему Илья таково слово:
„А ты слушай Калинъ Царь повѣленное:
Прими наши дороги подарочки
Отъ Великаго Князя Владиміра; —
Гдѣ намъ искать такого человѣка и вамъ отдать?"
И тутъ Калинъ принялъ золоту казну
Не честно у него, самъ прибраниваетъ. —

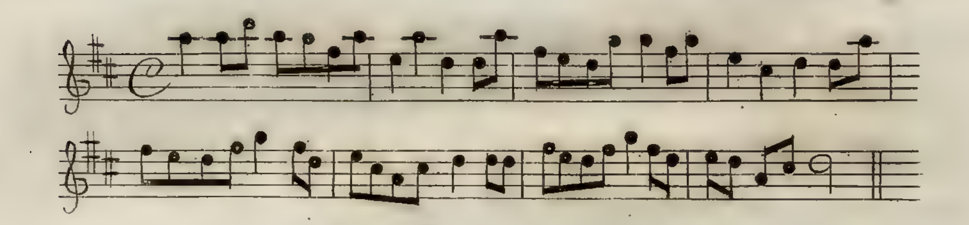
И тутъ Ильѣ за бѣду стало,
Что не далъ сроку на три дни и на три часа,
Говорилъ таково слово:
„Собака, проклятой ты Калинъ Царь!
Отойди съ Татарами отъ Кіева;
Охота ли вамъ, собака, живымъ быть?“
И тутъ Калину Царю за бѣду стало,
Велѣлъ Татарамъ схватать Илью;
Связали ему руки бѣлыя
Во крѣпки чембуры шелковые.
Втапоры Ильѣ за бѣду стало,
Говорилъ таково слово:
„Собака, проклятой ты Калинъ Царь!
Отойди прочь съ Татарами отъ Кіева;
Охота ли вамъ, собака, живымъ быть?“
И тутъ Калину за бѣду стало —
И плюетъ Ильѣ во ясны очи:
„А Руской людъ всегды хвастливъ,
Опутанъ весь — будто лысой бѣсъ,
Еще ли стоитъ передо мною, самъ хвастаетъ.“
И тутъ Ильѣ за бѣду стало,
За великую досаду показалося,
Что плюетъ Калинъ въ ясны очи;
Вскочилъ въ пол-древа стоячаго,

Изорвалъ чембуры на могучихъ плечахъ, —
Не допустяпъ Илью до добра коня,
И до его-то до палицы тяжкія,
До мѣдны литы въ три тысячи.
Схватилъ Илья Татарина за ноги,
Которой ѣздилъ во Кіевъ градъ,
И зачалъ Татариномъ помахивати:
Куда ли махнетъ — тутъ и улицы лежатъ,
Куды отвернетъ — съ переулками,
А самъ Татарину приговариваетъ:
„А и крѣпокъ Татаринъ, не ломится,
А жиловатъ, собака, не изорвется."
И только Илья слово выговорилъ,
Оторвется глава его Татарская,
Угодила та глава по силѣ вдоль,
И бьетъ ихъ, ломитъ, въ конецъ губитъ;
Достальные Татара на побѣгъ пошли,
Въ болотахъ, въ рѣкахъ притонули всѣ,
Оставили свои возы и лагери.
Воротился Илья онъ ко Калину Царю,
Схватилъ онъ Калина во бѣлы руки,
Самъ Калину приговариваетъ:
„Васъ-то Царей не бьютъ, не казнятъ,
Не бьютъ, не казнятъ и не вѣшаютъ."

Согнетъ его корчагою,
Воздымалъ выше буйны головы своей,
Ударилъ его о горючь камень
Разшибъ его въ крохи ....
Достальные Татара на побѣгъ бѣгутъ,
Сами они заклинаются:
„Не дай Богъ намъ бывать ко Кіеву,
Не дай Богъ намъ видать Рускихъ людей!
Не ужто въ Кіевѣ всѣ таковы,
Одинъ человѣкъ всѣхъ Татаръ прибилъ?“
Пошелъ Илья Муромецъ
Искать своего товарища,
Того ли Василья пьяницу Игнатьева;
И скоро нашелъ его на кружалѣ Петровскіимъ,
Привелъ ко Князю Владиміру —
А пьетъ Илья довольно зелена вина
Съ тѣмъ Васильемъ со пьяницей,
И называетъ Илья того пьяницу
Василья братомъ назваными. —
То старина, то и дѣянье.

XXV.

ЦАРЬ САУЛЪ ЛЕВАНИДОВИЧЬ.



Царь Саулъ Леванидовичь
Поѣхалъ за море синее,
Въ дальну Орду, въ Половецку землю,
Брать дани и невыплаты.
А Царица его проводила
Отъ перваго стану до втораго,
Отъ втораго стану до третьяго;
Отъ третьяго стану воротилася,
А сама она Царю поклонилася:
„Гой еси ты есми, Царь Саулъ,
Царь Саулъ Леванидовичь!
А кому меня Царицу приказываешь?
А кому меня Царицу наказываешъ?
Я остаюсь Царица черевоста,

Черевоста осталась на тѣхъ порахъ."
А и только Царь слово выговорилъ,
Царь Саулъ Леванидовичь:
„А и гой еси, Царица Азвяковна,
Молода Елена Александровна!
Ни кому я тебя Царицу не приказываю,
Не приказываю и не наказываю;
А то коли тебѣ Господи сына дастъ,
Вспой, вскорми и за мной его пошли;
А то коли тебѣ Господи дочерь дастъ,
Вспой, вскорми, за мужъ отдай,
А любимаго зятя за мной пошли:
Поѣду я на двенадцать лѣтъ."
Вскорѣ послѣ его Царицѣ Богъ сына дастъ,
Попъ приходилъ со молитвою,
Имя даетъ Константинушкомъ Сауловичемъ.
А и Царское дитя не по годамъ ростетъ,
А и Царско дитя не по мѣсяцамъ,
А которой ребенокъ двадцати годовъ,
Онъ Константинушка семи годковъ.
Присадила его матушка грамотѣ учится;
Скоро ему грамота далася и писать научился.
Будетъ онъ Константинушка десяти годовъ,
Сталъ-то по улицамъ похаживати,

Сталъ съ ребятами шутку шутить,
Съ усатыми, съ бородатыми,
А которые ребята двадцати годовъ,
И которые во полу-тридцати;
А всѣ вѣдь дѣти Княженецкіе,
А всѣ-то вѣдь дѣти боярскіе,
И всѣ-то вѣдь дѣти дворянскіе,
Еще ли дѣти купецкіе. —
Онъ шутку шутитъ не по ребячью
А творки творилъ не по маленькимъ:
Котораго возметъ за руку,
Изъ плеча тому руку выломитъ;
И котораго заденетъ за ногу,
По ..... ногу оторветъ прочь;
И котораго хватитъ поперегъ хребта,
Тотъ кричитъ, реветъ, окорачь ползетъ,
Безъ головы домой придетъ.—
Князи, бояра дивуются,
И всѣ купцы богатые:
А что это у насъ за уродъ ростетъ?
Что это у насъ за выблядочикъ?
Доносили они жалобу великую
Какъ бы той Царицѣ Азвяковнѣ,
Молодой Еленѣ Александровнѣ.

Втапоры скоро завела его матушка во теремы свои
Того ли млада Констянтинушку Сауловича,
Стала его журить, бранить,
А журить, бранить, на умъ учить, смиренно жить.
А младъ Констянтинъ сынъ Сауловичь
Только у матушки выспросилъ:
„Гой еси, матушка,
Молода Елена Александровна!
Есть ли у меня на роду батюшка?“
Говорила Царица Азвяковна,
Молода Елена Александровна:
„Гой еси, мое чадо милое,
А и ты младой Констянтинушка Сауловичь!
Есть у тебя на роду батюшка,
Царь Саулъ Леванидовичь;
Поѣхалъ онъ за море синее,
Въ дальну Орду, въ Половецку землю,
Брать дани, невыплаты,
А поѣхалъ онъ на двенадцать лѣтъ;
Я осталася черевоста,
А черевоста осталась на тѣхъ порахъ,—
Только ему Царю слово выговорила:
А кому меня Царицу приказываешь и наказываешь?
Только лишь Царь слово выговорилъ:

Никому я тебя Царицу не приказываю и не наказываю;
А что коли тебѣ Господь сына дастъ,
Ты-де вспой, вскорми,
Сына за мной пошли;
А что коли тебѣ Господи дочерь дастъ,
Вспой, вскорми, за мужъ отдай,
А любимаго зятя за мной пошли.“
Много Царевичь не спрашиваетъ,
Выходилъ на крылечко на красное:
„Конюхи, приспѣшники!
Осѣдлайте скоро мнѣ добра коня
Подъ то сѣделечко Черкесское,
А въ задней слукѣ и въ передней слукѣ
По широну по каменю,
По дорогу по самоцвѣтному;
А не для ради меня молодца,
Басы для ради богатырскія крѣпости,
Для ради пути, для дороженьки,
Для ради темной ночи осенней,
Чтобы видѣть при пути дороженьки —
Темна ночь до бѣла свѣта.“
А и только вѣдь матушка видѣла. —
Ставалъ во стремя вальящатое,
Садился во сѣделечко Черкесское;

Только онъ въ ворота выѣхалъ, —
Въ чистомъ полѣ дымъ столбомъ;
А и только съ собою ружье везетъ,
А везетъ онъ палицу тяжкую
А и мѣдну литу въ триста пудъ.
И наѣхалъ часовню, зашелъ Богу молитися,
А отъ той часовни три дороги лежатъ,
А и перва дорога написана,
А написана дорога вправо:
Кто этой дорогой поѣдетъ,
Конь будетъ сытъ — самому смерть;
А другою крайнею дорогою лѣвою:
Кто этой дорогой поѣдетъ,
Молодецъ самъ будетъ сытъ — конь голоденъ;
А середнею дорогою поѣдетъ:
Убитъ будетъ смертью напрасною.
Втапоры богатырское сердце разъярилося,
Могучи плечи разходилися,
Молодой Константинушка Сауловичь
Поѣхалъ онъ дорогою среднею,
Доѣзжать до рѣки Смородины.
А втапоры Кунгуръ Царь перевозится
Со тѣми ли Татары погаными.
Тутъ Константинушка Сауловичь

Зачалъ Татаровъ съ краю бить
Тою палицею тяжкою, —
Онъ бьется, дерется цѣлой день
Не пиваючи, не ѣдаючи,
Ни на малой часъ отдыхаючи.
День къ вечеру вечеряется,
Ужъ красное солнце закатается,
Молодой Константинушка Сауловичь
Отъѣхалъ онъ отъ Татаръ прочь,
Гдѣ бы молодцу опочивъ держать,
Опочивъ держать и коня кормить.
А ко утру заря занимается —
А и младой Константинушка Сауловичь
Онъ молодецъ ото сна подымается,
Утренней росой умывается,
Бѣлымъ полотномъ утирается,
На востокъ онъ Богу молится.
Скоро-де садился на добра коня,
Поѣхалъ онъ ко Смородинѣ рѣкѣ.
А и тутто Татары догадалися,
Они къ Кунгуру Царю пометалися:
„Гой еси ты, Кунгуръ Царь,
Кунгуръ Царь Самородовичь!
Какъ намъ будетъ дѣтину ловить,

Силы мало осталося у насъ? "
А и Кунгуръ Царь Самородовичь
Научалъ тѣхъ ли Татаръ поганыихъ:
„Копати рвы глубокіе,
Заплетайте вы туры высокіе,
Оставте топорчины дубовыя,
Колотите вы надолбы желѣзные."
А и тутъ Татары поганые
И копали они рвы глубокіе,
Заплетали туры высокіе,
Ставили топорчины дубовыя,
Колотили надолбы желѣзные. —
А по утру рано ранешенько,
На свѣтлой зарѣ, рано утренней,
На всходѣ краснаго солнышка,
Выѣзжалъ удалой доброй молодецъ
Младой Константинушка Сауловичь;
А и бѣгаетъ, скачетъ съ одной стороны
И завернется на другу сторону,
Усмотрѣлъ ихъ Татарскіе вымыслы —
Тамо Татара просто стоятъ,
И которыхъ вислоухихъ всѣхъ прибилъ,
И которыхъ висячихъ всѣхъ оборвалъ.
И пріѣхалъ къ шатру къ Кунгуру Царю

Разбилъ его въ крохи ....
А достальныхъ Татаръ домой отпустилъ. —
И поѣхалъ Константинушка ко городу Угличу;
Онъ бѣгаетъ, скачетъ по чисту полю,
Хоботы металъ по темнымъ лѣсамъ,
Спрашиваетъ себѣ сопротивника,
Сильна могуча богатыря,
Съ кѣмъ побиться, подраться и поратиться.
А Углицки мужики были лукавые,
Городъ Угличь крѣпко заперли,
И взбѣгали на стѣну бѣлокаменнну,
Сами они его обманываютъ:
„Гой еси, удалой доброй молодецъ!
Поѣзжай ты подъ стѣну бѣлокаменну,
А и нѣту у насъ Царя въ Ордѣ, Короля въ Литвѣ,
Мы тебя поставимъ Царемъ въ Орду, Королемъ въ Литву.“

У Константинушки умокъ молодешенекъ,
Молодешенекъ умокъ, зеленешенекъ.
И здавался на ихъ слова прелестныя,
Подъѣзжалъ подъ стѣну бѣлокаменну;
Они крюки, багры заметывали,
Подымали его на стѣну высокую,
Со его добрымъ конемъ.

Мало время замѣшкавши,
И связали ему руки бѣлыя
Въ крѣпки чембуры шелковые;
И сковали ему ноги рѣзвыя,
Въ тѣ ли желѣза Нѣмецкія;
Взяли у него добра коня
И взяли палицу мѣдную,
А и тяжку липу въ триста пудъ;
Сняли съ него платье Царское цвѣтное
И надѣвали на него платье опальное, будто тюремное;
Повели его въ погребы глубокіе,
Мѣсто темной темницы;
Только его посадили молодца,
Запирали дверями желѣзными
И зысыпали хрящемъ, пески мѣлкими.—
Тутъ десятники засовалися,
Бѣгаютъ они по Угличу,
Спрашиваютъ подводы подъ Царя Саула Леванидовича,
И которыя подъ Царя пригодилися.
И проѣхалъ тутъ онъ Царь Саулъ
Во свое Царство въ Алыберское;
Царица его Царя встрѣтила,
А и молода Елена Александровна;
За первомъ поклономъ Царь поздравствовалъ:

„Здравствуй ты, Царица Аввяковна,
А и ты молода Елена Александровна!
Ты осталася черевоста,
Что послѣ меня тебѣ Богъ далъ?"
Втапоры Царица заплакала,
Скрозь слезы едва слезы выговорила:
„Гой еси, Царь Саулъ Леванидовичь!
Вскорѣ послѣ тебѣ Богъ сына далъ,
Попъ приходилъ со молитвою,
Имя давалъ Констинтинушкомъ."
Царь Саулъ Леванидовичь
Много ли Царицу не спрашиваетъ,
А и только онъ слово выговорилъ:
„Конюхи вы мои, приспѣшники!
Сѣдлайте скоро мнѣ добра коня,
Которой жеребецъ стоитъ тридцать лѣтъ."
Скоро тутъ конюхи метались,
Осѣдлали ему того добра коня;
И беретъ онъ Царь свою збрую богатырскую,
Беретъ онъ сабельку острую и копье Мурзамецкое.
Поѣхалъ онъ скоро ко городу Угличу;
А тѣ же мужики Угличи, извощики,
Съ нимъ ѣхавши разсказываютъ,
Какого молодца посадили въ погребы глубокіе,

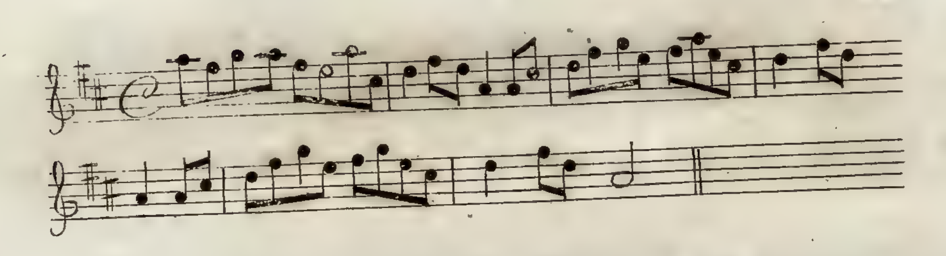
И сказываюшъ каковы коня примѣшы,
И каковъ былъ молодецъ самъ.
Вшапоры Царь Саулъ догадаешся,
Самъ говорилъ шаково слово:
„Глупы вы мужики, неразумные!
Не спросили удала добра молодца
Его дядины, опчины,
Чшо онъ прежде шого
Не мало у Кунгура Царя силы порубилъ,
Можно за шо вамъ его благодаришь и пожаловашь;
А вы его назвали воромъ, разбойникомъ,
И оборвали съ него плашье цвѣшное,
И посадили въ погреба глубокіе,
Мѣсшо шемной шемницы."
И мало время поизойдучи
Подъѣзжалъ онъ Царь ко городу Угличу,
Просилъ у мужиковъ Угличевъ,
Чшобы выдали шакого удала добра молодца,
Кошорой сидишъ въ погребахъ глубокіихъ.
А и шушъ мужики Угличи
Съ нимъ со Царемъ заздорили,
Не пущаюшъ его во Угличь градъ,
И не сказываюшъ про шого удала добра молодца:
Чшо-де у насъ нѣшъ шакого и не бывало.

Старики тутъ вмѣстѣ сходилися,
Они думали думу единую,
Выводили тутъ удала добра молодца
Изъ того ли погреба глубокаго,
И сымали желѣза съ рѣзвыхъ ногъ,
Развязали чембуры шелковые,
Приводили ему добра коня,
А и отдали палицу тяжкую,
А мѣдну липу въ триста пудъ,
И его платьице Царское, цвѣтное:
Наряжался онъ младой Константинушка Сауловичь
Въ тое свое платье Царское, цвѣтное;
Подошелъ Константинушка Сауловичь
Ко Царю Саулу Леванидовичу,
Сталъ свою родину разсказывати.
А и Царь Саулъ спохватается,
А и беретъ его за руку за правую,
И цѣлуетъ его во уста сахарныя:
„Здравствуй мое чадо милое,
Младой Константинушка Сауловичь!“
А и втапоры Царь Саулъ Леванидовичь
Спрашиваетъ мужиковъ Угличевъ:
„Есть ли у васъ мастеръ заплечной съ подмастерьями?“
И тутъ скоро таковыхъ сыскали и ко Царю привели.

Царь Саулъ Леванидовичь
Приказалъ казнить и вѣшати,
Которые мужики были главные во Угличѣ.
И садилися тутъ на свои добры кони,
Поѣхали во свое Царство въ Алыберское.
И будетъ онъ Царь Саулъ Леванидовичь
Во своемъ Царствѣ въ Алыберскомъ,
Со своимъ сыномъ младымъ Константинушкомъ Сау-
ловичемъ,
И съѣхалися со Царицею, обрадовалися:
Не пива у Царя варить, не вина курить, —
Пиръ пошелъ на радостяхъ;
А и пили, да ѣли, потѣшалися.
А и день къ вечеру вечеряется,
Красное солнце закатается,
И гости отъ Царя разъѣхалися.
Тѣмъ старина и кончилася.

XXVI.

САДКО БОГАТОЙ ГОСТЬ.



По славной матушкѣ Волгѣ рѣкѣ
А гулялъ Садко молодецъ тутъ двенадцать лѣтъ,
Никакой надъ собой притки
И скорби Садко не видывалъ,
А все молодецъ во здоровьи пребывалъ.
Захотѣлось молодцу побывать во Новѣгородѣ,
Отрѣзалъ хлѣба великой сукрой,
А и солью насолилъ, его въ Волгу опустилъ:
„А спасибо тебѣ, матушка, Волга рѣка!
А гулялъ я по тебѣ двенадцать лѣтъ,
Никакой я притки, скорби не видывалъ надъ собой,
И въ добромъ здоровьи отъ тебя отошелъ;
А иду я, молодецъ, въ Новгородъ побывать.“
Проговоритъ ему матка Волга рѣка:

„А и гой еси, удалой доброй молодецъ!
Когда придешь ты во Новгородъ,
А стань ты подъ башню проѣзжую,
Поклонися отъ меня брату моему
А славному озеру Ильменю.“
Втапоры Садко молодецъ отошедъ поклонился.
Подошелъ ко Новугороду,
И будетъ у тоя башни проѣзжія,
Подлѣ славнаго озера Ильменя,
Правитъ челобитье великое
Отъ тоя-то матки Волги рѣки,
Говоритъ таково слово:
„А и гой еси, славной Ильмень озеро!
Сестра тебѣ Волга челобитье посылаетъ двою.“
Говорилъ самъ и кланялся.
Малое время замѣшкавши
Приходилъ тутъ отъ Ильмень озера
Удалой доброй молодецъ,
Поклонился ему добру молодцу:
„Гой еси, съ Волги удалъ молодецъ!
Какъ ты-де Волгу сестру знаешь мою?“
А и тотъ молодецъ Садко отвѣтъ держитъ:
„Что-де я гулялъ по Волгѣ двенадцать лѣтъ,
Со вершины знаю и до устья ее

А и нижняго Царства Астраханскаго.“
А сталъ тотъ молодецъ наказывати,
Которой посланъ отъ Ильмень озера:
„Гой еси ты, съ Волги удалъ молодецъ!
Проси бошлыковъ во Новѣгородѣ
Ихъ со тремя неводами,
И съ тѣми людьми со работными,
И заметывай ты неводы во Ильмень озеро.
Что будетъ тебѣ Божья милость.“
Походилъ онъ молодецъ
Къ тѣмъ бошлыкамъ Новогородскіимъ;
И пришелъ онъ, самъ кланяется,
Самъ говоритъ таково слово:
„Гой вы еси, бошлыки, добры молодцы!
А и дайте мнѣ тѣ три невода,
Со тѣми людьми со работными,
Рыбы половити во Ильменѣ озерѣ:
Я вамъ молодцамъ за труды заплачу.“
А и втапоры ему бошлыки не отказывалися,
Сами пошли бошлыки со работными людьми,
И закинули три невода во Ильмень оееро:
Первой неводъ къ берегу пришелъ,
И тутъ въ немъ рыба бѣлая,
Бѣлая вѣдь рыба мѣлкая;

И другой-то вѣдь неводъ къ берегу пришелъ,
Въ томъ-то рыба красная;
А и третій неводъ къ берегу пришелъ,
А въ томъ-то вѣдь рыба бѣлая,
Бѣлая рыба въ три четверти.
Перевозился Садко молодецъ на гостинной дворъ
Со тою рыбою ловленою:
А и перву рыбу перевозили всю;
Клали они рыбу въ погребы;
Изъ другаго же невода онъ въ погребъ же возилъ,
Та была рыба вся красная;
Изъ третьяго невода возили они
Въ тѣ же погребы глубокіе,
Запирали они погребы накрѣпко;
Ставили караулы на гостинномъ на дворѣ.
А и отдалъ тутъ молодецъ тѣмъ бошлыкамъ
За ихъ за труды сто рублевъ.
А не ходитъ Садко на тотъ на гостинной дворъ
по три дни,
На четвертой день погулять захотѣлось:
А и первой въ погребъ заглянетъ онъ;
А на силу Садко тупо двери оттворитъ,
Котора была рыба мѣлкая,
Тѣ-то вѣдь стали деньги дробныя;

И скоро Садко опять запираетъ.
А въ другомъ погребу заглянулъ онъ,
Гдѣ была рыба красная,
Очутились у Садки червонцы лежатъ.
Въ третьемъ погребу заглянулъ Садко,
Гдѣ была рыба бѣлая,
А и тутъ у Садки все монеты лежатъ.
Втапоры Садко купецъ, богатой гость,
Сходилъ Садко на Ильмень озеро,
А бьетъ челомъ, поклоняется:
„Батюшко мой, Ильмень озеро!
Поучи меня жить во Новѣградѣ.“
А и тутъ ему говорилъ Ильмень озеро:
„А и гой еси, удалой доброй молодецъ!
Поводись ты со людьми со таможенными,
А и только про ихъ ты обѣдъ доспѣй,
Позови молодцовъ посадскихъ людей, —
А станутъ-те знать и вѣдати.“
Тутъ молодецъ догадается,
Сдѣлалъ обѣдъ про таможныхъ людей,
А сталъ онъ водится со посадскими людьми.
И будетъ во Новѣгородѣ
У того ли Николы Можайскаго;
Тѣ мужики Новогородскіе сходилися

На братчину Никольщину,
Начинають пить канунъ, пива ячныя:
И пришелъ тутъ къ нимъ удалой доброй молодецъ,
Удалой молодецъ былъ Волгской суръ,
Бьетъ челомъ, поклоняется:
„А и гой вы еси, мужики Новогородскіе!
Примите меня во братчину Никольщину,
А и я вамъ сыпь плачу немалую."
А и тѣ мужики Новогородскіе
Примали его во братчину Никольщину,
Далъ молодецъ имъ пятдесятъ рублевъ.
А и зачали пить пива ячныя,
Напивались молодцы уже до пьяна, —
А и съ хмѣлю тутъ Садко захвастался:
„А и гой еси вы, молодцы, славны купцы!
Припасите вы мнѣ товаровъ во Новѣгородѣ,
По три дни и по три упова,
Я выкуплю тѣ товары по три дни, по три упова,
Не оставлю товаровъ ни на денежку,
Ни на малу разну полушечку;
А то коли я товары не выкуплю,
Заплачу казны вамъ сто тысячей."
А и тутъ мужики Новогородскіе
Тѣ-то-де рѣчи его записывали.

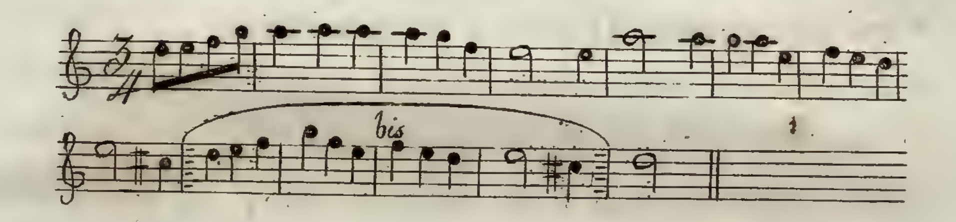
А и выпили канунъ, пива ячныя,
И заставили Садку ходить по Новугороду,
Закупати товары во Новѣгородѣ
Тою ли цѣною повольною.
А и ходитъ Садко по Новугороду,
Закупаетъ онъ товары повольной цѣною:
Выкупилъ товары во Новѣгородѣ,
Не оставилъ товару ни на денежку,
Ни на малу разну полушечку. —
Вложилъ Богъ желанье въ ретиво сердце,
А и шедъ Садко Божій храмъ сорудилъ
А и во имя Стефана Архидьякона:
Кресты, маковицы золотомъ золотилъ,
Онъ мѣстны иконы изукрашивалъ,
Изукрашивалъ иконы, чистымъ жемчугомъ усадилъ,
Царскія двери вызолачивалъ.
А и ходитъ Садко по второй день по Новугороду,
Во Новѣградѣ товару больше старого:
Онъ выкупилъ товары и по второй день,
Не оставилъ товару ни на денежку,
Ни на малу разну полушечку. —
И вложивалъ ему Богъ желанье въ ретиво сердце,
Шедъ Садко Божій храмъ сорудилъ
А и во имя Софіи премудрыя:

Кресты, маковицы золотомъ золотилъ,
Мѣстны иконы изукрашивалъ,
Изукрашивалъ иконы, чистымъ жемчугомъ усадилъ,
Царскія двери вызолачивалъ.
А и ходитъ Садко по третій день,
По третій день по Новугороду,
Во Новѣгородѣ товару больше стараго,
Всякіихъ товаровъ заморскіихъ:
Онъ выкупилъ товары въ половину дня,
Не оставилъ товару ни на денежку,
Ни на малу разну полушечку. —
Много у Садки казны осталася,
Вложилъ Богъ желанье въ ретиво сердце,
Шедъ Садко Божій храмъ сорудилъ
Во имя Николая Можайскаго:
Кресты, маковицы золотомъ золотилъ,
Мѣстны иконы изукрашивалъ,
Изукрашивалъ иконы, чистымъ жемчугомъ усадилъ,
Царскія двери вызолачивалъ.
А и ходитъ Садко по четвертой день,
Ходилъ Садко по Новугороду,
А и цѣлой день онъ до вечера,
Не нашелъ онъ товаровъ во Новѣгородѣ
Ни на денежку, ни на малу разну полушечку.

Зайдетъ Садко онъ во темной рядъ,
И стоятъ тутъ черепаны, гнилые горшки,
А всѣ горшки уже битые;
Онъ самъ Садко усмѣхается,
Даетъ деньги за тѣ горшки,
Самъ говоритъ таково слово:
Пригодятся ребятамъ черепками играть,
Поминать Садку, гостя богатаго,
Что не я Садко богатъ — богатъ Новгородъ
Всякими товарами заморскими,
И тѣми черепанами, гнилыми горшки.

XXVII.

МИХАЙЛО СКОПИНЪ



Какъ бы во сто двадцать седьмомъ году,
Въ седьмомъ году, въ осьмой тысячи,
А и дѣялось, учинилося
Кругомъ сильна Царства Московскаго,
Литва облегла со всѣ четыре стороны;
А и съ нею сила, Сорочина долгополая,
И тѣ Черкесы Пятигорскіе,
Еще ли Калмыки съ Татарами,
Со Татарами, со Башкирцами,
Еще Чукши со Люторами.
Какъ были припасы многіе,
А и Царскіе и Княженецкіе,
Боярскіе и дворянскіе;
А не льзя ни пройти, ни проѣхати,

Ни конному, ни пѣшему,
И ни соколомъ вонъ вылетѣти
А изъ сильна Царства Московскаго
И Великаго Государства Россійскаго.
А Скопинъ Князь Михайло Васильевичь
Онъ Правитель Царству Московскому,
Оберегатель міру крещеному
И всей нашей земли свѣто-Рускія,
Что ясенъ соколъ вонъ вылетывалъ,
Какъ бы бѣлой кречетъ вонъ выпархивалъ,
Выѣзжалъ Воевода Московской Князь Скопинъ,
Князь Михайло Васильевичь,
Онъ походъ чинилъ ко Новугороду.
Какъ и будетъ Скопинъ во Новѣградѣ,
Пріѣзжалъ онъ Скопинъ на съѣжій дворъ,
Походилъ во избу во съѣзжую,
Садился Скопинъ на ременчатъ стулъ,
А и беретъ чернилицу золотую,
Какъ бы въ ней перо лебединое,
И беретъ онъ бумагу бѣлую,
Писалъ ярлыки скорописчаты
Во Свицкую землю, Саксонскую,
Ко любимому брату названому,
Ко Свицкому Королю Карлосу;

А отъ мудрости слово поставлено:
„А и гой еси, названой братъ,
А ты Свицкой Король Карлусъ!
А и смилуйся, смилосердися,
Смилосердися, покажи милость,
А и дай мнѣ силы на подмочь;
Наше сильно Царство Московское
Литва облегла со всѣ четыре стороны,
Приступила Сорочина долгополая,
А и тѣ Черкесы Пятигорскіе,
А и тѣ Калмыки со Башкирцами,
А и тѣ Чукши со Люторами;
И не можемъ мы съ ними управиться:
Я закладываю три города Рускіе.“
А съ ярлыками послалъ скораго почтаря,
Своего любимаго шурина
А того Митрофана Фунтосова.
Какъ и будетъ почтарь въ Половецкой Ордѣ
У честна Короля, честнаго Карлуса,
Онъ въѣзжаетъ прямо на Королевской дворъ,
А ко Свицкому Королю Карлусу,
Середи двора Королевскаго
Скочилъ почтарь со добра коня,
Вязалъ коня къ дубову столбу,

Сумы подхватилъ, самъ во палаты идетъ;
Ни за чѣмъ почтарь не замѣшкался,
Приходитъ во палату бѣлокаменну,
Разковыривалъ сумы, вынималъ ярлыки,
Онъ кладетъ Королю на круглой столъ. —
Принимавши Король разпечатываетъ,
Разпечаталъ, самъ просматриваетъ,
И печальное слово повыговорилъ;
Отъ мудрости слово поставлено:
Отъ любимаго брата названаго,
Скопина Князя Михайлы Васильевича,
Какъ проситъ силы на подмочь,
Закладываетъ три города Рускіе.
А честной Король, честной Карлусъ
Показалъ ему милость великую,
Отправляетъ силы со трехъ земель:
А и первыя силы-то Свицкія,
А другія силы Саксонскія,
А третія силы Школьскія —
Того ратнаго люду ученаго,
А не много, ни мало — сорокъ тысячей.
Прибыла сила во Новгородъ,
Изъ Новагорода въ каменну Москву, —
У ясна сокола крылья отросли,

У Скопина Князя думушки прибыло.
А поутру, рано ранешенько
Въ Соборѣ Скопинъ онъ заутреню отслужилъ,
Отслужилъ, самъ въ походъ пошелъ,
Подымавши знаменье Царское;
А на знаменьи было написано
Чуденъ Спасъ со Пречистою,
На другой сторонѣ было написано
Михайло и Гаврило Архангелы,
Еще вся тута сила небесная.
Въ восточную сторону походомъ пошли,
Они вырубили Чудь бѣлоглазую,
И ту Сорочину долгополую;
Въ полуденную сторону походомъ пошли,
Прекрошили Черкесъ Пятигорскіихъ,
А не много дралися, скоро сами сдались,
Еще нонѣ тутъ Малороссія;
А на сѣверну сторону походомъ пошли,
Прирубили Калмыковъ со Башкирцами;
А на западну сторону и въ ночь пошли,
Прирубили Чукши со Люторами;
А кому будетъ Божья помочь —
Скопину Князю Михайлѣ Васильевичу,
Онъ очистилъ Царство Московское

И Велико Государство Россійское.
На великихъ тѣхъ на радостяхъ
Служили обѣдни съ молебнами,
И кругомъ города ходили въ каменной Москвѣ;
Отслуживши обѣдни съ молебнами,
И всю литургію великую,
На великихъ на радостяхъ пиръ пошелъ,
А пиръ пошелъ и великой столъ.
И Скопина Князя Михайлу Васильевича,
Про весь православной міръ,
И велику славу до вѣку поютъ
Скопину Князю Михайлѣ Васильевичу. —
Какъ бы малое время замѣшкавши
А во той же славной каменной Москвѣ,
У того ли было Князя Воротынскаго,
Крестили младаго Князевича,
А Скопинъ Князь Михайло кумомъ былъ,
А кума была дочь Малютина,
Того Малюты Скурлатова.
У того-то Князя Воротынскаго
Какъ будетъ и почестной столъ,
Тутъ было много Князей и бояръ и званыхъ гостей:
Будетъ пиръ во полу пирѣ,
Княженецкой столъ во полу столѣ,

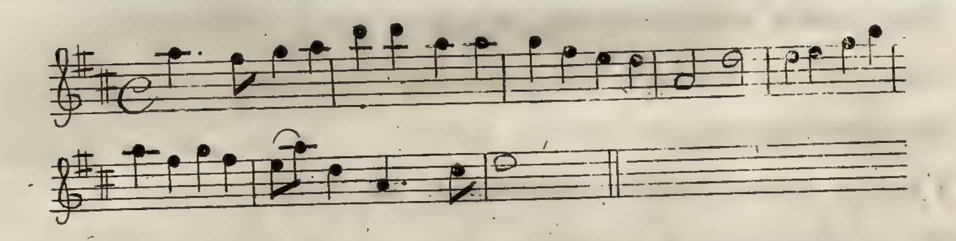
Какъ пьянинькй тутъ разхвастались,
Сильной хвастаетъ силою,
Богатой хвастаетъ богатествомъ;
Скопинъ Князь Михайло Васильевичь
А и не пилъ онъ зелена вина,
Только одно пиво пилъ и сладкой медъ,
Не съ большаго хмѣлю онъ похвастается:
„А вы глупой народъ, неразумные!
А всѣ вы похваляетесь бездѣлицей:
Я Скопинъ, Михайло Васильевичь,
Могу Князь похвалитися,
Что очистилъ Царство Московское
И Велико Государство Россійское;
Еще ли мнѣ славу поютъ до вѣку,
Отъ стараго до малаго,
Отъ малаго, до вѣку моего.“
А и тутъ боярамъ за бѣду стало,
Въ тотъ часъ они дѣло сдѣлали;
Поддернули зелья лютаго,
Подсыпали въ стаканъ, въ меды сладкіе,
Подавали кумѣ его крестовыя,
Малютиной дочи Скурлатовой.
Она знавши, кума его крестовая,
Подносила стаканъ меду сладкаго

Скопину Князю Михайлѣ Васильевичу.
Примаетъ Скопинъ, не отпирается,
Онъ выпилъ стаканъ меду сладкаго,
А самъ говорилъ таково слово:
„Услышалъ во утробѣ неловко добрѣ! —
А и ты съѣла меня кума крестовая,
Малютина дочь Скурлатова;
А зазнаючи мнѣ со зельемъ стаканъ подала, —
Съѣла ты меня змѣя подколодная!“
Голова съ плечь покатилася,
Онъ и тутъ Скопинъ скоро со пиру пошелъ,
Онъ садился Скопинъ на добра коня,
Побѣжалъ къ родимой матушкѣ;
А только успѣлъ съ нею проститися,
А матушка ему пѣнять стала:
„Гой еси, мое чадо милое,
Скопинъ Князь Михайло Васильевичь!
Я тебѣ приказывала,
Не велѣла ѣздить ко Князю Воротынскому;
А и ты меня не послушался,
Лишила тебя свѣту бѣлаго
Кума твоя крестовая,
Малютина дочь Скурлатова.“
Онъ къ вечеру Скопинъ и преставился. —

То старина, то и дѣянье,
Какъ бы синему морю на утишенье,
А быстрымъ рѣкамъ слава до моря,
Какъ бы добрымъ людямъ на послушанье,
Молодымъ молодцамъ на перениманье,
Еще намъ веселымъ молодцамъ на потѣшенье,
Сидючи въ бесѣдѣ смиренныя,
Изпиваючи медъ, зелено вино;
Гдѣ-ко пиво пьемъ, тутъ и честь воздаемъ
Тому бояриНу великому
И хозяину своему ласкову.

XXVIII.

ВЗЯТЬЕ КАЗАНСКАГО ЦАРСТВА.



Середи было Казанскаго Царства
Что стояли бѣлокаменны палаты,
А изъ спальни, бѣлокаменной палаты,
Ото сна тутъ Царица пробуждалася,
Царица Елена Симеону Царю она сонъ разсказала:
,,А и ты встань Симеонъ Царь, пробудися!
Что ночесь мнѣ Царицѣ мало спалося,
Въ сновидѣньицѣ много видѣлося;
Какъ отъ сильнаго Московскаго Царства
Кабы сизой орлище встрепенулся,
Кабы грозная туча подымалась,
Что на наше вѣдь Царство наплывала;
А изъ сильнаго Московскаго Царства
Подымался Великій Князь Московскій

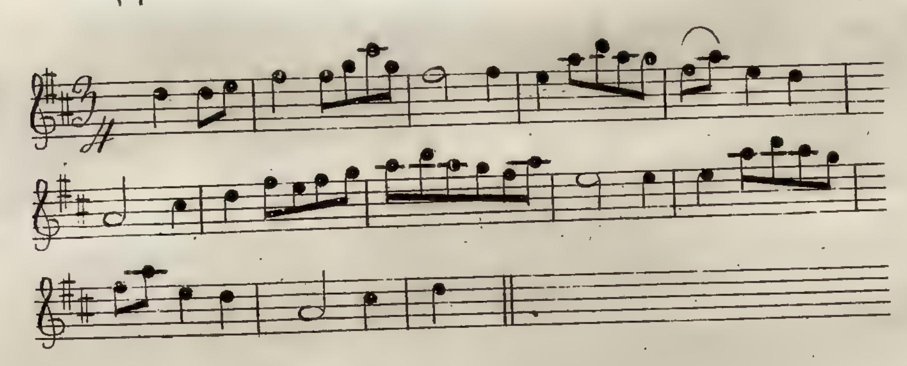
А Иванъ, сударь, Васильевичь, прозритель,
Со тѣми ли пѣхотными полками,
Что со старыми славными козаками.
Подходили подъ Казанское Царство за пятнадцать верстъ,
Становились они подкопью подъ Булатъ рѣку,
Подходили подъ другую, подъ рѣку подъ Казанку,
Съ чернымъ порохомъ бочки закатали,
А и подъ гору ихъ становили,
Подводили подъ Казанское Царство;
Воску яраго свѣчу становили,
А другую вѣдь на полѣ въ лагерѣ:
Еще на полѣ свѣча та сгорѣла,
А въ землѣ-то идетъ свѣча тишѣя.
Возпалился тутъ Великій Князь Московскій,
Князь Иванъ, сударь, Васильевичь, прозритель,
И зачалъ кононеровъ тутъ казнити.
Что началася отъ канонеровъ измѣна,
Что большой за меньшаго хоронился,
Отъ меньшаго ему Князю отвѣту нѣту;
Еще тутъ ли молодой канонеръ выступался:
„Ты Великій, сударь, Князь Московскій!
Не вели ты насъ канонеровъ казнити:
Что на вѣтрѣ свѣча горитъ скорѣе,

А въ землѣ-то свѣча идетъ тише.“
Позадумался Князь Московскій,
Онъ и сталъ тѣ-то рѣчи размышляти собою,
Еще какъ бы это дѣло оттянути.
Они тѣ-то рѣчи говорили,
Догорѣла въ землѣ свѣча воску яраго
До тоя-то бочки съ чернымъ порохомъ,—
Принималися бочки съ чернымъ порохомъ,
Подымало высокую гору,
Разбросало бѣлокаменны палаты.
И бѣжалъ тутъ Великій Князь Московскій
На тое ли высокую гору,
Гдѣ стояли Царскія палаты.
Что Царица Елена догадалась,
Она сыпала соли на ковригу,
Она съ радостью Московскаго Князя встрѣчала
А того ли Ивана, сударь, Васильевича, прозрителя;
И за то онъ Царицу пожаловалъ
И привелъ въ крещеную вѣру,
Въ монастырь Царицу постригли.
А за гордость Царя Симеона,
Что не встрѣтилъ Великаго Князя онъ,
И вынялъ ясны очи косицами;
Онъ и взялъ съ него Царскую корону

И снялъ Царскую порфиру,
Онъ Царской костыль въ руки принялъ.
И въ то время Князь воцарился
И насѣлъ въ Московское Царство,
Что тогда-де Москва основалася;
И съ тѣхъ поръ великая слава.

XXIX.

ПОДЪ КОНОТОПОМЪ ПОДЪ ГОРОДОМЪ.



За рѣкою, переправою, за деревнею Сосновкою,
Подъ Конотопомъ подъ городомъ, подъ стѣною бѣло-
каменной,
На лугахъ, лугахъ зеленыихъ,
Тутъ стоятъ полки Царскіе,
Все полки Государевы,
Да и роты были дворянскія.
А изъ далеча изъ чиста поля,
Изъ того ли изъ раздолья широкаго,
Кабы черные вороны табуномъ табунилися,
Собиралися, съѣзжались Калмыки со Башкирцами,
Напущалися Татарове на полки Государевы;

Они спрашиваютъ Татарове
Изъ полковъ Государевыхъ себѣ сопротивника.
А изъ полку Государева сопротивника
Не выбрали ни изъ Стрѣльцовъ, ни изъ солдатъ молодцовъ.
Втапоры выѣзжалъ Пожарской Князь,
Князь Семенъ Романовичь,
Онъ Бояринъ большой словетъ, Пожарской Князь,
Выѣзжалъ онъ на вылазку
Сопротивъ Татарина и злодѣя наѣздника;
А Татаринъ у себя держитъ въ рукахъ копье острое,
А славной Пожарской Князь
Одну саблю острую во рученькѣ правыя.
Какъ два ясные соколы въ чистомъ полѣ слеталися,
А съѣзжались въ чистомъ полѣ
Пожарской Бояринъ съ Татариномъ.
Помогай Богъ Князю Семену Романовичу Пожарскому —
Своею саблей острою онъ отводилъ остро копье Татарское,
И срубилъ ему голову, что Татарину наѣзднику.
А завыли злы Татарове поганые,
Убилъ у нихъ наѣздника, что ни славнаго Татарина.
А злы Татарове Крымскіе, они злы да лукавые,
Подстрѣлили добра коня у Семена Пожарскаго,

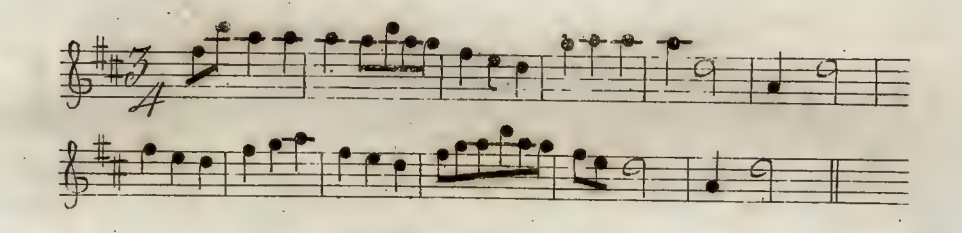
Падаетъ его окорачь доброй конь.
Возкричитъ Пожарской Князь во полки Государевы:
„А и вы солдаты новобраные, вы стрѣльцы Государевы!
Подведите мнѣ добра коня, увезите Пожарскаго,
Увезите во полки Государевы.“
Злы Татарове Крымскіе, они злы да лукавые,
А металися грудою, полонили Князя Пожарскаго,
Увезли его во свои степи Крымскія
Къ самому Хану Крымскому — деревенской шишиморѣ,
Его сталъ онъ допрашивать:
„А и гой еси, Пожарской Князь,
Князь Семенъ Романовичь!
Послужи ты мнѣ вѣрою, да ты вѣрою правдою,
Заочью неизмѣною,
Еще какъ ты Царю служилъ, да Царю своему Бѣлому;
А и такъ-то ты мнѣ служи, самому Хану Крымскому,
Я вѣдь буду тебя жаловать златомъ и серебромъ,
Да и женки прелестными, и душами красными дѣвицами.“
Отвѣчаетъ Пожарской Князь самому Хану Крымскому:
„А и гой еси Крымской Ханъ—деревенской шишимора!
Я бы радъ тебѣ служить, самому Хану Крымскому,
Кабы не скованы мои рѣзвы ноги,
Да не связаны бѣлы руки во чембуры шелковые,

Кабы мнѣ сабелька острая,
Послужилъ бы тебѣ вѣрою на твоей буйной головѣ,
Я срубилъ тебѣ буйну голову.“
Скричитъ тутъ Крымской Ханъ, деревенской шиши-
мора:
„А и вы Татары поганые!
Увезите Пожарскаго на горы высокія, срубите ему
голову,
Изрубите его бѣло тѣло во части во мѣлкія,
Разбросайте Пожарскаго подалече чисту полю.“
Кабы черные вороны закричали, загайкали,
Ухватили Татарове Князя Семена Пожарскаго,
Повезли его Татарове они на гору высокую,
Сказнили Татарове Князя Семена Пожарскаго,
Отрубили буйну голову,
Изсѣкли бѣло тѣло во части во мѣлкія,
Разбросали Пожарскаго подалече чисту полю,
Они сами уѣхали къ самому Хану Крымскому.
Они день другой нейдутъ, никто не провѣдаетъ,
А изъ полку было Государева козаки двое выбрались,
Эти двое козаки молодцы,
Они на гору пѣшкомъ пошли,
И взошли тупо на гору высокую,
И увидѣли тѣ молодцы то вѣдь тѣло Пожарскаго:

Голова его по себѣ лежитъ, руки ноги разбросаны,
А его бѣло тѣло во части изрублено
И разбросано по раздолью широкому.
Эти козаки молодцы его тѣло собрали,
Да въ одно мѣсто складывали;
Они сняли съ себя липовой лубъ,
Да и тутъ положили его,
Увязали липовой лубъ накрѣпко,
Понесли его Пожарскаго Конотопу ко городу.
Въ Конотопѣ городѣ пригодился тамъ Епископъ быть,
Собиралъ онъ Епископъ поповъ и дьяконовъ
И церковныхъ причетниковъ,
И тѣмъ козакамъ удалымъ молодцамъ
Приказалъ обмыть тѣло Пожарскаго.
И склали его бѣло тѣло въ домовище дубовое,
И покрыли тою крышкою бѣлодубовою;
А и тутъ люди дивовалися,
Что его тѣло въ мѣсто срасталося,
Отпѣвавши надлежащее погребеніе,
Бѣло тѣло его погребли во сыру землю,
И пропѣли пѣтье вѣчное
Тому Князю Пожарскому.

XXX.

СВѢТЕЛЪ, РАДОШЕНЪ ЦАРЬ АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЬ.

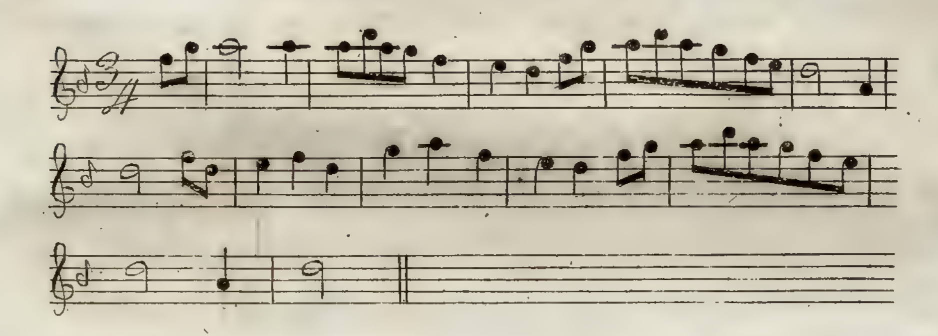


Когда свѣтелъ, радошенъ во Москвѣ
Благовѣрный Царь Алексѣй, Царь Михайловичь,
Народилъ Богъ ему сына Царевича Петра Алексѣевича,
Перваго Императора по землѣ.
Всѣ-то Руские какъ плотники мастеры
Во всю ноченьку не спали, колыбель, люльку дѣлали
Они младому Царевичу;
А и нянюшки, мамушки, сѣнныя красныя дѣвушки
Во всю ноченьку не спали, шинкарочку вышивали,
По бѣлому рытому бархату они краснымъ золотомъ;
Тюрьмы съ покаянными они всѣ разпущалися;
А и погребы Царскіе они всѣ разтворялися. —
У Царя благовѣрнаго еще пиръ и столъ на радости,

А Князи сбиралися, бояра съѣзжалися и дворяне сходилися,
А все народъ Божій на пиру пьютъ, ѣдятъ, прохлаждаются, —
Во весельи, въ радости не видали какъ дни прошли
Для младаго Царевича Петра Алексѣевича,
Перваго Императора.

XXXI.

КОГДА БЫЛО МОЛОДЦУ, ПОРА, ВРЕМЯ ВЕЛИКОЕ.



Когда было молодцу, пора, время великое,
Чесшь, хвала молодецкая:
Господь Богъ миловалъ, Государь Царь жаловалъ,
Отецъ, машь — молодца у себя во любви держалъ,
А и родъ, племя на молодца не могушъ насмошрѣ-
шися,
Сусѣди, ближніе почишаюшъ и жалуюшъ,
Друзья и шоварищи на совѣшъ съѣзжаюшся,
Совѣшу совѣшовашь, крѣпку думушку думаши
Они про службу Царскую и про службу воинскую.
Скашилась ягодка съ сахарнаго деревца,
Оошломилась вѣшочка ошъ кудрявыя ошъ яблони,

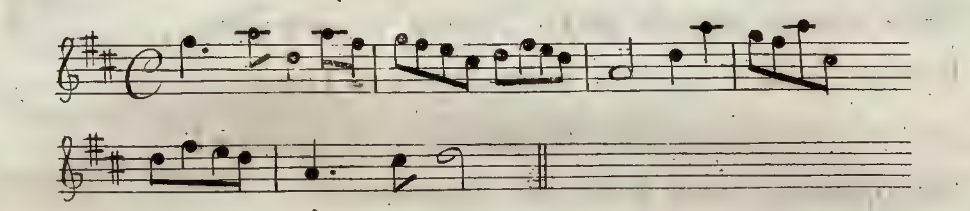
Отстаетъ доброй молодецъ отъ отца, сынъ отъ матери;
А нынѣ ужъ молодцу безвремянье великое:
Господь Богъ прогнѣвался, Государь Царь гнѣвъ взложилъ,
Отецъ и мать молодца у себя не въ любви держатъ,
А и родъ, племя молодца не могутъ и видѣти,
Сусѣди, ближніе не чтутъ, не жалуютъ,
А друзья, товарищи на совѣтъ не съѣзжаются,
Совѣту совѣтовать, крѣпку думушку думати
Про службу Царскую и про службу воинскую;
А нынѣ ужъ молодцу кручина великая и печаль немалая.
Съ кручины-де молодецъ, со печали великія,
Пошелъ доброй молодецъ онъ на свой конюшенной дворъ,
Бралъ доброй молодецъ онъ добра коня стоялаго,
Наложилъ доброй молодецъ
Онъ уздицу тесмянную, седѣлечко Черкесское,
Садился доброй молодецъ на добра коня стоялаго,
Поѣхалъ доброй молодецъ на чужу, дальну сторону.
Какъ бы будетъ молодецъ у рѣки Смородины,
А и взмолится молодецъ:
„А и ты мать, быстра рѣка, ты быстра рѣка Смородина!

Ты скажи мнѣ, быстра рѣка, ты про броды конины,
Про мосточки калиновы, перевозы частые.“
Провѣщится быстра рѣка человѣческимъ голосомъ,
Да и душей красной дѣвицей:
„Я скажу те быстра рѣка, доброй молодецъ,
Я про броды конины, про мосточки калиновы, перевозы частые:
Со броду конинаго я беру по добру коню,
Съ перевозу частаго по сѣделечку Черкесскому,
Со мосточку калинова по удалому молодцу;
А тебя безвремяннаго молодца
Я и такъ тебя пропущу.“
Переѣхалъ молодецъ за рѣку за Смородину,
Онъ отъѣхалъ молодецъ какъ бы версту другую,
Онъ своимъ глупымъ разумомъ молодецъ похваляется:
„А сказали про быстру рѣку Смородину,
Ни пройти, ни проѣхати—ни пѣшему, ни конному,
Она хуже быстра рѣка тое лужи дождевыя.“
Скричитъ за молодцемъ, какъ въ сугонь, быстра рѣка Смородина
Человѣческимъ языкомъ, душей красной дѣвицей:
„Безвремянной молодецъ! ты забылъ за быстрой рѣкой
Два друга сердечные, два остра ножа булатные,
На чужой дальной сторонѣ оборона великая.“

Воротился молодецъ за рѣку за Смородину,
Не льзя что не ѣхати за рѣку за Смородину,
Не узналъ доброй молодецъ того броду конинаго,
Не увидѣлъ молодецъ перевозу частаго,
Не нашелъ доброй молодецъ онъ мосточку калинова,
Поѣхалъ-де молодецъ онъ глубокими омуты.
Онъ перву ступень ступилъ, по черевъ конь утонулъ,
Другу ступень ступилъ, по сѣделечко Черкесское,
Третью ступень конь ступилъ, уже гривы не видѣти.
А и взмолится молодецъ: „а и ты, мать, быстра рѣка,
Ты быстра рѣка Смородина!
Къ чему ты меня топишь безвремяннаго молодца?“
Провѣщится быстра рѣка человѣческимъ языкомъ,
Она душей красной дѣвицей:
„Безвремянной молодецъ! не я тебя топлю
Безвремяннаго молодца, топитъ тебя,
Молодецъ, похвальба твоя, пагуба.“
Утонулъ доброй молодецъ во Москвѣ рѣкѣ Смородинѣ;
Выплывалъ его доброй конь на крутые берега,
Прибѣгалъ его доброй конь къ отцу его и матери,
На лукѣ на сѣдельныя ярлычекъ написанной:
Утонулъ доброй молодецъ во Москвѣ рѣкѣ Смородинѣ.

XXXII.

ПОДЪ РИГОЮ СТОЯЛЪ ЦАРЬ ГОСУДАРЬ.

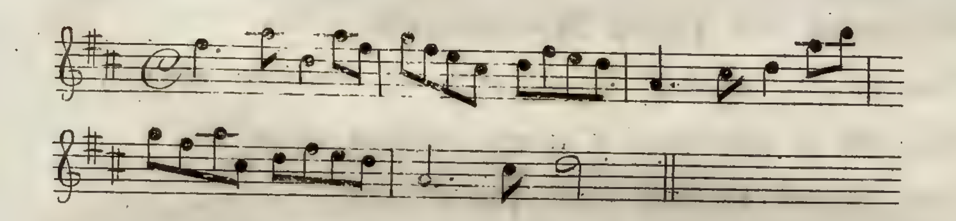


А подъ славнымъ было городомъ подъ Ригою
Что стоялъ Царь Государь по три годы,
Еще бывшій Алексѣй Царь Михайловичь.
Изволилъ Царь Государь наряжатися,
Наряжается Царь Государь въ каменну Москву
А и бывшій Алексѣй Царь Михайловичь.
Что поутру было рано ранешенько,
Какъ на свѣтлой зарѣ на утренней,
На восходѣ было краснаго солнышка,
Какъ бы гуси, лебеди воскикали,
Говорили солдаты новобраные:
„А свѣтъ Государь, благовѣрной Царь,
А и бывшій Алексѣй Царь Михайловичь!
Ты изволишь наряжаться въ каменну Москву,

Не оставь ты насъ бѣдныхъ подъ Ригою, —
Ужъ и такъ намъ-де Рига наскучила,
Она скучила намъ Рига, напрокучила:
Много холоду, голоду приняли,
Наготы, босоты вдвое того."
Что злата труба подъ Ригою протрубила,
Прогласилъ Государь благовѣрный Царь:
„А и дѣтушки, вы солдаты новобраные!
Не однимъ вамъ Рига-то наскучила,
Самому мнѣ Государю напроскучила;
Когда Богъ насъ принесетъ въ каменну Москву,
А забудемъ бѣдность, нужу великую, —
А и выставлю вамъ погребы Царскіе,
Что съ пивомъ, съ виномъ меды сладкіе.

XXXIII.

ПОХОДЪ СЕЛЕНГИНСКИМЪ КОЗАКАМЪ.



А за славнымъ было батюшкомъ за Байкаломъ моремъ,
А и вверхъ было по матке Селенге по реке,
Изъ верхняго острогу Селенгинскаго
Только высылка была удалымъ молодцамъ,
Была высылка добрымъ молодцамъ,
Удалымъ молодцамъ Селенгинскимъ козакамъ;
А вторая высылка посольскимъ стрельцамъ;
На поддачу имъ даны были табуноцки мужики,
Табуноцки мужики, люди ясашные.
Воевода походилъ у нихъ Θедоръ молодой Дементьяновичь,
Ясауломъ походилъ у него братъ родной
А по имени Прокофій Козеевъ молодецъ.
Переправились козаки за Селенгу за реку,
Напущалися на улусы на Мунгальскіе.

По грѣхамъ надъ улусами учинилося,
А Мунгаловъ въ домахъ негодилося,
Они ѣздили за звѣрями обловами, —
Они тупто козаки усмѣхаются,
Раззорили всѣ улусы Мунгальскіе:
Они женъ, дѣтей Мунгаловъ во полонъ взяли,
Шкарбъ и живопъ у нихъ обрали весь.
Они спали козаки переправляшися
На другу спорону за Селенгу за рѣку, —
Опилися кумысу—кобыльяго молока.—
Изъ-за пого было бѣлаго каменя
Какъ бы черные вороны налепывали,
Набѣгали шупъ Мунгалы изъ чиспа поля —
Учинилася, бой, драка шупъ великая:
Они женъ, дѣтей Мунгалокъ и отбили назадъ;
А прибили козаковъ много до смерпи,
Вдвое впрое козаковъ ихъ переранили, —
Табуноцки мужики на побѣгъ пошли,
Доспальныхъ козаковъ своихъ выдали. —
А прибудупъ козаки въ Селенгинской оспрогъ,
По базарамъ козаки они похаживаюпъ,
А и хваспаюпъ козаки Селенгинскіе молодцы
А своими вѣдь . . . . . . широкими.

XXXIV.

ПОДОЛАМЪ ДѢВИЦА КОПАЛА КОРЕНЬЯ ЛЮТЫЯ.

Кабы по горамъ горамъ, по высокіимъ горамъ,
Кабы по доламъ доламъ, по широкіимъ доламъ,
А и покрай было моря синяго,
И по тѣмъ по хорошіимъ зеленымъ лугамъ,
Тутъ ходила, гуляла душа красная дѣвица;
А копала она коренья, зелье лютое.
Она мыла тѣ кореньица въ синемъ морѣ,
А сушила кореньица въ муравленой пѣчи,
Разтирала тѣ коренья во серебряномъ кубцѣ,
Разводила тѣ кореньица меды сладкими,
Разсычала коренья бѣлымъ сахаромъ —
И хотѣла извести своего недруга;

Не взначае извела своего друга милаго,
Она по роду брашца родимаго.
И разплачешся дѣвица надъ молодцемъ,
Она плачешъ дѣвица убиваючи,
Она жалобно дѣвица причишаючи:
Занапрасно головушка погибнула.

XXXV.

ПЕРЕДЪ НАШИМИ ВОРОТАМИ УТОПТАНА ТРАВА.

Передъ нашими широкими воротами
А утоптана трава, утолочена мурава,
Ощипаны цвѣточки лазоревые. —
Еще кто траву стопталъ, кто мураву сполочилъ?
Сотоптала, столочила красная дѣвица душа
Стоючи она съ надежею съ милымъ другомъ.
Онъ держалъ красну дѣвицу за бѣлы ручки
И за хороши за перстни злаченые,
Цѣловалъ, миловалъ, ко сердцу прижималъ,
Называлъ красну дѣвицу животомъ своимъ.
И проговоритъ дѣвица душа красная:
„Ты надежа мой, надежа сердечной другъ!
А не честь твоя, хвала молодецкая,

Безъ числа больно надежа упиваешся,
А и ты мной красной дѣвицей похваляешся;
А и ты будто надо мной все насмѣхаешся.“
Ему тупо молодцу за бѣду стало,
Какъ онъ бьетъ красну дѣвицу по бѣлу ея лицу:
Онъ разшибъ у дѣвицы лице бѣлое,
Проливалъ у дѣвицы кровь горячую,
Замаралъ на дѣвицѣ платье цвѣтное.
Разплачется дѣвица передъ молодцемъ;
„Когда тебѣ дѣвица не въ любви пришла,
А и ты сдѣлай мнѣ надежа вепляниньской стружокъ,
А и ты сдѣлай мнѣ на немъ муравленой чердачокъ,
А и сдѣлай бесѣду дорогъ рыбій зубъ,
Изподерни ту бесѣду рытымъ бархатомъ,
А и дай мнѣ надежа пятдесятъ гребцовъ,
А другое пятдесятъ въ провожатые,
Отпусти меня, другъ, надежа за сине море,
За сине море во почестной монастырь;
Постригусь я молодешенька, посхимлюся —
На постриженье ты дай мнѣ пятдесятъ рублевъ,
На посхименье дай мнѣ другое пятдесятъ.

XXXVI.

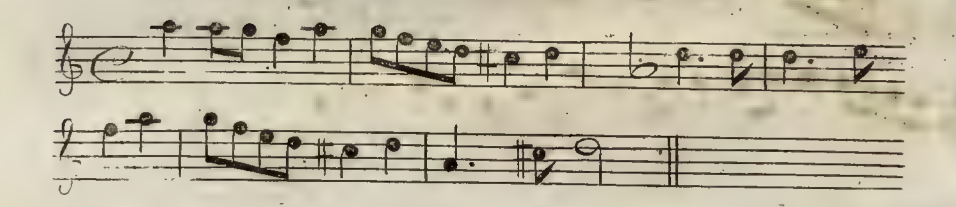
ДА НЕ ЖАЛЬ ДОБРА МОЛОДЦА БИТАГО — ЖАЛЬ ПОХМѢЛЬНАГО.

А и не жаль мнѣ-ко битаго, грабленаго,
А и того ли Ивана Сутырина,
Только жаль добраго молодца похмѣльнаго
А того ли *Кирилу Даниловича* (*).
У похмѣльнаго добраго молодца буйна голова болитъ:
А вы милы мои братцы, товарищи, друзья!
Вы купите винца, опохмѣльте молодца —
Хотя горько, да жидко — давай еще;
Замѣните мою смерть животомъ своимъ:
Еще нѣ въ кое время пригожусь я вамъ всѣмъ.

(*) Здѣсь собиратель стихотвореній сихъ говоритъ о самомъ себѣ.

XXXVII.

ИЗЪ КРЫМУ И ИЗЪ НАГАЮ.

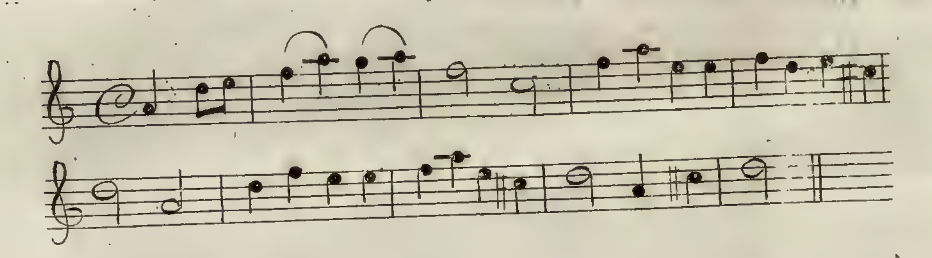


А изъ Крыму ли, братцы, изъ Нагаю
И стояли Орды бусурманскія;
А ѣхали два братца родимые,
Подъ большимъ-то братомъ конь уставаетъ,
А меньшой за большаго умираетъ:
„А и гой еси, мой братецъ родимой!
А я тебя, братецъ, посверстнѣе
А пѣша ту дороженьку повыду.“
Когда было добру молодцу время,
Народъ, господа его почитали;
А стало доброму молодцу безвремянье,
Никто-де молодца не почитаетъ,
А самъ се молодецъ размышляетъ:

Соколъ ли-то на семъ свѣтѣ не птица,
На его-то безвремяньице бываетъ —
Онъ пѣшъ, да по чисту полю гуляетъ;
Худая-то птичка куличонко
И та надъ соколомъ насмѣялась,
Напередъ-то его залетѣла.

XXXVIII.

ПО КРАЙ МОРЯ СИНЯГО СТОЯЛЪ АЗОВЪ ГОРОДЪ.



А и по край было моря синяго,
Что на устьѣ Дону-то тихаго,
На крутомъ красномъ бережку,
На желтыхъ разсыпныхъ пескахъ
А стоитъ крѣпкой Азовъ городъ
Со стѣною бѣлокаменною,
Земляными розкатами и ровами глубокими,
И со башнями караульными.
Середи Азова города
Стоитъ темная темница,
А злодѣйка — земляная тюрьма;
И во той было темной темницѣ
Что двери были желѣзныя,
А замокъ былъ въ три пуда,

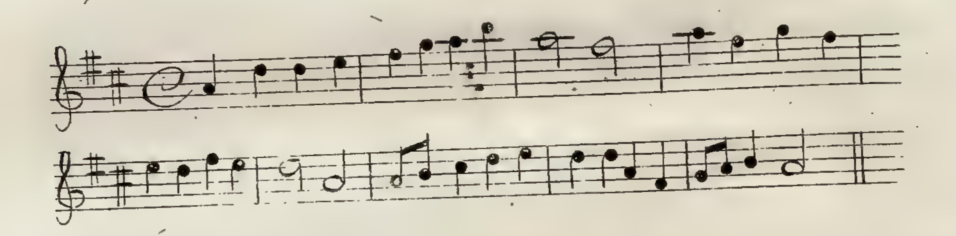
А пробои были булатные,
Какъ засовы были мѣдные;
Что во той темной темницѣ
Засаженъ сидитъ Донской козакъ
Ермакъ Тимоѳеевичь.
Мимо той да темной темницы
Лучилося Царю идти, самому Царю
Тому Турецкому Салтану Салтановичу.
А кричитъ Донской козакъ
Ермакъ Тимоѳеевичь:
„А ты гой еси, Турецкой Царь
Салтанъ Салтановичь!
Прикажи ты меня поить, кормить —
Либо казнить, либо на волю пустить.“
Постоялся Турецкой Царь
Салтанъ Салтановичь:
„А мурзы вы, улановья!
А вы згаркайте изъ темницы
Того тюремнаго старосту.“
А и мурзы, улановья метались черезъ голову,
Привели его улановья они старосту тюремнаго;
И сталъ онъ Турецкой Царь
У тюремнаго старосты спрашивать:
„Еще что за человѣкъ сидитъ?“

Ему староста разсказываетъ:
„А и ты гой еси, Турецкой Царь
Салтанъ Салтановичь!
Что сидитъ у насъ Донской козакъ
Ермакъ Тимоѳеевичь.“
И приказалъ скоро Турецкой Царь:
„Вы мурзы, улановья
Ведите Донскаго козака
Ко палатамъ моимъ Царскіимъ.“
Еще втапоры Турецкой Царь
Напоилъ, накормилъ добраго молодца
И тожно сталъ его спрашивати:
„А ты гой еси, Донской козакъ!
Еще какъ ты къ намъ въ Азовъ попалъ?“
Разсказалъ ему Донской козакъ:
„А и я посланъ изъ каменной Москвы
Къ тебѣ Царю въ Азовъ городъ,
А и посланъ былъ скорымъ посломъ,
И гостинцы дорогіе къ тебѣ везъ;
А на заставахъ твоихъ меня всего ограбили,
И мурзы, улановья моихъ товарищей
Разсадили добрыхъ молодцовъ
И по разнымъ темнымъ темницамъ.“
Еще втапоры Турецкой Царь

Приказалъ мурзы, улановьямъ
Собрать добрыхъ молодцовъ
Ермаковыхъ товарищей.
Отпущаетъ добрыхъ молодцовъ
Ермака въ каменну Москву;
Снарядилъ добраго молодца
Ермака Тимоѳеевича,
Наградилъ златомъ, серебромъ,
Еще питьями заморскими.
Отлучился Донской козакъ отъ Азова города,
Загулялся Донской козакъ
По матушкѣ Волгѣ рѣкѣ,
Не явился въ каменну Москву.

XXXIX.

БОРИСЪ ШЕРЕМЕТЕВЪ.



Во славномъ городѣ въ Орѣшкѣ,
По нынѣшнему званію Шлюшенбургѣ,
Пролегла тута широкая дорожка,
По той по широкой дорожкѣ
Идетъ тутъ Царевъ большой бояринъ,
Князь Борисъ сынъ Петровичь Шереметевъ,
Со тѣми онъ со пѣхотными полками,
Со конницей и со драгунами,
Со удалами Донскими козаками.
Вошли они во Красную мызу
Промежу тѣми высокими горами,
Промежу тѣми широкими долами —
А всѣ полки становилися.
А втапоры Борисъ сынъ Петровичь

Въ объѣздъ онъ Донскихъ козаковъ посылаетъ,
Донскихъ, Гребенскихъ да Яицкіихъ; —
Какъ скрали они Шведскіе караулы,
Маіора себѣ во полонъ полонили,
Привезли его въ лагери Царскіе.
Злата труба въ полѣ протрубила,
Проглаcилъ Государь, слово молвилъ,
Государь Московскій — первый Императоръ:
„А и гой еси, Борисъ сынъ Петровичь!
Изволь ты Маіора допросити тихонько, помалешеньку:
А сколько-де силы въ Орѣшкѣ
У вашего Короля Шведскаго?“
Говоритъ тутъ Маіоръ не съ упадкою,
А сталъ онъ силу разсказывать:
„Съ Генераломъ въ полѣ нашимъ сорокъ тысячей,
Съ Королемъ въ полѣ смѣты нѣтъ.“
А втапоры Царевъ большой бояринъ,
Князь Борисъ сынъ Петровичь Шереметевъ,
А самъ онъ Царю рапортуетъ:
„Что много-де силы въ полѣ той Шведской:
Съ Генераломъ стоитъ силы сорокъ тысячей,
Съ Королемъ въ полѣ силы смѣты нѣтъ.“
Злата труба въ полѣ, въ лагерѣ протрубила,
Проглаcилъ первый Императоръ:

„А и гой еси, Борисъ Петровичь!
Не устрашися Маіора допросити,
Не корми Маіора цѣлы сутки,
Еще вы его повторите
Другіе вы сутки не кормите,
И сладко онъ разскажетъ
Сколько у нихъ силы Шведскія.“
А втапоры Борисъ Петровичь Шереметевъ
На то-то больно догадливъ,
А двое-де сутки Маіора не кормили,
Во третьи винца ему подносили;
А втапоры Маіоръ разсказалъ,
Правду истинну разсказалъ:
Всѣхъ съ Королемъ нашимъ и Генераломъ
Силы семь тысячей, а болѣе того нѣту.
И тутъ Государь взвеселился.—
Велѣлъ ему Маіору голову отсѣчь.

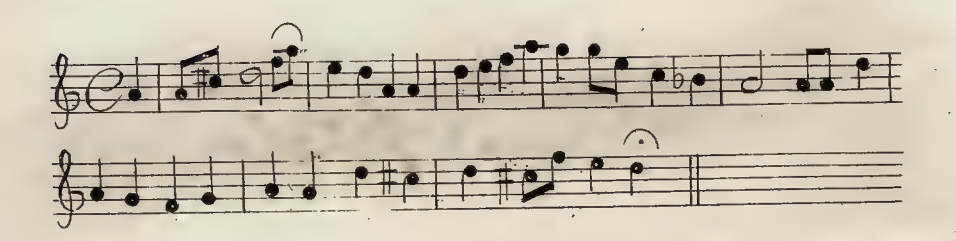
XL.

БЛАГОСЛОВИТЕ, БРАТЦЫ, ПРО СТАРИНУ СКАЗАТЬ.

Благословите, братцы, старину сказать,
Какъ бы старину стародавную.
Какъ бы въ стары годы, прежніе,
Во тѣ времена первоначальныя,
А и сынъ на матери снопы возилъ,
Молода жена въ припряжи была;
Его матушка обленчева,
Молода жена разрывчива.
Молоду жену свою поддерживалъ,
Онъ матушку свою подстегивалъ
Своимъ кнутикомъ воровиннымъ —
Изорвался кнутикъ, онъ березиной.

XLI.

КНЯЗЬ РЕПНИНЪ.



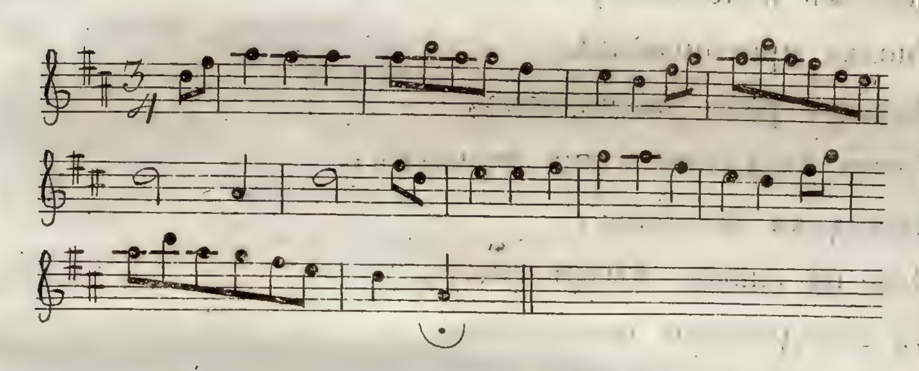
Промежъ было Казанью, промежъ Астраханью,
А пониже города Саратова,
А повыше было города Царицына,
Изъ тоя ли было нагорной стпоронушки,
Какъ бы прошла, протекла Камышевка рѣка,
Своимъ устьемъ она впала въ матушку Волгу рѣку.
А по славной было матушкѣ Камышевкѣ рѣкѣ
Выгребали, выплывали пятдесятъ легкихъ струговъ,
Воровскiихъ козаковъ;
А на всякомъ стружечку по пятдесятъ гребцовъ,
По пятдесятъ гребцовъ — воровскiихъ козаковъ.
Заплывали, загребали въ Коловинскiе острова,
Становились, молодцы, во тихихъ заводяхъ,
Выгулять они на зеленые луга.

Разставили майданы Терскіе
И раздернули ковры Сорочинскіе;
А играли козаки золотыми они тавлеями,
Кто-де костью, кто-де картами—всѣ удалы молодцы.
Посмотрятъ молодцы внизъ по Волгѣ рѣкѣ,
Какъ бы чернь-то на Волгѣ зачернѣется,
А идутъ гребные изъ Астрахани.
Дожидались козаки, удалые молодцы,
Губернатора изъ Астрахани Репнина,
Князя Данилу Александровича:
А на что душа рождена, того Богъ и далъ.
Подошли тѣ гребные въ Коловинскіе острова,
И бросали козаки они потѣхи всѣ,
И бросалися во свои легоньки стружки,
Напущалися козаки на гребные струги;
Они всѣ тупо торговыхъ перещупали,
Они спрашиваютъ Губернатора изъ Астрахани:
А то коли онъ съ вами, покажите его намъ,
А до васъ до купцовъ, удалыхъ молодцовъ, и дѣла нѣтъ.
Потаили купцы Губернатора,
У себя они спрятывали подъ товары подъ свои,
Говорили молодцы воровскіе козаки:
А вы сами себѣ враги, за что его спрятывали.
Обыскали подъ товарами Губернатора

Репнина Князя Данилу Александровича,
Изрубили его во части мѣлкія,
Разбросали по матушкѣ Волгѣ рѣкѣ;
А его-то госпожу, Губернаторску жену,
И со малыми дѣтушками
Они всѣ молодцы, воровскіе козаки, помиловали;
А купцовъ молодцовъ ограбили,
Насыпали червонцами легки свои струги,
Пошли по Камышевкѣ рѣкѣ.

XLII.

ВО СИБИРСКОЙ УКРАЙНѢ ВО ДАУРСКОЙ СТОРОНѢ.



Во Сибирской во украйнѣ,
Во Даурской сторонѣ,
Въ Даурской сторонѣ —
А на славной на Амурѣ рѣкѣ,
На устьи Комары рѣки
Козаки Царя Бѣлаго
Они острогъ поставили,
Острогъ поставили,
Ясакъ Царю собрали,
Изъ-за сабельки острыя,
Изъ-за сабли острыя —

Изъ-за крови горячи.
Кругъ они острогу Комарскаго
Они глубокой ровъ вели,
Высокой валъ валилися,
Рогатки ставили,
Чеснокъ колотили,
Смолье приготовили.
Поутру рано ранешенько,
Ровно двадцать пять человѣкъ,
Выходили молодцы,
Они на славну Амуръ рѣку,
Съ неводочками шелковыми
Они по рыбу свѣжую. —
Нещастье сдѣлалось
Надъ удалыми молодцы:
Изъ далеча, изъ чиста поля,
Изъ раздолья широкаго,
Съ хребта Шингальскаго,
Изъ-за бѣлаго каменя,
Изъ-за ручья глубокаго
Выкаталося знамечко,
Выкаталося знамечко —
Большое Бойдоское;
А знамя за знамемъ идетъ,

А роща за рощами валитъ,
Идетъ Бойдоской Князецъ
Онъ со силою поганою,
Со силою поганою —
Ко острогу Комарскому.
Какъ вешняя вода
По лугамъ разлилася,
Облелѣила сила поганая
Вкругъ острогу Комарскаго;
Отрѣзали у козаковъ
Ретиво сердце съ печенью,
Полонили молодцовъ
Двадцать пять человѣкъ,
Съ неводочки шелковыми
И съ рыбою свѣжею.
А и ѣздитъ Бойдоской Князецъ,
На своемъ на добромъ конѣ
Какъ черной воронъ летаетъ
Кругъ острогу Комарскаго;
Кричитъ Бойдоской Князецъ
Ко острогу Комарскому:
„А сдайтеся козаки
Изъ острогу Комарскаго!
А и буду васъ жаловать,

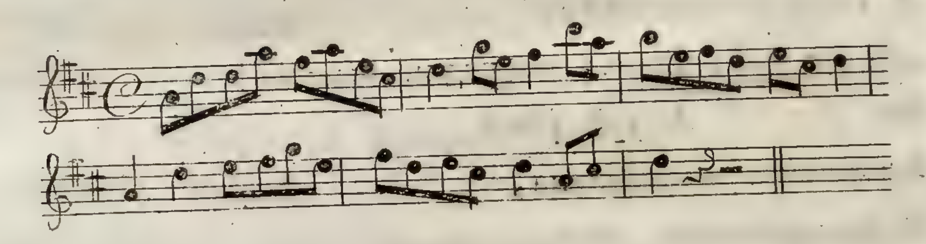
41*

Злапомъ, серебромъ,
Да и женки прелестными,
А женки прелестными —
И душами красными дѣвицами.“ —
Не сдаются козаки
Во острогѣ сидючи,
Кричапъ они козаки
Своимъ громкимъ голосомъ:
„Отъѣзжай, Бойдоской Князецъ!
Отъ острогу Комарскаго.“
А вшапоры Бойдоской Князецъ,
Со своею силою поганою,
Плошной приступъ чинитъ
Ко острогу Комарскому;
Козаки они справилися,
За ружье сграбилися, —
А были у козаковъ
Три пушки мѣдныя,
А ружье долгомѣрное:
Три пушечки гунули,
А ружьемъ вдругъ грянули,
А прибили они козаки
Тое силы Бойдоскія,
Тое силы Бойдоскія —

Будто мушки Ильинскія,
Тое силы поганыя.
Заклинался Бойдоской Князецъ,
Бѣгучи отъ острогу прочь,
Отъ острогу Комарскаго —
А самъ заклинается:
„А не дай, Боже, напредки бывать!
На славной Амурѣ рѣкѣ
Крѣпость поставлена,
А и крѣпость поставлена крѣпкая,
И сдѣланъ гостинной дворъ,
И лавки каменны.

XLIII.

НИКИТѢ РОМАНОВИЧУ ДАНО СЕЛО ПРЕБРАЖЕНСКОЕ.



Да въ старые годы, прежніе,
Во тѣ времена первоначальныя,
Когда воцарился Царь Государь,
А грозной Царь, Иванъ Васильевичь;
Что взялъ онъ Царство Казанское,
Симеона Царя во полонъ полонилъ
Съ Царицею со Еленою.
Выводилъ онъ измѣну изъ Кіева,
Что вывелъ измѣну изъ Новагорода,
Что взялъ Рязань, взялъ и Астрахань.
А нынѣ у Царя въ каменной Москвѣ,
Что пиръ идетъ у него на веселѣ,
А пиръ идетъ про Князей, про бояръ,

Про вельможи, гости богатые,
Про тѣхъ купцовъ про Сибирскіихъ.
Какъ будетъ лѣтній-етъ день въ половинѣ дня,
Смиренна бесѣдушка на веселѣ;
А всѣ тупо Князи и бояра
И всѣ на пиру напивалися,
Промежь собою они разхвасталися:
А сильной хвастаетъ силою,
Богатой-етъ хвастаетъ богатествомъ. —
Злата труба въ Царствѣ протрубила,
Прогласилъ Царъ Государь, слово выговорилъ:
„А глупы бояра, вы неразумные!
А всѣ вы бездѣлицей хвастаетесь;
А смѣю я Царь похвалитися,
Похвалитися и похвастати:
Что вывелъ измѣну я изъ Кіева,
Да вывелъ измѣну изъ Новагорода,
А взялъ я Рязань, взялъ и Астрахань.“
Въ палатахъ злата труба протрубила,
Прогласилъ въ палатахъ Царевичь молодой,
Что меньшой Ѳедоръ Ивановичь:
А грозной Царь, Иванъ Васильевичь!
Не вывелъ измѣны въ каменной Москвѣ;
Что есть у насъ въ каменной Москвѣ,

Что три большіе боярина,
А три Годуновы измѣнники."
За то слово Царь спохватается:
„Ты гой еси, чадо мое милое,
Что меньшой Өедоръ Ивановичь!
Скажи мнѣ про трехъ ты бояриновъ,
Про трехъ злодѣевъ измѣнниковъ:
Перваго боярина въ котлѣ велю сварить,
Другаго боярина велю на колъ посадить,
Третьяго боярина скоро велю сказнить."
Отвѣтъ держитъ тутъ Царевичь молодой,
Что меньшой Өедоръ Ивановичь:
„А грозной Царь, Иванъ Васильевичь!
Ты самъ про нихъ знаешь и вѣдаешь,
Про трехъ большихъ бояриновъ,
Про трехъ Годуновыхъ измѣнниковъ;
Ты пьешь съ ними, ѣшь съ еднаго блюда,
Единую чару съ ними требуешь."
То слово Царю не взлюбилося,
То слово не показалося,
Не сказалъ онъ измѣнниковъ по имени;
Ему тутто за бѣду стало,
За великую досаду показалося;
Скричалъ онъ Царь зычнымъ голосомъ:

„А есть ли въ Москвѣ немилостивы палачи?
Возмите Царевича за бѣлы ручки,
Ведите Царевича со Царскаго двора,
За тѣ за вороты Москворецкія,
За славную матушку за Москву за рѣку,
За тѣ живы мосты калиновы,
Къ тому болоту поганому,
Ко той ко лужѣ кровавыя,
Ко той ко плахѣ бѣлодубовой.“
А всѣ палачи испужалися,
Что всѣ въ Москвѣ разбѣжалися;
Единъ палачь не пужается,
Единъ злодѣй выступается,
Малюта палачь, сынъ Скурлатовичъ.
Хватя онъ Царевича за бѣлы ручки,
Повелъ Царевича за Москву за рѣку. —
Перепахнула вѣстка нерадошна
Во то во село въ Романовское,
Въ Романовское, во боярское,
Ко старому Никитѣ Романовичу,
Нерадошна вѣстка, кручинная:
„А и гой еси, сударь, мой дядюшка,
Ты старой Никита Романовичь!
А спишь, лежишь, опочивъ держишь?

Али тѣ Никитѣ мало можется?
Надъ собою ты невзгоды не вѣдаешь:
Упала звѣзда поднебесная,
Потухла во Соборѣ свѣча мѣстная,
Не стало Царевича у насъ въ Москвѣ,
А меньшаго Ѳедора Ивановича."
Много Никита не выспрашиваетъ,
А скоро метался на широкой дворъ,
Скричалъ онъ Никита зычнымъ голосомъ:
„А конюхи мои, приспѣшники!
Ведите наскорѣ добра коня,
Не сѣдланаго, не узданаго."
Скоро-де конюхи металися,
Подводятъ наскорѣ добра коня;
Садился Никита на добра коня,
За себя онъ Никита любимаго конюха хватилъ,
Поскакалъ за матушку Москву за рѣку,
А шапкой машетъ, головой качаетъ,
Кричитъ онъ, ревётъ зычнымъ голосомъ:
„Народъ православной, не убейтеся,
Дайте дорогу мнѣ широкую."
Настигъ палача онъ во полу-пути,
Не дошедъ до болота поганаго,
Кричитъ на его зычнымъ голосомъ:

Малюта палачь, сынъ Скурлатовичь!
Не за свойской кусъ ты хватаешься,
А этимъ кусомъ ты подавишься;
Не переводи ты роды Царскіе."
Говоритъ Малюта немилостивой палачь
„Ты гой, Никита Романовичь!
А наше-то дѣло повелѣнное;
Али палачу мнѣ самому быть сказнену?
А чѣмъ окровенить саблю острую?
Что чѣмъ окровенить руки бѣлыя?
А съ чѣмъ придтить къ Царю предъ очи,
Предъ его очи Царскія?"
Отвѣчаетъ Никита Романовичь:
„Малюта палачь, сынъ Скурлатовичь!
Сказни ты любимаго конюха моего,
Окровени саблю острую;
Замарай въ крови руки бѣлыя свои;
А съ тѣмъ поди къ Царю предъ очи
Передъ его очи Царскія."
А много палачь не выспрашиваетъ,
Сказнилъ любимаго конюха его,
Окровенилъ саблю острую,
Замаралъ руки бѣлые свои,
А прямо пошелъ къ Царю предъ очи,

Подмастерье его голову хватилъ;
Идутъ къ Царю предъ очи его Царскія,
Въ его любимую Крестовую.
А грозной Царь Иванъ Васильевичь
Завидѣвши сабельку острую,
А остру саблю, кровавую,
Того палача немилостива,
Потомъ же увидѣлъ и голову у нихъ —
А гдѣ-ко стоялъ, онъ и туто упалъ;
Что рѣзвы ноги подломилися,
Что Царски очи замутилися,
Что по три дня ни пьетъ, ни ѣстъ. —
Народъ, Христіане православные,
Положили любимаго конюха
На тѣ на тѣлеги на Ордынскія,
Привезли до Ивана Великаго,
Гдѣ кладутся Цари и Царевичи,
Гдѣ ихъ роды, роды Царскіе;
Завсегда звонятъ во Царь колоколъ.
А старой Никита Романовичь
Хватя онъ Царевича,
На добра коня посадилъ,
Увезъ во село свое Романовское,
Въ Романовское и боярское.

Не пива ему варить, не вина курить,
А пиръ пошелъ у него на радостяхъ;
А въ трубки трубятъ по ратному,
Барабаны бьютъ по воинскому. —
У той у церкви Соборныя
Сбирались попы и дьяконы,
А всѣ вѣдь причетники церковные,
Отпѣвали любимаго конюха.
А втапоры пригодился Царь,
А грозной Царь, Иванъ Васильевичь,
А трижды земли на могилу бросилъ;
Съ печали Царь по Царству пошелъ,
По тѣмъ широкимъ по улицамъ.
А тѣ бояра Годуновые
Идутъ съ Царемъ, сами подмолвилися:
„Ты грозной Царь, Иванъ Васильевичь!
У тебя кручина несносная,
У боярина пиръ идетъ на веселѣ,
У стараго Никиты Романовича.“
А грозной Царь, онъ и крутъ добрѣ,
Послалъ посла немилостиваго,
Что взять его Никиту нечестно къ нему.
Пришелъ посолъ ко боярину въ домъ,
Взялъ Никиту, нечестно повелъ,

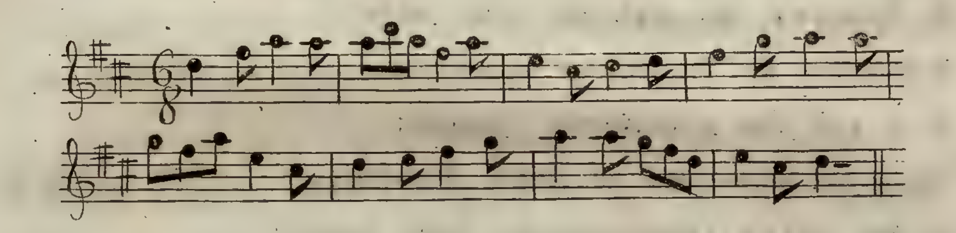
Привелъ ко Царю предъ ясны очи;
Не дошедъ Никита, поклоняется
О праву руку до сырой земли.
А грозной Царь Иванъ Васильевичь
А во правой рукѣ держитъ Царской костыль,
А въ лѣвой рукѣ держитъ Царско жезло,
По нашему Сибирскому остро копье,
А ткнетъ онъ Никиту въ праву ногу,
Пришилъ его ко сырой земли;
А самъ онъ Царь приговариваетъ:
„Велю я Никиту въ котлѣ сварить,
Въ котлѣ сварить, либо на колъ посадить,
На колъ посадить, скоро велю сказнить;
У меня кручина несносная,
А у тебя бояриня пиръ на веселѣ.
Къ чему ты, Никита, въ домѣ добрѣ радошенъ?
Али ты, Никита, какой городъ взялъ?
Али ты, Никита, корысть получилъ?“
Говоритъ онъ Никита не съ упадкою:
„Ты грозной Царь, Иванъ Васильевичь!
Не вели меня казнить, прикажи говорить:
А для того у меня пиръ на веселѣ,
Что въ трубочки трубятъ по ратному,
Въ барабаны бьютъ по воинскому,

Утѣшаютъ млада Царевича,
Что меньшаго Ѳедора Ивановича.“
А много Царь не выспрашиваетъ,
Хватя Никиту за праву руку
Пошелъ въ палаты во боярскія.
Отворяли Царю на тету,
Пошелъ въ палаты во боярскія.
Поднебесна звѣзда ужь высоко взошла,
Въ Соборѣ мѣстна свѣча затеплялася, —
Увидѣлъ Царевича во большомъ мѣстѣ,
Въ большомъ мѣстѣ, въ переднемъ углѣ,
Подъ мѣстными иконами;
Беретъ онъ Царевича за бѣлы ручки,
А грозной Царь Иванъ Васильевичь
Цѣловалъ его во уста сахарныя;
Скричалъ онъ Царь зычнымъ голосомъ:
„А чѣмъ боярина пожаловати
А стараго Никиту Романовича?
А погребъ тебѣ злата, серебра,
Второе тебѣ питья разнаго;
А сверхъ того грамота Тарханная:
Кто церкву покрадетъ, мужика ли убьетъ,
А кто у жива мужа жену уведетъ
И уйдетъ во село во боярское

Ко старому Никитѣ Романовичу —
И тамъ быть имъ не въ выдачѣ." —
А было это село боярское,
Что стало село Преображенское,
По той по грамотѣ Тарханныя;
Отнынѣ оно слыветъ и до вѣку.

XLIV.

САДКОВЪ КОРАБЛЬ СТАЛЪ НА МОРѢ.



Какъ по морю, морю по синему,
Бѣгутъ, побѣгутъ тридцать кораблей,
Тридцать кораблей единъ соколъ корабль
Самаго Садки, гостя богатаго.
А всѣ корабли что соколы летятъ,
Соколъ корабль на морѣ стоитъ;
Говоритъ Садко купецъ, богатой гость:
„А ярыжки вы, люди наемные,
А наемны люди подначальные!
А въ мѣсто всѣ вы собирайтеся,
А и рѣжте жеребья вы валжены,
А и всякъ-то пиши на имена,
И бросайте вы ихъ на сине море.“—

Садко покинулъ хмѣлево перо,
И на немъ-то подпись подписана,
А и самъ Садко приговариваетъ:
„А ярыжки, люди вы наемные!
А слушай рѣчи праведныхъ;
А бросимъ мы ихъ на сине море,
Которые бы по верху плывутъ,
А и тѣ бы душеньки правыя;
Что которые-то во морѣ тонутъ,
А мы тѣхъ спихнемъ во сине море."
А всѣ жеребья по верху плывутъ,
Кабы яры гоголи по заводямъ;
Единъ жеребій во морѣ тонетъ,
Во морѣ тонетъ хмѣлево перо
Самаго Садки, гостя богатаго.
Говорилъ Садко купецъ, богатой гость:
„Вы ярыжки, люди наемные,
А наемны люди, подначальные!
А вы рѣжте жеребья вѣтляные,
А пишите всякъ себѣ на имена,
А и сами къ нимъ приговаривай:
А которы жеребьи во морѣ тонутъ,
А и то бы душеньки правыя."
А и Садко покинулъ жеребій булатной,

Синяго булату вѣдь заморскаго,
Вѣсомъ-то жеребій въ десять пудъ.
И всѣ жеребьи во морѣ тонутъ,
Единъ жеребій по верху плыветъ
Самаго Садки, гостя богатаго.
Говоритъ тутъ Садко купецъ, богатой гость:
„Вы ярыжки, люди наемные,
А наемны люди, подначальные!
Я Садъ-Садко, знаю, вѣдаю,
Бѣгаю по морю двенадцать лѣтъ,
Тому Царю заморскому
Не платилъ я дани, пошлины,
И во то сине море Хвалынское
Хлѣба съ солью не опускивалъ,—
По меня Садку смерть пришла.
И вы купцы, гости богатые,
А вы цѣловальники любимые,
А и всѣ прикащики хорошіе
Принесите шубу соболиную.
И скоро Садко наряжается,
Беретъ онъ гусли звончаты
Со хороши струны золоты,
И беретъ онъ шахматницу дорогу
Со золоты тавлеями,

Со тѣми дороги, вальящаты.
И спущали сходню вѣдь серебряну,
Подъ краснымъ золотомъ,
Походилъ Садко купецъ, богатой гость,
Спущался онъ на сине море,
Садился на шахматницу золоту;
А и ярыжки, люди наемные,
А наемны люди, подначальные
Утащили сходню серебряну,
И серебряну подъ краснымъ золотомъ,
Ее на соколъ корабль —
А Садко остался на синемъ морѣ —
А соколъ корабль по морю пошелъ.
А всѣ корабли какъ соколы летятъ,
А единъ корабль по морю бѣжитъ,
Какъ бѣлъ кречетъ
Самаго Садки, гостя богатаго.
Отца, матери молитвы великія,
Самаго Садки, гостя богатаго; —
Подымалася погода тихая,
Понесло Садку, гостя богатаго,
Не видалъ Садко купецъ, богатой гость
Ни горы, ни берегу,
Понесло его Садку къ берегу,

Онъ и самъ Садко тупо дивуется.
Выходилъ Садко на круты береги,
Пошелъ Садко подлѣ синя моря,
Нашелъ онъ избу великую,
А избу великую во все дерево,
Нашелъ онъ двери — и въ избу пошелъ.
И лежитъ на лавкѣ Царь морской:
„А и гой еси ты, купецъ, богатой гость!
А что душа радѣла, того Богъ мнѣ далъ,
И ждалъ Садку двенадцать лѣтъ,
А нынѣ Садко головой пришелъ;
Поиграй Садко въ гусли ты звончаты.“
И сталъ Садко Царя тѣшити,
Заигралъ Садко въ гусли звончаты;
А и Царь морской зачалъ скакать, зачалъ плясать—
И того Садку, гостя богатаго
Напоилъ питьями разными.
Напивался Садко питьями разными,
И развалялся Садко, и пьянъ онъ спалъ,
И уснулъ Садко купецъ, богатой гость;
А во снѣ пришелъ Святитель Николай къ нему,
Говоритъ ему таковы рѣчи:
„Гой еси ты, Садко купецъ, богатой гость!
А рви ты свои струны золоты,

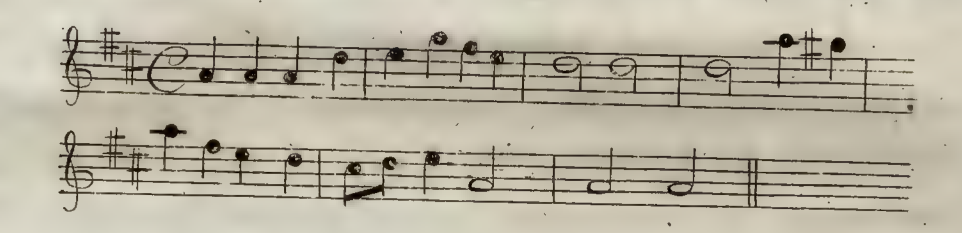
И бросай ты гусли звончаты,
Разплясался у тебя Царь морской:
А сине море всколебалося,
А и быстры рѣки разливалися,
Топятъ много бусы, корабли,
Топятъ души напрасныя
Того народу православнаго."
А и тутъ Садко купецъ, богатой гость
Изорвалъ онъ струны золоты,
И бросаетъ гусли звончаты;
Пересталъ Царь морской скакать и плясать:
Утихло море синее,
Утихли рѣки быстрыя.
А поутру сталъ тутo Царь морской
Онъ сталъ Садку уговаривать —
А и хочетъ Царь Садку женить,
И привелъ ему тридцать дѣвицъ.
Никола ему во снѣ наказывалъ:
„Гой еси ты, купецъ, богатой гость!
А станетъ тебя женить Царь морской,
Приведетъ онъ тридцать дѣвицъ;
Не бери ты изъ нихъ хорошую, бѣлыя, румяныя,
Возми ты дѣвушку поваренную,
Поваренную, что которa хуже всѣхъ."

А и тутъ Садко купецъ, богатой гость
Онъ думался, непродумался,
И беретъ онъ дѣвушку поваренную,
А котора дѣвушка похуже всѣхъ.
А и тута Царь морской
Положилъ Садку на подклѣтѣ спать, —
И ложился онъ съ новобрачною;
Николай во снѣ наказывалъ Садкѣ:
Не обнимать жену, не цѣлуй ее.
А и тутъ Садко купецъ, богатой гость,
Съ молодой женой на подклѣтѣ спитъ
Свои рученьки ко сердцу прижалъ;
Со полуночи, въ просоньи ногу лѣву
Накинулъ онъ на молоду жену.
Ото сна Садко пробуждался,
Онъ очутился подъ Новымъ городомъ,
А лѣвая нога во Волхъ рѣкѣ.
И скочилъ Садко, изпужался онъ,
Взглянулъ Садко онъ на Новгородъ,
Узналъ онъ церкву, приходъ свой,
Того Николу Можайскаго,
Перекрестился крестомъ своимъ. —
И глядитъ Садко по Волхъ рѣкѣ, —
Отъ того синя моря Хвалынскаго,

По славной матушкѣ Волхъ рѣкѣ,
Бѣгутъ, побѣгутъ тридцать кораблей,
Единъ корабль самаго Садки, гостя богатаго.
И встрѣчаетъ Садко купецъ, богатой гость
Цѣловальниковъ любимыихъ.
Всѣ корабли на пристань стали,
Сходни метали на крутой берегъ,
И вышли цѣловальники на крутъ берегъ;
И тутъ Садко поклоняется:
„Здравствуйте мои цѣловальники любимые
И прикащики хорошіе!"
И тутъ Садко купецъ, богатой гость,
Со всѣхъ кораблей въ таможню положилъ
Казны своей сорокъ тысячей —
По три дни не осматривали.

XLV.

ДОБРЫНЯ КУПАЛСЯ, ЗМѢЙ УНЕСЪ.



Доселѣва Рязань она селомъ слыла,
А нынѣ Рязань слыветъ городомъ.
А жилъ во Рязани тутъ богатой гость,
А гостя-то звали Никитою;
Живучи-то Никита состарѣлся, преставился.
Послѣ вѣку его долгаго
Осталось житье бытье, богатество,
Осталась его матера жена
Амелѳа Тимоѳеевна,
Осталось чадо милое
Какъ молодой Добрынюшка Никитичь младъ.
А и будетъ Добрыня семи годовъ,

Присадила его матушка грамотѣ учиться,
А грамота Никитѣ въ наукъ пошла,
Присадила его матушка перомъ писать.
А будетъ Добрынюшка во двенадцать лѣтъ,
Изволилъ Добрыня погулять молодецъ
Со своею дружиною хороброю,
Во тѣ жары Петровскіе,
Просился Добрыня у матушки:
„Пусти меня матушка купатися,
Купатися на Сафатъ рѣку.“
Она вдова многоразумная
Добрынѣ матушка наказывала,
Тихонько ему благословеніе даетъ:
„Гой еси ты, чадо милое,
А молодой Добрыня Никитичь младъ!
Пойдешь ты, Добрыня, на Израй на рѣку,
Въ Израѣ рѣкѣ станешь купатися,
Израй рѣка быстрая,
А быстрая она, сердитая;
Не плавай Добрыня за перву струю,
Не плавай ты Никитичь за другу струю.“
Добрыня-то матушки не слушался,
Надѣвалъ на себя шляпу земли Греческой,
Надъ собой онъ Добрыня невзгоды не вѣдаетъ.

Пришелъ онъ Добрыня на Израй на рѣку,
Говорилъ онъ дружинушкѣ хорабрыя:
„А и гой еси вы, молодцы удалые!
Не мнѣ вода грѣть, не тѣшити ее.“
А всѣ молодцы разболокалися.
И тутъ Добрыня Никитичь младъ —
Никто, молодцы, не смѣетъ, никто нейдетъ,
А молодой Добрынюшка Никитичь младъ
Перекрестясь Добрынюшка въ Израй рѣку пошелъ, —
А поплылъ Добрынюшка за перву струю,
Захотѣлось молодцу и за другую струю,
А двѣ-то струи самъ переплылъ,
А третья струя подхватила молодца,
Унесла во пещеры бѣлокаменны;
Ниоткол взялся тутъ лютой звѣрь,
Налетѣлъ на Добрынюшку Никитича,
А самъ-то говоритъ Горынчище,
А самъ онъ змѣй приговариваетъ:
„А стары люди пророчили,
Что быть змѣю убитому
Отъ молода Добрынюшки Никитича,
А нынѣ Добрыня у меня самъ въ рукахъ.“
Молился Добрыня Никитичь младъ:
„А и гой еси змѣище, Горынчище!

Не честь, хвала молодецкая,
На нагое тѣло напущаешься.“
И тутъ змѣй Горынчище
Мимо его пролетѣлъ, —
А спали его ноги рѣзвыя
А молода Добрынюшки Никитьевича;
А грабится онъ ко желту песку,
А выбѣжалъ доброй молодецъ
А молодой Добрынюшка Никитичь младъ,
Нагребъ онъ шляпу песку желтаго, —
Налетѣлъ на его змѣй Горынчище,
Хочетъ Добрыню огнемъ спалить,
Огнемъ спалить, хоботомъ ушибить;
На то-то Добрынюшка не робокъ былъ,
Бросаетъ шляпу земли Греческой
Со тѣми пески желтыми
Ко лютому змѣю Горынчищу;
Глаза запорошилъ и два хобота ушибъ.
Упалъ змѣй Горинчище
Во ту во матушку во Израй рѣку;
Когда ли змѣй изправляется,
Во то время и во тотъ же часъ
Сваталъ Добрыня дубину, тутъ убилъ до смерти,
А вытащилъ змѣя на берегъ,

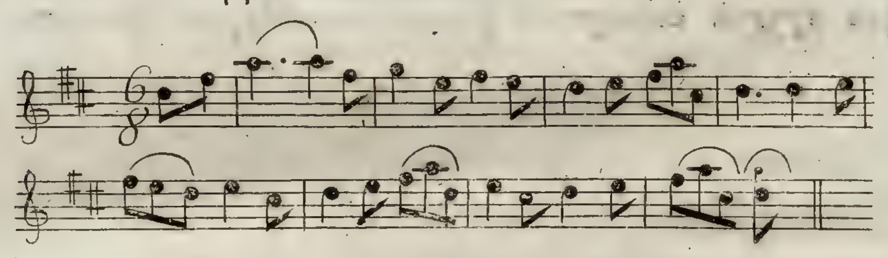
Его повѣсилъ на осину на кляплую
„Сушися ты, змѣй Горынчище!
На той-то осинѣ на кляплыя.“
А поплылъ Добрынюшка
По славной матушкѣ по Израй рѣкѣ,
А заплылъ въ пещеры бѣлокаменны,
Гдѣ жилъ змѣй Горынчище,
Засталъ въ гнѣздѣ его малыхъ дѣтушекъ,
А всѣхъ прибилъ, по поламъ перервалъ;
Нашелъ въ пещерахъ бѣлокаменныхъ
У лютаго змѣища Горынчища
Нашелъ онъ много злата, серебра,
Нашелъ во палатахъ у змѣища
Свою онъ любимую тетушку,
Тоя-то Марью Дивовну —
Выводитъ изъ пещеры бѣлокаменны.
И собралъ злата, серебра,
Пошелъ ко матушкѣ родимыя своей;
А матушки дома не годилося,
Сидитъ у Князя Владиміра,
Пришелъ-де онъ во хоромы свои,
И спряталъ онъ свою тетушку,
И пошелъ ко Князю явитися.
Владиміръ Князь запечалился,

Сидитъ онъ, ничего свѣту не видитъ, —
Пришелъ Добрынюшка
Къ Великому Князю Владиміру,
Онъ Спасову образу молится,
Владиміру Князю поклоняется;
Скочилъ Владиміръ на рѣзвы ноги,
Хватя Добрынюшку Никитича
Цѣловалъ его во уста сахарныя.
Бросилася его матушка родимая,
Схватала Добрыню за бѣлы руки,
Цѣловала его во уста сахарныя, —
И тутъ съ Добрынею разговоръ пошелъ,
А стали у Добрыни выспрашивати:
А гдѣ побывалъ, гдѣ ночевалъ?
Говоритъ Добрыня таково слово:
„Ты гой еси, мой сударь, дядюшка,
Князь Владиміръ, солнце Кіевско!
А былъ я въ пещерахъ бѣлокаменныхъ
У лютаго змѣища Горынчища,
А всю породу змѣиную его я убилъ
И дѣтей всѣхъ погубилъ,
Родимую тетушку повыручилъ.“
А скоро послы побѣжали по ее,
Ведутъ родимую его тетушку,

Привели ко Князю во свѣтлу гридню.
Владимiръ Князь свѣтелъ, радошенъ;
Пошла-то у нихъ, пиръ, радость великая,
А для ради Добрынюшки Никитича,
Для другой сестрицы родимыя—Марьи Дивовны.

XLVI.

ПЕРВАЯ ПОѢЗДКА ИЛЬИ МУРОМЦА ВЪ КІЕВЪ.



Какъ изъ славнаго города изъ Мурома,
Изъ того села Корочаева,
Какъ была-де поѣздка богатырская —
Наряжался Илья Муромецъ Ивановичь
Ко стольному городу ко Кіеву,
Онъ тою дорогою прямоѣзжею,
Котора залегла ровно тридцать лѣтъ;
Чрезъ тѣ лѣса Брынскіе,
Чрезъ черны грязи Смоленскія, —
И залегъ ее дорогу Соловей разбойникъ.
И кладетъ Илья заповѣдь велику:
Что проѣхать дорогу прямоѣзжую,
Котора залегла ровно тридцать лѣтъ,
Не вымать изъ налушна тугой лукъ,

Изъ колчана не вымать калену стрѣлу.
Беретъ благословеніе великое у отца съ матерью.
А и только его Илью видѣли —
Прощался съ отцемъ, съ матерью,
И садился Илья на своего добра коня,
А и выѣхалъ Илья со двора своего
Во тѣ ворота широкія;
Какъ стегнетъ онъ коня по тучнымъ бедрамъ —
А и конь подъ Ильею разсержается,
Онъ перву скокъ ступилъ за пять верстъ,
А другаго ускока не могли найти.
Поѣхалъ онъ черезъ тѣ лѣса Брынскіе,
Черезъ тѣ грязи Смоленскія. —
Какъ бы будетъ Илья во темныхъ лѣсахъ,
Во темныхъ лѣсахъ, во Брынскіихъ;
Наѣзжалъ Илья на девяти дубахъ
И наѣхалъ онъ Илья Соловья разбойника.
И заслышалъ Соловей разбойникъ
Того ли топу конинаго,
И тоя ли онъ поѣздки богатырскія;
Засвисталъ Соловей по соловьиному,
А въ другой зашипѣлъ разбойникъ по змѣиному,
А втретьи зрявкаетъ по звѣриному —
Подъ Ильею конь окорачился,

И падалъ вѣдь на кукорачь.
Говоритъ Илья Муромецъ Ивановичь:
„А ты волчья сыть, травяной мѣшокъ!
Не бывалъ ты въ пещерахъ бѣлокаменныхъ,
Не бывалъ ты конь во темныхъ лѣсахъ,
Не слыхалъ ты свисту соловьинаго,
Не слыхалъ ты шипу змѣинаго,
А того ли ты крику звѣринаго,
А звѣринаго крику туринаго.“
Разрушаетъ Илья заповѣдь великую,
Вымаетъ калену стрѣлу
И стрѣляетъ въ Соловья разбойника;
И попалъ Соловья, да въ правой глазъ,
Полетѣлъ Соловей съ сыра дуба
Комомъ ко сырой земли.
Подхватилъ Илья Муромецъ Соловья на бѣлы руки,
Привязалъ Соловья ко той ко лукѣ ко седѣльныя;
Проѣхалъ онъ воровску заставу крѣпкую,
Подъѣзжаетъ ко подворью дворянскому.
И завидѣла-де его молода жена;
Она хитрая была и мудрая,
И взбѣгала она на чердаки на вышніе —
Какъ бы дворъ у Соловья былъ на семи верстахъ,
Какъ было около двора желѣзной тынъ,

А на всякой тынинкѣ по маковкѣ,
И по той по головѣ богатырскія —
Наводила трубками Нѣмецкими
Его Соловьева молодая жена,
И увидѣла добраго молодца Илью Муромца,
И бросалась съ чердака во свои высокіе терема
И будила она девять сыновей своихъ:
„А встаньте, обудитесь добры молодцы,
А девять сыновъ, ясны соколы!
Вы подите въ подвалы глубокіе,
Берите мои золотые ключи,
Отмыкайте мои вы окованны ларцы,
А берите вы мою золоту казну,
Выносите ее за широкой дворъ,
И встрѣчайте удала добраго молодца;
А наѣдетъ, молодцы, чужой мужикъ,
Отца-то вашего въ торокахъ везетъ.“
А и тутъ ея девять сыновей закорилися,
И не берутъ у нея золотые ключи,
Не походятъ въ подвалы глубокіе,
Не берутъ ея золотой казны,
А худымъ вѣдь свои думушки думаютъ,
Хочутъ обернуться черными воронами,
Со тѣми носы желѣзными —

Они хочутъ разклевать добра молодца,
Того ли Илью Муромца Ивановича.
Подъѣзжаетъ онъ ко двору ко дворянскому
И бросалась молода жена Соловьева,
А и молится, убивается:
„Гой еси ты, удалой доброй молодецъ!
Бери ты у насъ золотой казны сколько надобно,
Отпусти Соловья разбойника,
Не вози Соловья во Кіевъ градъ."
А его-то дѣти Соловьевы
Неучливо они поговариваютъ. —
Они только Илью и видѣли,
Что стоялъ у двора дворянскаго. —
И стегаетъ Илья онъ добра коня,
А добра коня по тучнымъ бедрамъ —
Какъ бы конь подъ нимъ осержается —
Побѣжалъ Илья, какъ соколъ летитъ;
Пріѣзжаетъ Илья онъ во Кіевъ градъ,
Середи двора Княженецкаго
И скочилъ онъ Илья со добра коня,
Привязалъ коня къ дубову столбу,
Походилъ онъ во гридню во свѣтлую,
И молился онъ Спасу со Пречистою,
Поклонился Князю со Княгинею —

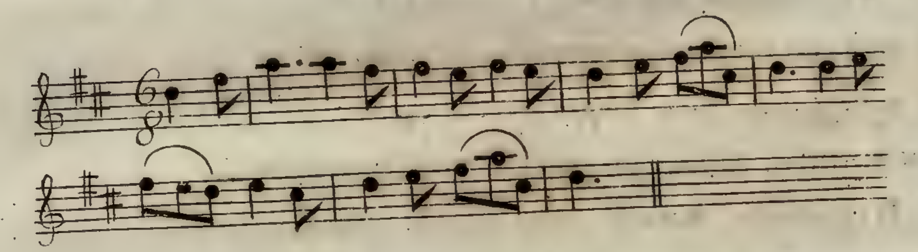
На всѣ на четыре стороны.
У Великаго Князя Владиміра
У него Князя почестной пиръ;
А и много на пиру было Князей и бояръ,
Много сильныхъ могучихъ богатырей;
И поднесли ему Ильѣ чару зелена вина въ полтора вѣдра,
Принимаетъ Илья единой рукой,
Выпиваетъ чару единымъ духомъ.
Говорилъ ему ласковой Владиміръ Князь:
„Ты скажись молодецъ, какъ именемъ зовутъ,
А по имени тебѣ можно мѣсто дать,
По изотчеству пожаловати.“
И отвѣчаетъ Илья Муромецъ Ивановичь:
„А ты ласковой, стольной Владиміръ Князь!
А меня зовутъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь;
И проѣхалъ я дорогу прямоѣзжую
Изъ стольнаго города изъ Мурома,
Изъ того села Корочаева.“
Говорятъ тутъ могучіе богатыри:
„А ласково солнце, Владиміръ Князь!
Въ очахъ дѣтина завирается,
А гдѣ ему проѣхать дорогою прямоѣзжею,
Залегла та дорога тридцать лѣтъ
Отъ того Соловья разбойника.“

Говоритъ Илья Муромецъ:
„Гой еси ты, сударь, Владиміръ Князь!
Посмотри мою удачу богатырскую,
Вонъ я привезъ Соловья разбойника на дворъ къ тебѣ.“
И втапоры Илья Муромецъ
Пошелъ съ Великимъ Княземъ на широкой дворъ,
Смотрѣть его удачи богатырскія.
Выходили тушто Князи, бояра,
Всѣ Руские могучіе богатыри:
Самсонъ богатырь Колывановичь,
Суханъ богатырь, сынъ Домантьевичь,
Свѣтогоръ богатырь и Полканъ другой,
И семь-то братовъ Збродовичи,
Еще мужики были Залешана,
А еще два брата Хапиловы —
Только было у Князя ихъ тридцать молодцовъ.
Выходилъ Илья на широкой дворъ
Ко тому Соловью разбойнику,
Онъ сталъ Соловья уговаривать:
„Ты послушай меня, Соловей разбойникъ младъ!
Посвисти Соловей по соловьиному,
Пошипи змѣй по змѣиному,
Зрявкай звѣрь по туриному —
И потѣшь Князя Владиміра.“

Засвисталъ Соловей по соловьиному,
Оглушилъ онъ въ Кіевѣ Князей и бояръ; —
Зашипѣлъ злодѣй по змѣиному,
Онъ втретье зрявкаетъ по туриному; —
А Князи и бояра изпужалися,
На корачкахъ по двору наползалися,
И всѣ сильны богатыри могучіе. —
И накурилъ онъ бѣды несносныя:
Гостинны кони съ двора разбѣжалися —
И Владиміръ Князь едва живъ стоитъ,
Со душой Княгиней Апраксѣевной.
Говорилъ тутъ ласковой Владиміръ Князь:
„А и ты гой еси, Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь!
Уйми ты Соловья разбойника;
А и эта шутка намъ не надобна.

XLVII.

ИЛЬЯ ѢЗДИЛЪ СЪ ДОБРЫНЕЮ.



Какъ изъ славнаго города изъ Кіева
Поѣзжали два могучіе богатыри:
Поѣзжалъ Илья Муромецъ
Со своимъ братомъ названыимъ,
Съ молодымъ Добрынею Никитичемъ.
А и будутъ они во чистомъ полѣ,
Какъ бы сверхъ тоя рѣки Череги,
Какъ бы будутъ они у матушки у Сафатъ рѣки,
Говоритъ Илья Муромецъ Ивановичь:
„Гой еси ты, мой названой братъ,
Молодой Добрынюшка Никитичь младъ!
Поѣзжай ты за горы высокія,
А и я, дескать, поѣду подлѣ Сафатъ рѣки.“ —

И поѣхалъ Добрыня на горы высокія,
И наѣхалъ онъ Добрынюшка Никитичь младъ бѣлъ шатеръ,
И начался Добрынѣ какой сильной могучь богатырь —
Изъ того бѣла шатра полотнянаго
Выходила тутъ баба Горынинка. —
Заздорилася баба Горынинка;
Молодой Добрыня Никитичь
Скочилъ Добрыня со добра коня,
Напущался онъ на бабу Горынинку;
Учинилася, бой, драка великая:
Они тяжкими палицами ударились,
У нихъ тяжкія палицы разгоралися;
И бросили они палицы тяжкія,
Они стали уже драться рукопашнымъ боемъ. —
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь,
А ѣздилъ онъ подлѣ Сафатъ рѣки,
И наѣхалъ онъ туто бродучій слѣдъ —
И поѣхалъ и по тому слѣду бродучему,
А наѣзжаетъ онъ богатыря въ чистомъ полѣ
Онъ Збута Бориса Королевича.
А на втапоры Збутъ Королевичь младъ
И отвязывалъ стремя вожья выжлока,
Со руки опускаетъ ясна сокола, —

А самъ ли-то выжлоку наказываетъ:
„А тепере мнѣ не до тебя пришло;
А и ты бѣгай, выжлокъ, по темнымъ лѣсамъ,
И корми ты свою буйну голову.“
И ясну соколу онъ наказываетъ:
„Полети ты соколъ на сине море,
И корми свою буйну голову;
А мнѣ молодцу не до тебя пришло.“
Наѣзжаетъ Илья Муромецъ Ивановичь.
Какъ два ясна сокола слетались —
И наѣхалъ Збутъ Королевичь младъ,
Напущается онъ на стараго,
На стара козака Илью Муромца,
И стрѣляетъ Илью во бѣлы груди,
Во бѣлы груди изъ туга лука;
Угодилъ Ильѣ онъ во бѣлу грудь. —
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь,
Не бьетъ его палицей тяжкою,
Не вымаетъ изъ налушна тугой лукъ,
Изъ колчана калену стрѣлу,
Не стрѣляетъ онъ Збута Бориса Королевича —
Его только схватилъ во бѣлы руки
И бросаетъ выше дерева стоячаго. —
Не видалъ онъ Збутъ Борисъ Королевичь

Что того ли свѣту бѣлаго;
И тоя-то матушки сырой земли —
И назадъ онъ летитъ ко сырой землѣ;
Подхватилъ Илья Муромецъ Ивановичь
На свои онъ руки богатырскія,
Положилъ его да на сыру землю;
И сталъ Илья Муромецъ спрашивать:
„Ты скажись мнѣ, молодецъ, свою дядину, отчину."
Говоритъ Збутъ Борисъ Королевичь младъ:
„Кабы у тебя на грудяхъ сидѣлъ,
Я спородъ бы тебѣ старому груди бѣлыя."
И до того его Илья билъ, покуда правду сказалъ.
А и всговоритъ Збутъ Борисъ Королевичь младъ:
„Я того Короля Задонскаго." —
А втапоры Илья Муромецъ Ивановичь
Глядючи на свое чадо милое —
И заплакалъ Илья Муромецъ Ивановичь:
„Поѣзжай ты Збутъ Борисъ Королевичь младъ,
Поѣзжай ты ко своей, ты ко своей сударынѣ матушкѣ,
Кабы ты попалъ на нашихъ Руских богатырей,
Не отпустили бы тебя они живаго отъ Кіева."
И поѣхалъ тутъ Збутъ Королевичь младъ,
И пріѣхалъ тутъ Збутъ Королевичь младъ
Ко тому Царю Задонскому,

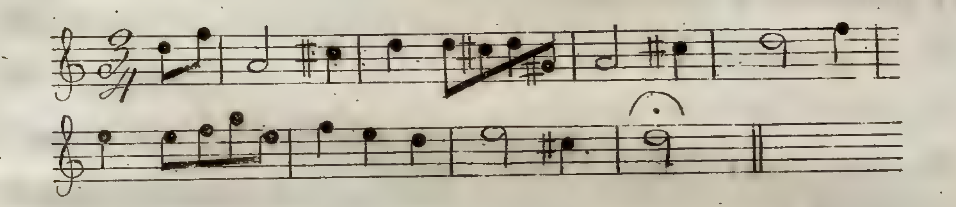
Ко своей сударынѣ матушкѣ.
Матушкѣ а сталъ свою удачу разсказывать:
„А и гой еси, сударыня матушка!
Ѣздилъ я Збутъ Королевичь младъ
Къ Великому Князю Владиміру,
На его потѣшныхъ лугахъ,
И наѣхалъ я въ полѣ стараго
И стрѣлялъ его во бѣлы груди —
И схваталъ меня старой въ чистомъ полѣ,
Меня чуть онъ не забросилъ за облако —
И опять подхватилъ меня на бѣлы груди.“
Еще втапоры его матушка
Того Короля Задонскаго
Разилася о сыру замлю,
И не можетъ во слезахъ слово молвити:
„Гой еси ты, Збутъ Борисъ Королевичь младъ!
Почто ты напущался на стараго?
Ненадо бы тебѣ съ нимъ дратися,
Надо бы съѣхаться въ чистомъ полѣ,
И надо бы тебѣ ему поклонитися
О праву руку до сырой земли;
Онъ по роду тебѣ батюшка, старой козакъ
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь.“ —
И поѣхалъ онъ на горы высокія,

А искати онъ брата названаго,
Молода Добрынюшку Никитича.
И дерется онъ съ бабой Горынинкой —
Едва душа его въ тѣлѣ полуднуетъ —
Говоритъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ:
„Гой еси, мой названой братъ,
Молодой Добрынюшка Никитичь младъ!
Не умѣешь ты, Добрыня, съ бабой дратися,
А бѣй ты бабу . . . . . по щекѣ,
Пинай . . . .
А женской полъ отъ того пухолъ.“
А и втапоры покорилася баба Горынинка;
Говоритъ она баба таковы слова:
„Не ты меня побилъ, Добрыня Никитичь младъ,
Побилъ меня старой козакъ
Илья Муромецъ единымъ словомъ.
И скочилъ ей Добрыня на бѣлы груди,
И выдергивалъ чингалище булатное,
Хочетъ спороть ей груди бѣлыя —
И молится баба Горынинка:
„Гой еси ты, Илья Муромецъ Ивановичъ!
Не прикажи ты мнѣ рѣзать груди бѣлыя,
Много у меня въ землѣ останется злата и серебра.“
И схваталъ Илья Добрыню за бѣлы руки; —

И повела ихъ баба Горынинка
Ко своему погребцу глубокому,
Гдѣ лежитъ золота казна, —
И довела Илью съ Добрынею.
И спали они у погребца глубокаго,
Они сами тушо богатыри дивуются,
Что много злата и серебра,
А цвѣтнаго платья все Рускаго.
Оглянулся Илья Муромецъ Ивановичь
Во тѣ во раздолья широкія —
Молодой Добрынюшка Никитичь младъ
Втапоры бабѣ голову срубилъ.
То старина, то и дѣянье. —

XLVIII.

КНЯЗЬ РОМАНЪ ЖЕНУ ТЕРЯЛЪ.



А Князь Романъ жену шерялъ,
Жену шерялъ, онъ шѣло шерзалъ,
Тѣло шерзалъ, во рѣку бросалъ,
Во шу ли рѣку во Смородину.
Слешалися пшицы разныя,
Сбѣгалися звѣри дубравые;
Ошкуль взялся младъ сизой орелъ,
Унесъ онъ рученьку бѣлую,
А праву руку съ золошымъ персшнемъ.
Схвашилася молода Княжна,
Молода Княжна Анна Романовна:
,,Ты гой еси, сударь, мой башюшка,
А Князь Романъ Васильевичь!
Ты гдѣ дѣвалъ мою машушку?"

Отвѣтъ держитъ ей Князь Романъ,
А Князь Романъ Васильевичь:
„Ты гой еси, молода Княжна,
Молода душа Анна Романовна!
Ушла твоя матушка мытися,
А мытися и бѣлитися,
А въ цвѣтно платье наряжатися.“
Кидалась молода Княжна,
Молода душа Анна Романовна:
„Вы гой еси, мои нянюшки, мамушки,
А сѣнныя красны дѣвушки!
Пойдемъ-то со мной на высокіе теремы,
Смотрѣть мою сударыню матушку,
Каково она моется, бѣлится,
А въ цвѣтно платье наряжается.“
Пошла она молода Княжна
Со своими няньки, мамками,
Ходила она по всѣмъ высокимъ теремамъ,
Не могла-то найти своей матушки,
Опять приступила къ батюшкѣ:
„Ты гой еси, сударь, мой батюшка,
А Князь Романъ Васильевичь!
А гдѣ ты дѣвалъ мою матушку?
Не могли мы сыскать въ высокіихъ теремахъ.“

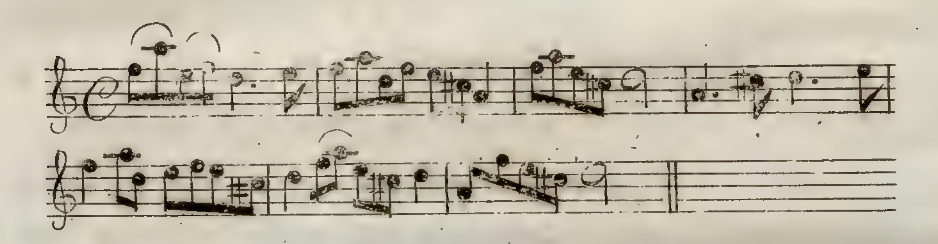
Проговоритъ ей Князь Романъ,
А Князь Романъ Васильевичь:
,,А и гой еси ты, молода Княжна,
Молода душа Анна Романовна!
Со своими няньками, мамками,
Со сѣнными красными дѣвицами
Ушла твоя матушка родимая,
Ушла гулять во зеленой садъ,
Во вишенье, въ орѣшенье.“
Пошла вѣдь тутъ молода Княжна
Со няньками, мамками во зеленой садъ;
Весь повыгуляли, никого не нашли въ зеленомъ саду,
Лишь только въ зеленомъ саду увидѣли,
Увидѣли новую диковинку;
Ни отколь взялся младъ сизой орелъ,
Въ когтяхъ несетъ руку бѣлую,
А и бѣлу руку съ золотымъ перстнемъ,
Уронилъ онъ орелъ бѣлу руку,
Бѣлу руку съ золотымъ перстнемъ,
Во тотъ ли зеленой садъ.
А втапоры нянюшки, мамушки
Подхватили они рученьку бѣлую,
Подавали они молодой Княжнѣ,
Молодой душѣ Аннѣ Романовнѣ.

А втапоры Анна Романовна,
Увидѣла она бѣлу руку,
Опознавала она хорошъ золотъ перстень
Ея родимыя матушки;
Ударилась о сыру землю,
Какъ бѣлая лебедушка скрикнула,
Закричала тутъ молода Княжна:
„А и гой еси вы, нянюшки, мамушки
А сѣнныя красныя дѣвушки!
Бѣгите вы скоро на быстру рѣку,
На быстру рѣку Смородину,
А что тамо птицы слетаются,
Дубравные звѣри сбѣгаются.“
Бросалися нянюшки, мамушки
А сѣнныя красныя дѣвушки —
По край рѣки Смородины
Дубравные звѣри кости дѣлятъ,
Сороки, вороны кишки тащатъ.
А ходитъ тутъ въ зеленомъ саду
Молода душа Анна Романовна,
А носитъ она руку бѣлую,
А бѣлу руку съ золотымъ перстнемъ.
А только вѣдь нянюшки
Нашли они пусту голову,

Сбирали они съ пустою головой
А всѣ тутъ кости и ребрушки,
Хоронили они и пусту голову
Со тѣми костьми, со ребрушки,
И ту бѣлу руку съ золотымъ перстнемъ.

XLIX.

ВО ХОРОШЕМЪ ВЫСОКОМЪ ТЕРЕМѢ, ПОДЪ КРАСНЫМЪ КОСЯЩАТЫМЪ ОКОШКОМЪ.



Во хорошомъ-то высокомъ теремѣ,
Подъ краснымъ подъ косящатымъ окошкомъ,
Что голубь со голубушкой воркуетъ,
Дѣвица съ молодцемъ рѣчи говорила:
„А душечка, удалой доброй молодецъ!
Божился доброй молодецъ, ратился,
А всякими неправдами заклинался,
Порукою давалъ мнѣ Спасовъ образъ,
Образъ Святителя Николу Чудотворца —
Не пить бы пива пьянаго,
До пьяна зеленаго вина не пить,
До повалу сладкіихъ медовъ, безпросыпныхъ;

А нонѣ ты, мой надежа, запиваешься:
Ты пьешь-то пива пьянаго,
До пьяна зеленое вино, пьешь до повалу,
А сладкіе пьешь меды безъ просыпу.“
Отвѣтъ держитъ удалой, доброй молодецъ:
„Ты глупая дѣвица, да неразумная!
Не съ радости пью я, молодецъ, съ кручины,
Съ тоя ли .... великія печали;
Записанъ доброй молодецъ въ солдаты,
Поверстанъ, доброй молодецъ, я въ капралы.
Не то мнѣ доброму молодцу забѣдно,
Что Царь меня на службу ту посылаетъ;
А то мнѣ доброму молодцу забѣдно,
Отецъ, мати старешеньки остаются,
А не кому поить будетъ, ихъ кормити;
Еще мнѣ доброму молодцу забѣдно,
Что съ недругомъ въ одномъ мнѣ полку быти,
Въ одной мнѣ шереножкѣ служити.

L.

АТАМАНЪ ПОЛЬСКОЙ.

За Зарайскомъ городомъ, за Рязанью за Старою,
Изъ далеча изъ чиста поля, изъ раздолья широкаго,
Какъ бы гнѣдаго тура привезли убитаго,
Привезли убитаго Атамана Польскаго,
Атамана Польскаго, а по имени Михайла Черкашенина.

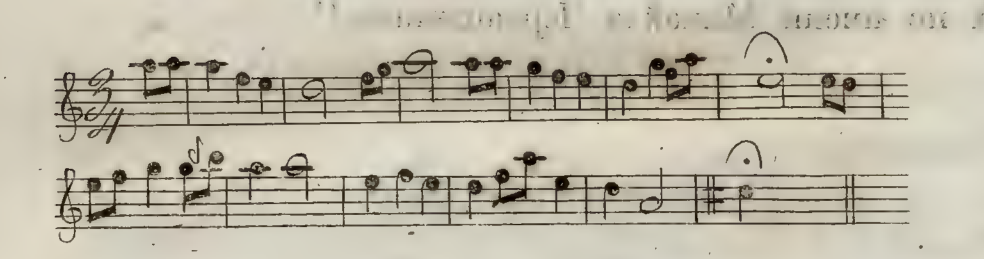
А птицы ластицы кругъ гнѣзда убиваются,
Еще плачутъ малы его дѣти надъ бѣлымъ тѣломъ;

Съ высокаго терема зазрѣла молодая жена,
А плачетъ, убивается надъ его бѣлымъ тѣломъ,
Скрозь слезы свои она едва слово промолвила,

Жалобно причитаючи ко его бѣлу тѣлу:
„Козачья вольная поздорову пріѣхали,
Тебя свѣта моего привезли убитаго,
Привезли убитаго Атамана Польскаго,
А по имени Михайла Черкашенина.“

LI.

НА ЛИТОВСКОМЪ РУБЕЖѢ.



Какъ далече далече, во чистомъ полѣ,
Далече во чистомъ полѣ,
На Литовскомъ на рубежѣ,
Подъ Смоленскомъ городомъ,
Подъ Смоленскомъ городомъ,
На лугахъ лугахъ зеленыихъ,
На лугахъ лугахъ зеленыихъ
Молода коня ималъ,
Молодецъ коня ималъ,
Дворянинъ душа спрашиваетъ:
„А и конь-то ли, доброй конь,
А конь наступчивой,
За чѣмъ ты травы не ѣшь,
Травы конь зеленыя?

За чѣмъ конь травы зеленыя не ѣшь,
Воды не пьешь ключевыя?“
Провѣщится доброй конь
Человѣческимъ голосомъ:
„Ты хозяинъ мой ласковой,
Дворянинъ, душа отецкой сынъ!
За тѣмъ я травы не ѣмъ,
Травы не ѣмъ зеленыя
И воды не пью ключевыя,
Я вѣдаю, доброй конь,
На твоей буйной головѣ
Невзгоду великую:
Поѣдешь ты молодецъ
На службу Царскую
И на службу воинскую, —
А мнѣ коню быть подстрѣлену,
Быть тебѣ молодцу въ пойманьи;
Потерпишь ты молодецъ,
Потерпишь молодецъ
Нужи, бѣдности великія,
А примешь ты молодецъ
Много холоду, голоду,
Много холоду, ты голоду,
Наготы, босоты вдвое того.“

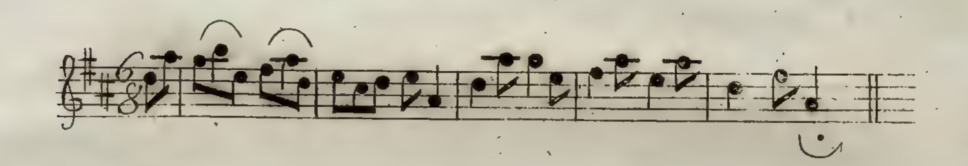
Позабылъ доброй молодецъ
А и то время нещастливое,
Повѣстка ему молодцу
На ту службу на Царскую;
Поѣхалъ онъ молодецъ
Онъ во полкахъ Государевыхъ.
Отъ Смоленца города,
Далече во чистомъ полѣ,
Стоятъ полки Царскіе,
А и роты дворянскія,
А все были войска Россійскія.
Изъ далеча, чиста поля,
Изъ раздолья широкаго,
Напущалися тутъ
На ихъ полки невѣрные,
Полки невѣрные,
Все Чудь поганая;
А Чудо поганое
На вылазку выѣхалъ,
А спрашивалъ противника
Изъ полковъ Государевыхъ:
Изъ роты дворянскія
Противника не выискалось;
А онъ то задоренъ былъ

Дворянинъ, отецкой сынъ,
На вылазку выѣхалъ,
Со Чудомъ дратися, —
А Чудо поганое о трехъ рукахъ.
Съѣзжаются молодцы
Далече во чистомъ полѣ;
А у Чуда поганаго
Одно было побоище,
Одно было побоище —
Большая рогатина,
А у дворянина сабля острая;
Сбѣгаются молодцы,
Какъ два ясные соколы
Во едино мѣсто слеталися.
Помогай Богъ молодцу
Дворянину Рускому!
Онъ отводитъ рогатину
Своею саблею острою —
Что у Чуда поганаго
Отвелъ его рогатину,
Прирубилъ у него головы всѣ.
Идолища поганая
Подстрѣлили добра коня,
Подстрѣлили добра коня

У дворянина Смоленскаго,
Онъ вѣдь пѣшь доброй молодецъ,
Бѣгаетъ пѣшь по чисту полю,
Кричитъ, ревётъ молодецъ
Во полки Государевы:
„Стрѣльцы вы старые!
Подведите добра коня,
Не выдайте молодца
Вы у дѣла ратнаго,
У часочку смертнаго.“
А идолы поганые
Метались грудою всѣ,
Схватили молодца,
Увезли въ чисто поле;
Стали его мучити,
И не поятъ, не кормятъ его,
Морятъ его смертью голодною,
И мучатъ смертью неподобною.
А пало молодцу на умъ
Нещастье великое,
Что ему доброй конь наказывалъ; —
Изгибла головушка
Ни за едину денежку.

LII.

ОХЪ! ВЪ ГОРѢ ЖИТЬ — НЕКРУЧИННУ БЫТЬ.

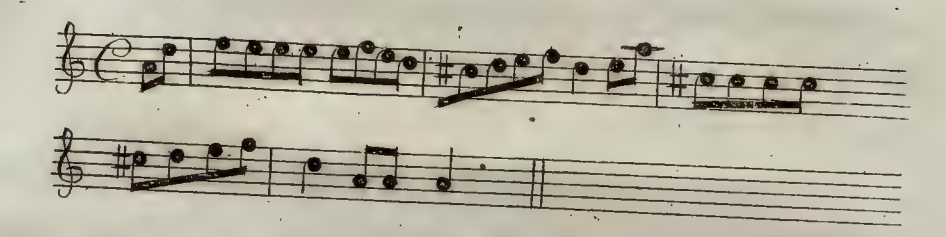


А и горе горе, гореваньице!
А и въ горѣ жить — не кручинну быть,
Нагому ходить — не стыдитися,
А и денегъ нѣту — передъ деньгами,
Появилась гривна — передъ злыми дни.
Не бывать плѣшатому кудрявому,
Не бывать гулящему богатому,
Не отростить дерева суховерхаго,
Не откормить коня сухопараго,
Не утѣшити дитя безъ матери,
Не скроить атласу безъ мастера.
А горе горе, гореваньице!
А и лыкомъ горе подпоясалось,
Мочалами ноги изопутаны!
А я отъ горя въ темны лѣса —

А горе прежде вѣкъ зашелъ;
А я отъ горя въ почестной пиръ —
А горе зашелъ, впереди сидитъ;
А я отъ горя на Царевъ кабакъ —
А горе встрѣчаетъ, ужъ пиво тащитъ.
Какъ я нагъ-то спалъ, насмѣялся онъ.

LIII.

ЧЮРИЛЬЯ ИГУМЕНЬЯ.



Да много было въ Кіевѣ Божьихъ церквей,
А больше того почестныхъ монастырей;
А и не было чуднѣе Благовѣщенія Христова.
А у всякой церкви по два попа,
Кабы по два попа, по два дьякона
И по малому пѣвчему по дьячку;
А у нашего Христова Благовѣщенья честнаго
А былъ у насъ-де Иванъ пономарь,
А гораздъ-де, Иванушка, онъ къ заутрени звонить.
Какъ бы русая лиса голову клонила,
Пошла-то Чюрилья къ заутрени;
Будто галицы летятъ, за ней старицы идутъ:
По правую руку идутъ сорокъ дѣвицъ,
Да по лѣвую руку друга сорокъ,
Позади ея дѣвицъ и смѣты нѣтъ.

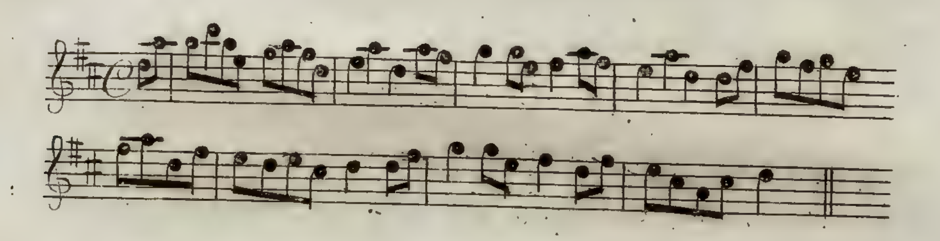
Дѣвицы становилися по крылосамъ,
Честна Чурилья въ алтарь пошла.
Запѣвали тутъ дѣвицы четью пѣть,
Запѣвали тутъ дѣвицы стихи верхніе;
А поютъ они на крылосахъ, мѣшаются,
Не по старому поютъ, усмѣхаются;
Проговоритъ Чурилья Игуменья:
„А и Өедоръ дьякъ, дѣвій староста!
А скоро походи ты по крылосамъ,
Ты спроси, что поютъ дѣвицы, мѣшаются,
А мѣшаются дѣвицы, усмѣхаются.“
А и Өедоръ дьякъ сталъ ихъ спрашивать:
„А и старицы черницы, души красныя дѣвицы!
А что вы поете, сами мѣшаетесь,
Промежу собой, дѣвицы, усмѣхаетесь?“
Отвѣтъ держатъ черницы, души красныя дѣвицы:
„А и Өедоръ дьякъ, дѣвій староста!
А соромъ сказать, грѣхъ утаить,
А и то поемъ, дѣвицы, мѣшаемся,
Промежу собой, дѣвицы, усмѣхаемся,
У насъ нѣту дьяка запѣвальщика,
А и молодой Стафиды Давидовны —
А Иванушки пономаря здѣ же нѣтъ.“
А сказалъ онъ, дѣвій староста,

А сказалъ Чурильѣ Игуменьѣ:
„То дѣвицы поютъ, мѣщаются,
Промежу собой дѣвицы усмѣхаются,
Нѣтъ у нихъ дьяка запѣвальщика,
Стафиды Давидьевны, пономаря Иванушки.“
И сказала Чурилья Игуменья:
„А ты Ѳедоръ дьякъ, дѣвій староста!
А скоро ты побѣги по монастырю,
Скоро обойди триста келій,
Поищи ты Стафиды Давидьевны.
Али Стафидѣ ей мало можется?
Али стоитъ она передъ Богомъ, молится?“
А Ѳедоръ дьякъ заскакалъ, забѣжалъ,
А скоро побѣжалъ по монастырю,
А скоро обходилъ триста келій,
Дошелъ до Стафидины келійки:
Подъ окошечкомъ огонекъ горитъ,
Огонекъ горитъ, караулъ стоитъ;
А Ѳедоръ дьякъ караулъ скралъ,
Караулы скралъ, онъ въ келью зашелъ,
Онъ двери отпворилъ, и въ келью зашелъ:
„А и гой еси ты, Стафида Давидьевна,
А и Царская ты Богомольщица,
А и ты же Княженецка племянница!

Не твое-то дѣло танцы водить,
А твое-бо дѣло Богу молитися, къ заутрени идти."
Бросалася Стафида Давидьевна,
Наливала стаканъ винца, водки добрыя
И другой меду сладкаго,
И пала ему старостѣ во рѣзвы ноги:
„Выпей стаканъ зелена вина,
Другой меду сладкаго,
И скажи Чурильѣ Игуменьѣ,
Что мало Стафидѣ можется,
Едва душа въ тѣлѣ полуднуетъ."
А и тотъ-то Ѳедоръ, дѣвій староста,
Онъ скоро пошелъ ко заутрени,
И сказалъ Чурильѣ Игуменьѣ:
„Что той-де старицѣ
Стафидѣ Давидьевнѣ мало можется,
Едва ея душа полуднуетъ."
А и та-то Чурилья Игуменья, отпѣвши заутреню,
Скоро поѣзжала по монастырю,
Изпроѣхала триста келій,
И доѣхала ко Стафидинѣ кельицѣ, —
И взяла съ собою питья добрыя,
И стала ее лѣчить, поить.

LIV.

ВЫСОТА ЛИ, ВЫСОТА ПОДНЕБЕСНАЯ.



Высока ли, высота поднебесная,
Глубока, глубота океанъ море,
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты Днѣпровскіе;
Чуденъ крестъ Леванидовской,
Долги плеса Чевылецкіе,
Высокія горы Сорочинскія,
Темны лѣса Брынскіе,
Черны грязи Смоленскія,
А и быстрыя рѣки Понизовскія. —
При Царѣ Давидѣ Евсѣевичѣ,
При старцѣ Макарьѣ Захарьевичѣ
Было беззаконство великое:
Старицы по кельямъ — родильницы,

Черницы по дорогамъ — разбойницы,
Сынъ съ отцемъ на судъ идетъ,
Братъ на брата съ боемъ идетъ,
Братъ сестру за себя емлетъ.
Издалеча, чиста поля
Выскакалъ тутъ, выбѣгалъ
Суровецъ богатырь, Суздалецъ,
Богатаго гостя, Заморенинъ сынъ.
Онъ бѣгаетъ, скачетъ по чисту полю,
Спрашиваетъ себѣ сопротивника,
Себѣ сильна могуча богатыря:
Побиться, подраться, порататься,
Силы богатырски проотвѣдати,
А могучи плечи пріоправити.
Онъ бѣгалъ, скакалъ по чисту полю,
Хоботы металъ по темнымъ лѣсамъ;
Не нашелъ онъ въ полѣ сопротивника
И поѣхалъ ко городу Покидошу.
И пріѣзжалъ ко городу Покидошу. —
Во славномъ городѣ Покидошѣ
У Князя Михайлы Ефимонтьевича
У него Князя почестной пиръ;
А и тутъ молодцу пригодилося,
Приходилъ на Княженецкой дворъ,

Походилъ во гридню во свѣтлую:
Спасову образу молится,
Великому Князю поклоняется.
А Князь Михайло Ефимонтьевичь
Наливалъ чару зелена вина въ полтора ведра,
Подаетъ ему доброму молодцу,
А и самъ говорилъ тако слово:
„Какъ, молодецъ, именемъ зовутъ,
Какъ величать по изотчеству?"
Сталъ, молодецъ, онъ разсказывати:
„Князь-де Михайло Ефимонтьевичь!
А меня зовутъ, добра молодца,
Суровецъ богатырь, Суздалецъ,
Богатаго гостя, Заморенинъ сынъ."
А и тутъ Князю то слово полюбилося,
Посадилъ его за столы убраные,
Въ ту скамью богатырскую,
Хлѣба съ солью кушати —
И довольно пити, прохлаждатися.

LV.

ДУРЕНЬ.

А жилъ былъ Дурень,
А жилъ былъ Бабинъ;
Вздумалъ онъ Дурень
На Русь гуляпи,
Людей видапи,
Себя казапи.
Опшедши Дурень
Версту другу,
Нашелъ онъ Дурень
Двѣ избы пуспы,
Въ препей людей нѣпъ;
Заглянепъ въ подполье,
Въ подпольѣ черпи
Воспроголовы,
Глаза что часы,

Усы что вилы,
Руки что грабли, —
Въ карты играютъ,
Костью бросаютъ,
Деньги считаютъ,
Груды переводятъ;
Онъ имъ молвилъ:
„Богъ вамъ въ помочь
Добрымъ людямъ.“
А черти не любятъ,
Схватили Дурьня,
Зачали бити,
Зачали давити,
Едва его Дурьня
Жива отпустили.
Пришедши Дурень
Домой-то плачетъ,
Голосомъ воетъ;
А мать бранити,
Жена пѣняти,
Сестра-то также:
„Ты глупой Дурень,
Неразумной Бабинъ!
То же бы ты слово,

Не также бы молвилъ;
А ты бы молвилъ:
Будь врагъ проклятъ
Именемъ Господнимъ,
Во вѣки вѣковъ, аминь.
Чертибъ убѣжали,
Тебѣ бы Дурьню
Деньги достались
Вмѣсто кладу."
Добро ты баба,
Баба Бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава!
Потомъ я Дурень
Таковъ не буду!

*

Пошелъ онъ Дурень
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Увидѣлъ Дурень
Четырехъ братовъ —
Ячмень молотятъ,
Онъ имъ молвилъ:

„Будь врагъ проклятъ
Именемъ Господнимъ."
Бросилися къ Дурьню
Четыре брата,
Стали его бити,
Стали его колотити —
Едва его Дурьня
Жива отпустили.
Пришедши Дурень
Домой-то, плачетъ,
Голосомъ воетъ;
А мать бранити,
Жена пѣняти,
Сестра-то также:
„А глупой Дурень,
Неразумной Бабинъ!
Тоже бы ты слово,
Не также бы молвилъ —
Ты бы молвилъ
Четыремъ братамъ,
Крестьянскимъ дѣтямъ:
„Дай вамъ Боже!
По сту на день,
По тысячѣ на недѣлю."

Добро ты баба,
Баба Бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава!
Потомъ я Дурень
Таковъ не буду!

*

Пошелъ же Дурень,
Пошелъ же Бабинъ,
На Русь гуляти,
Себя казати.
Увидѣлъ Дурень
Семь братовъ,
Мать хоронятъ,
Отца поминаютъ,
Всѣ тутъ плачутъ,
Голосомъ воютъ;
Онъ имъ молвилъ:
,,Богъ вамъ въ помощь
Семь васъ братовъ!
Мать хоронити,
Отца поминати,—
Дай Господь Богъ вамъ

По сту на день,
По тысячѣ на недѣлю."
Схватили его Дурьня
Семь-то братовъ,
Зачали его бити,
По землѣ таскати,
Въ ..... валяти, —
Едва его Дурьня
Жива отпустили.
Идетъ-то Дурень
Домой-то, плачетъ,
Голосомъ воетъ;
Мать бранити
Жена пѣняти,
Сестра-то также:
„А глупой Дурень,
Неразумной Бабинъ!
Тоже бы ты слово,
Не также бы молвилъ,
Ты бы молвилъ: прости!
Боже благослови!
Дай Боже имъ
Царство небесное,
Въ землѣ упокой,

Пресвѣтлой рай всѣмъ!
Тебя бы Дурьня
Блинами накормили,
Кутьей напитали.“
Добро ты баба,
Баба Бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава!
Потомъ я Дурень
Таковъ не буду.

*

Пошелъ онъ Дурень
На Русь гуляти,
Себя казати,
Людей видати.
Встрѣчу ему свадьба,
Онъ имъ молвилъ: „прости!
Боже благослови!
Дай вамъ Господь Богъ
Царство небесно,
Въ землѣ упокой,
Пресвѣтлой рай всѣмъ!“
Наѣхали дружки,

Наѣхали бояра,
Спали Дурьня
Плетьми стегати,
По ушамъ хлестати.
Пошелъ, заплакалъ,
Идетъ да воетъ;
Мать его бранити,
Жена пѣняти,
Сестра-то также:
„Ты глупой Дурень,
Неразумной Бабинъ!
Тоже бы слово,
Не также бы молвилъ,
Ты бы молвилъ:
Дай Господь Богъ
Новобрачному Князю
Сужено поняти,
Подъ златъ вѣнецъ стати,
Законъ Божій пріяти,
Любовно жити,
Дѣтей сводити!“
Потомъ я Дурень
Таковъ не буду!

✲

Пошелъ онъ Дурень
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Встрѣчу Дурьню
Идетъ старецъ,
Онъ ему молвилъ:
„Дай Господь Богъ
Тебѣ же старцу
Сужено поняти,
Подъ златъ вѣнецъ стати,
Любовно жити,
Дѣтей сводити!“
Бросился старецъ,
Схваталъ его Дурьня,
Сталъ его бити,
Костылемъ коверкатъ —
И костыль изломалъ весь;
Не жаль старцу дурака-то,
Но жаль ему старцу костыля-то.
Идетъ-то Дурень
Домой-то, плачетъ,
Голосомъ воетъ,
Матери разскажетъ;

Мать его бранити,
Жена журити,
Сестра-то также:
„Ты глупой Дурень,
Неразумной Бабинъ!
Тожъ бы ты слово,
Не также бы молвилъ,
Ты бы молвилъ:
Благослови меня отче
Святой Игуменъ!
А самъ бы мимо.“
Добро ты баба
Баба Бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава!
Потомъ я Дурень
Впредъ таковъ не буду!

*

Пошелъ онъ Дурень
На Русь гуляти,
Въ лѣсу ходити.
Увидѣлъ Дурень
Медвѣдя за сосной;

Кочку роетъ,
Корову коверкатъ;
Онъ ему молвилъ:
„Благослови мя отче
Святой Игуменъ!
А отъ тебя духъ дуренъ."
Схваталъ его медвѣдь-атъ,
Зачалъ драти,
И всего ломати,
И смертно коверкать,
И . . . . выѣлъ;
Едва его Дурьня
Жива оставилъ.
Пришедши Дурень
Домой-то плачетъ,
Голосомъ воетъ,
Матери разскажетъ;
Мать его бранити
Жена пѣняти,
Сестра-то также:
„Ты глупой Дурень,
Неразумной Бабинъ!
Тоже бы слово,
Не также бы молвилъ:

Ты бы заускалъ,
Ты бы загайкалъ
Ты бы заулюкалъ."
Добро ты баба,
Баба Бабариха!
Мать Лукерья,
Сестра Чернава!
Потомъ я Дурень
Таковъ не буду!

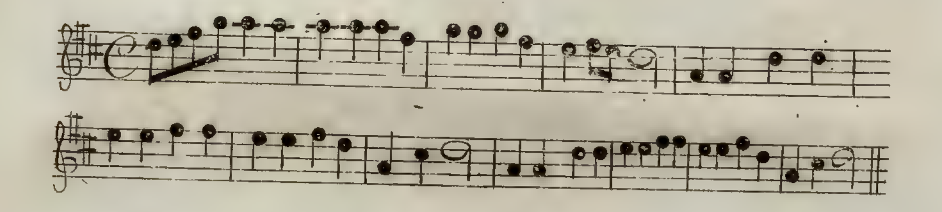
*

Пошелъ же Дурень
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Будетъ Дурень
Въ чистомъ полѣ,
Встрѣчу Дурню
Шишковъ Полковникъ;
Онъ заускалъ,
Онъ загайкалъ,
Онъ заулюкалъ, —
Наѣхали на Дурня
Солдаты,

Набѣжали драгуны,
Стали Дурьня бити,
Стали колотити.
Тутъ ему Дурьню
Голову сломили,
И подъ кокору
Бросили.
Тутъ ему Дурьню
И смерть случилась.

LVI.

ТАМЪ НА ГОРАХЪ НАѢХАЛИ БУХАРЫ:



Еще тамъ на горахъ наѣхали Бухары, 2ж
Весуръ весуръ, валахтантарара хтаранда руфу!

*

А наѣхалъ Жинжа: „здравствуй, мости пане! 2ж
Весуръ весуръ, валахтантарара хтаранда руфу!

*

Потанцуй же Жинжа, гораздъ мости пане! 2ж
Весуръ весуръ, валахтантарара хтаранда руфу!

*

Онъ зачалъ же скакать, учалъ припѣвати. 2ж
Весуръ весуръ, валахтантарара хтаранда руфу!

*

Привели ему Жиду, что Жидовку хорошу. — 2ж
Весуръ весуръ, валахтантара хтаранда руфу!

Онъ зачалъ ее охлестывати и ошевертывати. 2ж
Весуръ весуръ, валахтантарара хтаранда руфу!

*

Еще имали были свои добрые кони, 2ж
Весуръ весуръ, валахтантарара хтаранда руфу!

*

А поѣхали были на своихъ добрыихъ коняхъ 2ж
Весуръ весуръ, валахтантарара хтаранда руфу!

*

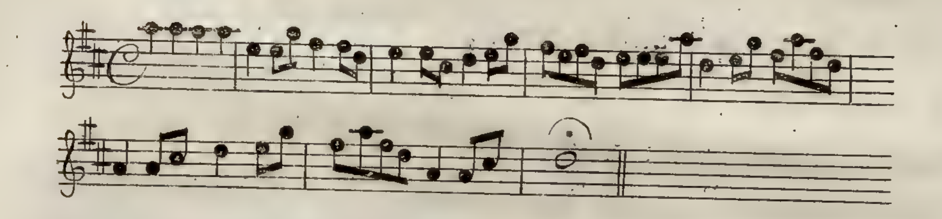
Они съ холмы на холмы, на холмы горы. 2ж
Весуръ весуръ, валахтантарара хтаранда руфу!

*

Еще хелмы да велми, куварзы визанъ! 2ж
Весуръ весуръ, валахтантарара хтаранда руфу!
Еще шанцы да шпенцы, бекбеке бекенцы, бекушенцы!

LVII.

У СПАСА КЪ ОБѢДНИ ЗВОНЯТЪ.



У Спаса къ обѣдни звонятъ,
У прихода часы говорятъ,
По монастырямъ благовѣстятъ; —
Теща къ обѣдни спѣшитъ,
На мутовкѣ рубашку сушитъ,
На поваренкѣ кокошнички.
А и теща къ обѣдни пошла —
Что идетъ помалешеньку,
Ступаетъ потихошеньку,
Съ ноги на ногу поступываетъ,
На башмачки посматриваетъ,
Чеботы накалачиваетъ.
Всѣ Боги теща прошла,
А зашедъ-то Николѣ челомъ,
А Николѣ Мясницкому;

Всѣ люди шеща прошла,
А зашедъ-шо она зяшю челомъ
Да Денису Борисовичу.
А и зяшь на нее не глядишъ,
Господинъ слово не говоришъ:
„А и вижу я, вижу сама,
А что есшь на немъ бѣшеная!
Бишь зяшю дочи моя,
Прогнѣвишь сердце машерино,
И пролишь бы горячу кровь.
А и чѣмъ будешъ зяшя даришь,
Чѣмъ господина даришь?
Есшь у меня у вдовы,
Будешъ съ него живоша,
Пойду млада въ шорги,
Куплю млада камки,
Сошью ли я зяшю кафшанъ,
Сошью дочери сарафанъ,
Чшобы зяшь дочери не билъ,
Не гнѣвилъ сердце машерино,
Не проливалъ бы горячу кровь."

*

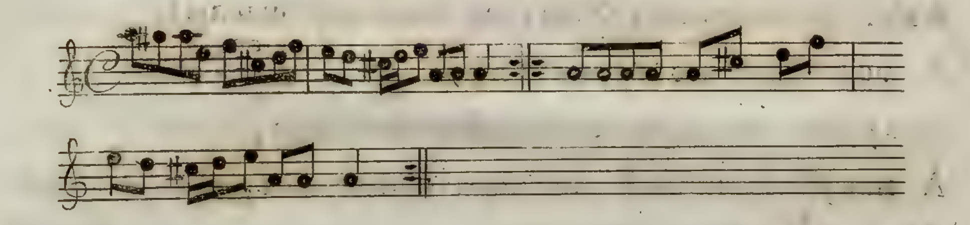
У Спаса къ обѣдни звоняшъ,
У прихода часы говоряшъ,

По монастырямъ благовѣстятъ; —
Теща къ обѣдни спѣшитъ,
На мутовкѣ рубашку сушитъ,
На поваренки кокошнички.
Она теща къ обѣдни пошла —
А идетъ помалешеньку,
Ступаетъ потихошеньку,
Съ ноги на ногу поступываетъ,
На башмачки посматриваетъ,
Чеботы накалачиваетъ.
А всѣ Боги теща прошла,
А зашедъ-то Николѣ челомъ,
А Николѣ Мясницкому;
Всѣ люди теща прошла,
А зашедъ-то она зятю челомъ
Да Денису Борисовичу.
Зять на нее не глядитъ,
Господинъ слово не говоритъ:
„Вижу я, вижу сама,
А что есть на немъ бѣшеная!
Бить зятю дочерь моя,
Прогнѣвить сердце материно,
Проливать бы горячу кровь.
Чѣмъ будетъ зятя дарить,

Чѣмъ господина даришь?
Есть у меня у вдовы,
Есть у меня молоды
А три церкви, три каменны,
А и маковицы серебряны,
Кресты позолочены;
Промежу тѣми церкви
Протекла быстрая рѣка,
А на той на быстрой на рѣкѣ
Много гусей, лебедей,
Много сѣрыхъ малыхъ утечекъ;
А и тѣмъ будетъ зятя даришь,
Мнѣ-ко тѣмъ господина даришь
И Дениса Борисовича."
А и зять на нее поглядѣлъ,
Господинъ слово выговорилъ:
„Теща ты, теща моя,
Богоданная матушка!
Ты подишь-ко живи у меня,
А работы не робь на меня;
Только ты баню топи,
Только ты воду носи,
Еще мнѣ робенки качай."

LVIII.

УСЫ, УДАЛЫ МОЛОДЦЫ.



Ахъ! доселѣва Усовъ и слыхомъ не слыхать,
А слыхомъ ихъ не слыхать, и видомъ не видать;
А нонѣча Усы проявились на Руси,
А въ новомъ усольи у Строгонова.
Они щепетко по городу похаживають,
А кораблики бобровые, верхи бархатные,
На нихъ смурые кафтаны,
Съ подпушечками съ камчатыими,
А и синіе чулки, Астраханскіе черевики,
А красныя рубашки, косые вороптники, золотые плетни.
Собиралися Усы на Царевъ на кабакъ,
А садилися молодцы во единой кругъ.
Большой Усище и всѣмъ Атаманъ,
А Гришка Мурышка, дворянской сынъ,

Самъ говоритъ, самъ усомъ шевелитъ:
„А братцы Усы, удалые молодцы!
А и лѣто проходитъ, зима настаетъ,
А и надо чѣмъ усамъ голова кормитъ,
На полатяхъ спать и намъ сытымъ быть.
Ахъ! нутеть-ко, Усы, за свои промыслы!
А мечитеся по кузницамъ,
Накуйте топоры съ подбородышами,
А накуйте ножей по три четверти,
Да и сдѣлайте бердыши
И рогатины и готовтесь всѣ;
Ахъ! знаю я крестьянина — богатъ добрѣ,
Живетъ на высокой горѣ, далеко въ сторонѣ,
Хлѣба онъ не пашетъ, да рожъ продаетъ,
Онъ деньги беретъ, да въ кубышку кладетъ,
Онъ пива не варитъ и сосѣдей не поитъ,
А прохожіихъ-то людей ночевать не пущатъ,
А прямыя дороги не сказываетъ.
Ахъ! надо-де къ крестьянину умѣючи идти:
А по полю идти — непосвистывати,
А и по бору идти — непокашливати,
Ко двору его идти — непошаркивати.
Ахъ! у крестьянина-то въ домѣ борзые кобели
И ограда крѣпка, избушка заперта,

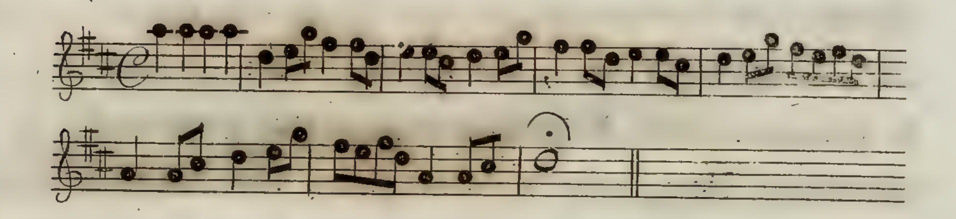
У крестьянина ворота крѣпко заперты.“
Пришли они Усы ко крестьянскому двору,
А хватались за заборъ, да метались на дворъ;
Ахъ! кто-де во двери, Атаманъ въ окно:
А и тотъ съ борку, иной съ борку,
Ужь полна избушка принабуркалася.
А Гришка Мурышка, дворянской сынъ,
Сѣлъ впереди подъ окномъ,
Самъ и локоть на окно, ноги подъ .....
Онъ самъ говоритъ и усомъ шевелитъ:
„А и нутко ты, крестьянинъ, поворачивайся!
А и дай намъ Усамъ и попить и поѣсть,
И попить и поѣсть и позавтракати.“
Охъ! метался крестьянинъ въ большой анбаръ;
И крестьянинъ-атъ несетъ пять пудъ толокна,
А старуха-то несетъ три ушата молока.
Ахъ! увидѣли Усы, молодые молодцы,
А и кадь большу, въ чемъ пиво варятъ.
Замѣшали молодцы они теплушечку,
А нашли въ молокѣ лягушечку;
Атаманъ говоритъ: „ахъ вы добры молодцы, вы не брезгуйте!
А и по нашему по Руски холоденушка.“
Они по кусу хватили, только голодъ заманили,

По другому хвашили, пріоправилися,
Какъ по трешьему хвашили, ему кланялися:
„А спасибо шѣ, кресшьянинъ, на хлѣбѣ на соли,
И на кисломъ молокѣ, на овсяномъ шолокнѣ,
Напоилъ насъ, накормилъ, да и живошомъ надѣли —
Надѣли шы насъ Усовъ по пяшидесяшь рублевъ,
А большому Ашаману полшарасша рублевъ.“
А кресшьянинъ-ашъ божишся: „право денегъ нѣшъ.“
А сшаруха рашишся: „ни полушечки.“
А дуракъ на печи, чшо клеишъ говоришъ:
„А брашцы Усы, удалы молодцы!
А и есшь-де вѣдь у башюшки денежки,
А и будешъ васъ Усовъ всѣхъ одѣляшь,
А мнѣ-де дураку не досшанешся;
А все копишъ зяшьямъ, ...“
А проговоришъ Усище, большой Ашаманъ:
„Брашцы, Усы, за свои промыслы!
Охъ! нушко Афанасъ, доведи его до насъ!
Ахъ! нушко Агафонъ, да вали его на огонь!
А беришe шопоры съ подбородышами,
Ахъ! колише заслонъ, да щепайше лучину,
Добывайше огонь, кладише на огонь середи избы,
Валише кресшьянина брюхомъ въ огонь,
А сшаруху валише . . . . . на огонь.“

Не могъ крестьянинъ огня стерпѣть,
Ахъ! сталъ крестьянинъ на огонь . . . . . .
Побѣжалъ крестьянинъ въ большой анбаръ,
Вынималъ изъ подъ каменя съ деньгами кубышечку,
Приносилъ крестьянинъ, да брякъ на столъ:
„Вотъ вамъ, Усамъ, по пятидесять рублевъ,
А большому-то Усищу полтараста рублевъ.“
Вставали Усы, они крестьянину кланяются:
„Да спасибо тѣ крестьянинъ на хлѣбѣ на соли,
И на овсяномъ толокнѣ и на кисломъ молокѣ,
Напоилъ насъ, накормилъ, животомъ надѣлилъ.
Ахъ! мы дворъ твой знаемъ и опять зайдемъ,
И тебя убьемъ и твоихъ дочерей уведемъ,
А дурака твоего въ Есаулы возмемъ.

LIX.

КТО ТРАВНИКА НЕ СЛЫХАЛЪ.



А и дѣялося въ веснѣ,
На старой на Канакжѣ —
Ставилъ Попанька плужокъ
Подъ окошко къ себѣ на лужокъ.
Отъ моря-то синяго,
Изъ-за горъ высокіихъ,
Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго
Вылеталъ молодой Травникъ;
Прилеталъ молодой Травникъ,
Молодой Зуй болотникъ.
А садился Травникъ на лужокъ,
А травку пощипываетъ,
По лужку похаживаетъ;
Ходючи Травникъ по лужку
Да попалъ Травникъ въ плужокъ

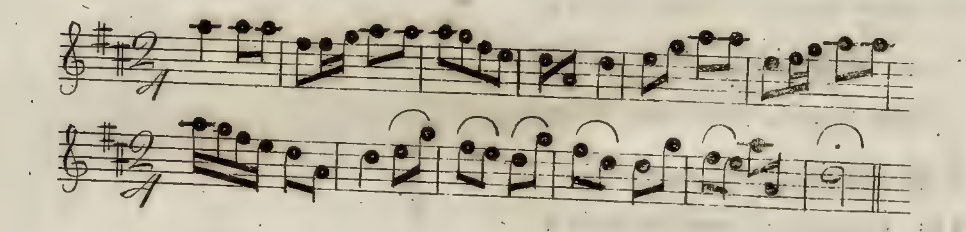
Своей лѣвой ноженькой,
Онъ правымъ крылошкомъ,
Да мизиннымъ перстичкомъ.
А и пикъ, пикъ, пикъ Травникъ —
Сидючи Травникъ на лужку,
На лужку, Травникъ, во плужку.
Едва Травникъ вырвался,
Взвился Травникъ высоко,
Полетѣлъ Травникъ далеко;
Залетѣлъ Травникъ въ Москву,
И нашелъ въ Москвѣ кабачокъ,
Топъ кабачокъ, то кручокъ.
А и тутъ поймали его,
Били его въ . . . .
Посадили его въ тюрьму, —
Пять недѣль, пять недѣль посидѣлъ,
Пять алтынъ, пять алтынъ заплатилъ;
И за то его выпустили,
Да кнутомъ его выстегали,
По рядамъ его выводили.
Ѣдетъ дуга на дугѣ,
Шелудякъ на хромой лошади —
А все Травника смотрѣть,
Все молодаго смотрѣть.

Едва Травникъ вырвался,
Взвился Травникъ высоко,
Полетѣлъ Травникъ далеко,
На старую Канакжу,
Ко Семену Егупьевичу
И ко Марьѣ Алферьевнѣ
И ко Аннѣ Семеновнѣ.
Залетѣлъ Травникъ въ окно —
По избѣ онъ похаживаетъ,
А низко спину гнетъ,
Носомъ въ землю претъ,
Збой за собой держитъ
И лукавство великое.
А Семенъ Травника не взлюбилъ,
Господинъ Травника не взлюбилъ:
„А что за птица-то,
А что за лукавая?
Она ходитъ, лукавится,
Збой за собой держитъ,
А и низко спину гнетъ,
А носомъ въ землю претъ."
И Семенъ Травника по щекѣ,
Господинъ по другой сторонѣ;
А спину, хребетъ сполочилъ,

Тѣло, печень прочь оттопталъ.
Пряники сладкіе, сапогами печатные,
Калачи крупичатые, сапогами толоченые.
Втапоры мужики,
Неразумные Канкжане,
Они ходятъ, дивуются:
„Гдѣ Травника не видатъ?
Гдѣ молодаго не слыхать?
Не клюетъ травыньки
Онъ вѣчны зеленыя."
Говоритъ Травникова жена,
Душа Анна Семеновна,
А наливная ягодка,
Виноградное вишенье:
„А глупы мужики,
Неразумные Канакжане!
Травникъ съ похмѣлья лежитъ,
Со Семеновы почести;
А Семенъ его подчивалъ,
Господинъ его чествовалъ:
Спину, хребетъ сполочилъ,
Тѣло, печень оттопталъ.

LX.

О СТАНИШНИКАХЪ, ИЛИ РАЗБОЙНИКАХЪ.



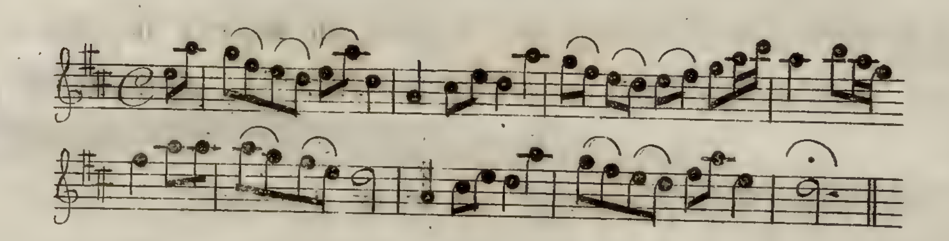
Какъ далече, далече во чистомъ полѣ —
Что ковыль трава во чистомъ въ полѣ шатается,
А и ѣздитъ въ полѣ старъ матеръ человѣкъ,
Старой ли козакъ Илья Муромецъ,
А и конь ли подъ нимъ кабы лютой звѣрь,
Онъ самъ на конѣ, какъ ясенъ соколъ.
Со старымъ вѣдь денегъ не годилося,
Только червонцевъ золотыхъ съ нимъ семь тысячей,
Дробныхъ денегъ сорокъ тысячей,
Коню вѣдь подъ старымъ цѣны не было.
Почему-то цѣны ему не было?
Потому-то коню цѣны не было,
За рѣку-то онъ броду не спрашивалъ,
Котора рѣка цѣла верста,

А скачетъ онъ съ берегу на берегъ.
Наѣхали на стараго станишники,
По нашему Рускому разбойники,
Кругомъ его стараго облавили,
Хотятъ его стараго ограбити,
Съ душей, съ животомъ его разлучить хотятъ.
Говоритъ Илья Муромецъ Ивановичь:
А и гой есть вы, братцы, станишники!
Убить меня стараго вамъ незачто,
А взяти у стараго нечего.
Вымалъ онъ изъ налушна крѣпкой лукъ,
Вынималъ онъ вѣдь стрѣлку каленую,
Онъ стрѣляетъ не по станишникамъ,
Стрѣляетъ онъ старой по сыру дубу;
А спѣла тетивка у туга лука,
Станишники съ коней попадали,
Угодила стрѣла въ сыръ кряковистой дубъ,
Изломала въ черенья въ ножевые дубъ.
Отъ того-то вѣдь грому богатырскаго,
Того-то станишники изпужалися,
А и пять они часовъ безъ ума лежатъ —
А и будто ото сна сами пробуждаются;
А Селма встаетъ, пересемываетъ,
А Спиря встаетъ, то постыриваетъ,

А всѣ они станишники бьютъ челомъ:
„Ты старой козакъ, Илья Муромецъ!
Возьми ты насъ въ холопство вѣковѣчное,
Дадимъ рукописанье служить до вѣку.“
Говоритъ Илья Муромецъ Ивановичь:
„А и гой есть вы, братцы, станишники!
Поѣзжайте отъ меня во чисто поле,
Скажите вы Чурилѣ, сыну Пленковичу,
Про стараго козака Илью Муромца.“

LXI.

О АТАМАНѢ ФЛОРѢ МИНАЕВИЧѢ.

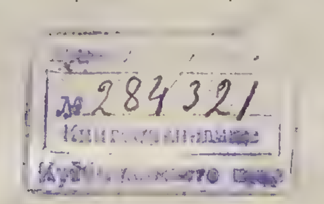


Прiуныли, прiупихли 2ж на Дону Донски да козаки,
А Яицкiе, Донскiе 2ж, Запорожскiе;
А и почемъ они уныли?
Попому они прiуныли 2ж, на Дону Донски да козаки,
Ахъ! чпо взялъ у нихъ Государь Царь 2ж ... городъ,
Со премя съ пѣми со малыми съ пригородками,
А и со славною со Кубаньей, съ крѣпкимъ Люпикомъ.
А во славномъ да во Черкасскомъ во земляномъ городкѣ
А спопипъ у козаковъ золопой бунчугъ,
А на бунчугѣ спопипъ чуденъ золопъ кресшъ,
А передъ кресшомъ шупо спопипъ Войсковой ихъ Апаманъ,
А по имени ли Флоръ сынъ Минаевичъ.

Ко кресту тутъ собиралися Донски козаки,
А и Донскіе, Гребенскіе, Запорожски хохлачи;
Становились молодцы во единой войской кругъ,
Середи круга стоитъ Войсковой Атаманъ,
А по имени ли Флоръ сынъ Минаевичь.
Атаманъ рѣчи говорилъ, будто въ трубу трубилъ:
„А и вы, братцы, козаки, вы Яицкіе, Донски 2ж, Запорожскіе,
Пособите мнѣ Атаману вы думу думати,
Челобитну ли намъ писати, Государю.... подавать?
Самому ли мнѣ Атаману въ Москву ѣхати?
Перемирье бы намъ взять передъ самимъ Царемъ:
Залегли пути дороги за сине море гулять 2ж
Еще отъ вора отъ Васьки отъ Г...... съ дѣтьми,
Залегли пути дороги за сине море,
А и не стало намъ добычи на синемъ морѣ
И на тихомъ Дону на Иванычѣ.“
И поѣхалъ Атаманъ въ каменну Москву, —
Еще будетъ Атаманъ въ каменной Москвѣ,
Поклонился Государю о праву руку,
Сквозь слезы онъ словечко едва выговорилъ:
„Ахъ! ты свѣтъ нашъ, надежда, благовѣрный Царь!
А и грозенъ, сударь, Петръ Алексѣевичь!
Прикажи намъ на Дону чѣмъ кормитися 2ж,

Залегли пути дорожки за сине море
Отъ вора отъ Васьки отъ Г....... съ дѣтьми
Еще тѣ .... дороги увойные ....
... Царствѣ ... крѣп..............
„А и гой есть Атаманъ и съ Донскими козаки!
У тебя у Атамана вѣдь козачій судъ
Если ... непорядочно живешъ ба................ (*).“

КОНЕЦЪ.

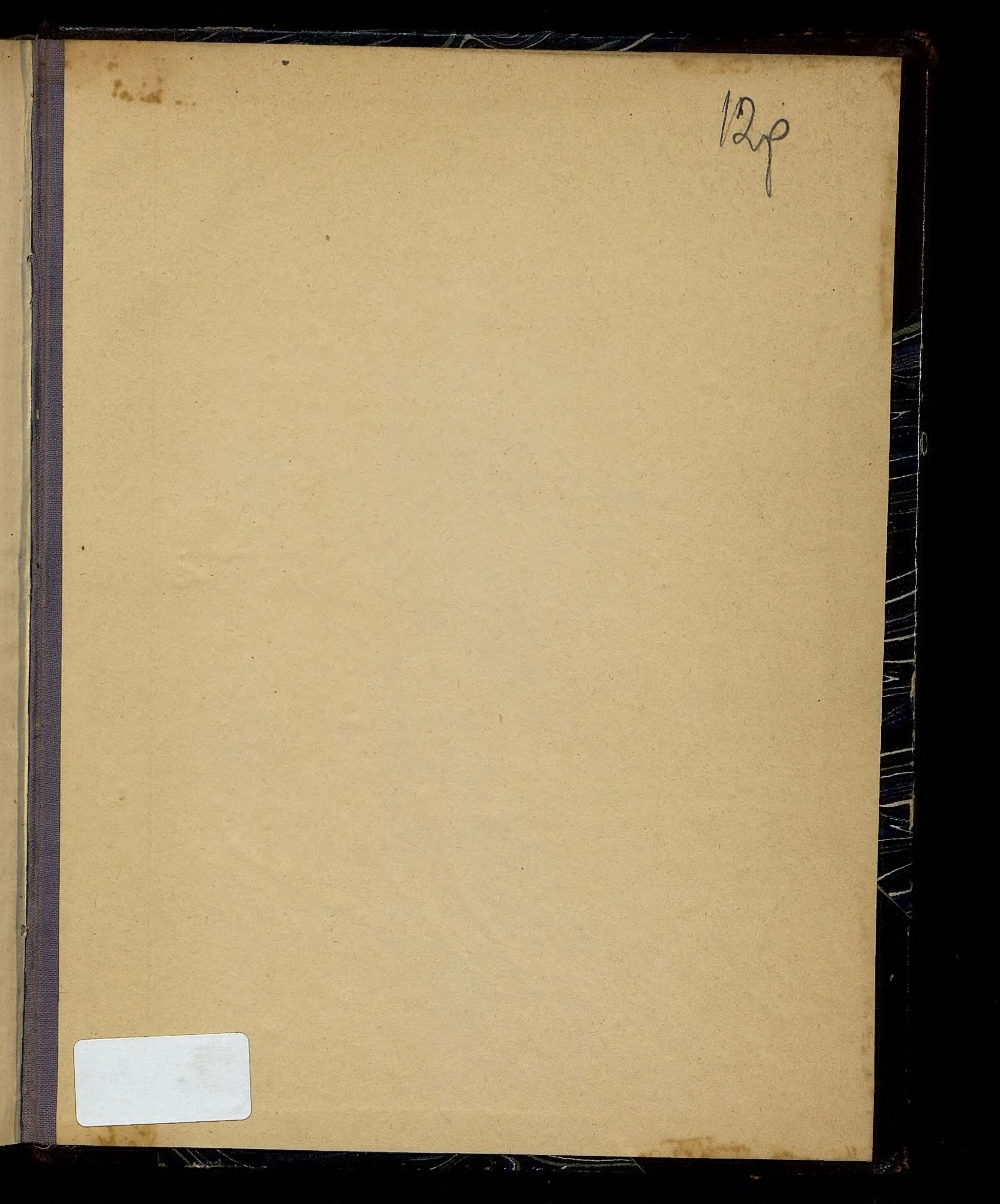


(*) Предшествовавшія строки, означенныя точками, въ подлинникѣ слиняли.

ОШИБКИ, ЗАМѢЧЕННЫЯ
ВЪ ДРЕВНИХЪ РОССІЙСКИХЪ СТИХОТВОРЕНІЯХЪ.

Напечатано:			Читай:
Стран.	Стих.		
15	15	Встрѣчу Терентьищу веселые скоморохи,	Встрѣчу Терентьищу Веселые скоморохи,
21	7	А недугъ - отъ не путемъ въ окошко скочилъ,	А недугъ - отъ не путемъ Въ окошко скочилъ,
—	16	Далъ еще веселымъ другое сто рублевъ,	Далъ еще веселымъ Другое сто рублевъ,
49	19	сѣлъ	сѣлъ онъ
56	19	Тѣ онъ поруки крѣпкія, крѣпкія на сто тысячей—	Тѣ онъ поруки крѣпкія; Крѣпкія на сто тысячей подписалися.
—	20	Подписалися. Молодой Иванъ гостиной сынъ	Молодой Иванъ гостиной сынъ
65	6	Ухватилъ	Ухватитъ
80	6	Прибили	Прибила
91	4	заходли	заходили
—	14	А тѣ	А и тѣ
105	3	Бросился	Бросался
112	14	Вверхъ *Ошибка въ оригиналѣ.*	Внизъ
119	7	объ немъ	объ нихъ
124	14	Донесли	Доносили
126	22	Ѣду - де	Ѣду - де я
129	3	хватала	хватила
136	5	А добромъ	А о добромъ
137	17	ко Кіеву	Кіеву
148	6	И Князей	Князей
—	9	Блудова	то Блудова
149	19	осердилася,	на то осердилася
156	21	добыча	добычи
158	20	щатки	щаски
162	21	Взялъ онъ	Взялъ
169	17	ни мало	не мало
170	10	еси	еси ты
182	10	Ото сна	Ото сна Алеша
—	17	ихъ	онъ
191	19	и вонъ ушелъ,	взвился и вонъ ушелъ,
202	12	Извинился	Поклонился
206	13	еси	еси ты
209	22	мою русу косу	моя руса коса
229	3	перехоже!	перехожіе!
259	6	Оставте	А ставьте
262	—	Скрозь слезы едва слезы	Сквозь слезы едва слово

Прочія маловажныя ошибки Читатель благоволитъ самъ исправить.


12р